В. Т. ПАШУТО

Героическая борьба русского народа за независимость XIII века

В. Т. Пашуто

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (XIII век)

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий русский народ в течение своей многовековой истории не раз вставал на защиту родной земли. Его борьба за независимость против монгольских завоевателей, напавших на Русь с востока, и немецко-шведско-датских и венгерско-польских захватчиков, наступавших с запада, является одной из славных страниц отечественной истории. Из народной среды вышли тысячи героев, совершивших бессмертные ратные подвиги.

Русские дворянско-буржуазные исследователи мало сделали для выяснения исторического значения героической борьбы народа. Они сводили историю общественного развития к действиям королей и полководцев, «завоевателей» и «покорителей» государств. Эти учёные описывали события на Руси в отрыве от освободительной борьбы, которую вели в то время другие народы нашей страны на огромном пространстве — от Прибалтики до Центральной и Средней Азии, от Кавказа до Карелии. Поэтому они были бессильны понять значение освободительной борьбы этих народов против татаро-монгольских захватчиков и оценить решающий вклад великого русского народа в борьбу, продолжавшуюся свыше 30 лет (1207—1240). Сопротивление не прекратилось и после того, как над народами нашей страны было установлено татаро-монгольское иго.

Эти исследователи, наконец, рассматривали историю Руси в отрыве от событий общеевропейской и мировой

истории и потому не могли раскрыть всемирно-историческое значение освободительной борьбы русского народа и других народов нашей страны, а также соседних народов Азии, Восточной и Центральной Европы.

В советское время проделана большая работа по созданию подлинно научной истории народов. Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед историками задачу: изучать объективные закономерности общественного развития и всесторонне освещать роль народа — создателя материальных и духовных ценностей, защитника независимости своей Родины, творца истории. К этому были направлены и специальные указания партии и правительства, касающиеся освободительной борьбы нашего народа против монгольских, немецких и иных захватчиков. Важное значение придавалось, в частности, правильной исторической оценке битвы на Чудском озере русских войск с немецкими феодалами, когда было приостановлено движение на восток тевтонских рыцарей, «осуществлявших колонизацию путем поголовного истребления и грабежа покоряемых народов» [1].

Советские историки, выполняя эти указания, немало сделали для изучения борьбы русского народа за независимость в XIII в. Работы Б. Д. Грекова, Н. П. Грацианского, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, И. П. Шаскольского и др. во многом способствовали уяснению этой проблемы.

Яркий материал, относящийся к этой теме, собран советскими археологами — Б. А. Рыбаковым, М. К. Каргером, Н. Н. Ворониным, А. Л. Монгайтом, А. П. Смирновым, В. К. Гончаровым и др.

Литературоведы и археографы В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачёв, В. И. Малышев и др., работая в контакте с историками, изучили и опубликовали замечательные патриотические повести и сказания об освободительной борьбе народа.

Немало сделано по изучению освободительной борьбы других народов нашей страны. Достаточно назвать исследования А. Ю. Якубовского, посвящённые истории Средней Азии, И. П. Петрушевского — по истории Закавказья, наконец, обобщающие труды по истории Прибалтики.

---

[1] «К изучению истории», сборник, М. 1946, стр. 37.

Советские историки продолжают работать над изучением социально-экономического положения Руси того времени, над исследованием военно-политического, международного значения побед, одержанных русским народом. Однако, нужно признать, что эта работа ещё далеко не завершена: ценные письменные источники, а также фольклор народов нашей страны, отражающие их борьбу за независимость, их взаимную дружбу, их связь с великим русским народом, использованы недостаточно. Мало внимания уделено в историографии и роли в освободительной борьбе XIII в. других народов Восточной и Центральной Европы — поляков, венгров, чехов, словаков, болгар, сербов, хорватов, словенцев и др., хотя наши друзья — историки стран народной демократии начали разработку этой проблемы.

Требуется критически пересмотреть освещение событий XIII в. в славянской дворянско-буржуазной историографии, которая в националистическом увлечении игнорировала значение освободительной борьбы других стран Восточной Европы и Азии с монгольскими захватчиками. Упуская из виду борьбу народных масс — крестьян и горожан, эта историография одновременно не могла правильно оценить и историческую роль отдельных полководцев — чешского короля Вацлава I, польского князя Генриха Благочестивого, венгерского короля Белы IV и др.

Долгое время историки заимствовали традиционное объяснение причины срыва монгольского похода на Европу у восточных и европейских придворных хронистов XIII в., полагавших, что смерть великого хана повлекла за собой отступление монгольских войск.

Прежняя историография не могла научно опровергнуть те искажения истории славян, которые были допущены немецкой националистической исторической школой [1]. К их числу относится неверная трактовка целей монгольского похода на запад и роли народов Восточной и Центральной Европы в борьбе с татаро-монгольским вторжением. Оба эти вопроса тесно связаны между собой.

---

[1] Правда, голоса справедливого протеста раздавались не раз. Например, ещё в 60-х годах прошлого века И. Кукулевич Сакцински отмечал, что немецкая историография замалчивает вклад славян, а также венгров в борьбу с татаро-монгольским нашествием (см. *I. Kukuljević Sakcinski.* Borba Hrvatah s mongoli i tatari, Zagreb 1863, str. 62—63).

Немецкие националистические историки, с одной стороны, утверждали, что монгольские феодалы ставили целью своего европейского похода завоевание лишь Венгрии; с другой стороны, согласно их концепции, западноевропейская цивилизация была обязана своим спасением не героической борьбе народов Европы и Азии, а осторожной политике немецких правителей и мощи их вооружённых сил. Этот взгляд на события имеет весьма давнюю традицию.

Возьмём работу такого автора, как Г. Стракош-Гроссманн. Он писал: «Как же все-таки произошло, что, хотя со стороны Германии было сравнительно так мало сделано для отпора монголам, они, в свою очередь, не напали на Германию», и отвечал, что прежде всего «целью монгольского наступления была лишь Венгрия, вопреки всем приписываемым монголам планам завоевания мира (которые существовали лишь в народной молве, а не у осмотрительных политиков), и потому, поскольку немцы не выступали против монголов, у последних тоже отпала необходимость связываться с опасным противником» [1].

Этот же автор и уход монгольских войск из Польши «объяснял» тем, что вторжение на территорию Германии грозило татаро-монголам полным уничтожением и они не осмелились вступить в столкновение с немецкими вооружёнными силами [2]. Стракош-Гроссманн фальсифицировал историю борьбы с монгольским нашествием; для него Русь — лишь база монгольского наступления на остальную Европу [3], он заявлял, будто ни гунны, ни монголы никогда серьёзно и не угрожали существованию западноевропейской (в частности, германской) культуры и политической жизни [4].

Эти взгляды получили признание и дальнейшее развитие в новейшей реакционной историографии. Так, один из представителей этой историографии — Б. Шпулер написал специальную книгу, посвящённую истории Золотой орды, истории «монголов в России». Книга Б. Шпулера представляет собой апологию монгольских ханов-завоевателей [5].

[1] *G. Strakosch-Grossmann.* Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242, Innsbruck 1893, S. 147.

[2] Ibid., S. 51—52.

[3] Ibid., S. 35.

[4] Ibid., S. 148.

[5] *B. Spuler.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223—1502, Leipzig 1943, S. VII и др.

Понятно, что в этой книге монгольское вторжение в Европу получило извращённое освещение. Б. Шпулер не менее «смело», чем Стракош-Гроссманн, препарировал исторический материал: он полностью игнорировал борьбу народов нашей страны, Восточной и Центральной Европы с монгольским нашествием, утверждая, в частности, что для монгольских ханов завоевание Руси было лишь «эпизодом»[1]; спасителями западноевропейской культуры от монгольского разорения он выставлял ... немецких рыцарей на том основании, что им якобы принадлежала решающая роль в битве при Легнице[2]. Определяющее значение для судеб Польши и Венгрии имела, по его мнению (как и по мнению Стракош-Гроссманна), смерть великого хана Угедея в Каракоруме[3]. Последующая история русско-монгольских отношений подверглась им столь же откровенному искажению.

Мы упомянули об этой книге потому, что заключённые в ней концепции нашли новых последователей за океаном, в американской буржуазной историографии. Имеем в виду, в частности, книгу Г. Вернадского «Монголы и Русь».

Г. Вернадский, следуя за Шпулером, полностью растворил историю России как «субвассала» Монгольской империи в истории великих и золотоордынских ханов[4].

Произвольно рассматривая Монгольскую империю на протяжении её истории как нечто целое, автор в то же время не нашёл места в своей книге для экономической, политической и культурной истории русского и других народов нашей страны.

В своей книге Вернадский, как и Шпулер, обращается к истории Руси лишь тогда, когда речь идёт о монгольской администрации завоёванных территорий. Ханжеские рассуждения о разорении Руси сочетаются в его книге с домыслами о якобы благотворных последствиях монгольского властвования. Понятно, что Г. Вернадский игнорирует историю борьбы народов против татаро-монгольского ига.

---

[1] *B. Spuler*. Op. cit., S. 20.

[2] Ibid., S. 22—23.

[3] Ibid., S. 24.

[4] *G. Vernadsky*. The Mongols and Russia, New Haven 1953, p. 5.

Совершенно несостоятельно и заявление Вернадского о причинах отступления монгольских полчищ из Европы. Признавая, что царившие в Западной Европе раздоры правителей лишали её шансов на отпор врагу, он заключает: «Запад был неожиданно спасен благодаря событию, происшедшему в далекой Монголии», — умер великий хан. «По сообщению Карпини, он был отравлен «теткой» его сына Гуюка. Эта женщина, кто бы она ни была, должна рассматриваться как спасительница Западной Европы» [1].

Объективный, научный анализ материала позволяет вскрыть несостоятельность подобного рода заявлений.

Факты, характеризующие цели монгольских захватчиков, а главное, их действия, свидетельствуют о том, что монгольские ханы не ограничивались намерением покорить только Венгрию. Иначе нельзя объяснить четырёхлетнюю кровопролитную борьбу на Руси (включая её северо-восточную часть), упорные сражения в Польше, Чехии, на Балканах.

Не выдерживает критики и традиционный для буржуазной историографии взгляд на причины отступления монгольских полчищ из Европы. Наступление татаро-монголов на Европу в 1236 г. первоначально охватило обширную территорию от Нижнего Поволжья до Торжка, а кончилось в 1242 г. у побережья Адриатики, где монгольские воеводы вынуждены были собирать свои потрёпанные рати для поспешного отступления за Волгу.

Если изучить борьбу народов нашей страны с татаро-монгольским нашествием и глубже присмотреться к партизанской борьбе во время продвижения татаро-монголов вглубь Европы, то можно найти истинное объяснение его провалу. Освободительная борьба народов нашей страны и прежде всего великого русского народа явилась решающей причиной срыва монгольского наступления на Европу, эта борьба спасла соседние народы Восточной и Центральной Европы от тягчайшего монгольского ига. Кровопролитная борьба за независимость народов Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Албании, Бол-

---

[1] *G. Vernadsky*. Op. cit., p. 58. Более развёрнутую оценку книги Г. Вернадского см. в рецензии Н. Я. Мерперта и В. Т. Пашуто («Вопросы истории» № 8, 1955 г., стр. 180—186).

гарии, Хорватии, Сербии и других балканских земель в 1241—1242 гг. против монгольских захватчиков также во многом помогла спасению тогдашней европейской цивилизации.

Важной и благодарной задачей советских историков и историков стран народной демократии является всестороннее изучение истории борьбы наших народов за независимость, в частности в XIII в.

Существенно отметить, что в то время, когда народы нашей страны вели героическую борьбу за независимость, мужественно сражался с монгольскими захватчиками и великий китайский народ, он значительно обескровил огромные силы монгольских завоевателей. В этой борьбе участвовали также индийский и корейский народы. В результате сопротивления этих народов сорвалось монгольское наступление на Индо-Китай, острова Индонезии и Японию, где народные массы храбро противостояли нашествию. Тогда же упорную борьбу с захватчиками вели иранские и арабские народы, благодаря чему наступление монгольских полчищ в Передней Азии захлебнулось и было остановлено египтянами (1260).

Всемирно-историческое значение имела и борьба русского народа с западными агрессорами. Разгром русскими полками под предводительством Александра Невского немецких, шведских и датских захватчиков был ударом и по стоявшим за их спиной крупнейшим реакционным силам тогдашней Европы — Германской империи и папской курии. Эти победы русского народа, одержанные в годы вторжения татаро-монгольских полчищ в восточноевропейские земли, имели огромное значение в первую очередь для исторических судеб народов Восточной Европы, особенно славянских, существованию которых грозила опасность и с востока и с запада.

Некоторые буржуазные историки пытаются утверждать, что западноевропейские правители и особенно папство прилагали немалые усилия, чтобы помочь государствам, попавшим под удар монгольских захватчиков. Факты свидетельствуют об ином. Они говорят о попытках правителей ряда европейских стран использовать в своих интересах тяжёлое положение государств, разорённых монгольскими полчищами. Факты говорят, что и папская курия и германский император поддерживали

государства, которые пытались завоевать или блокировать земли Руси, Польского Поморья и Восточной Прибалтики; курия широко применяла дипломатический шантаж на Руси и в других странах Восточной Европы, а также при монгольском дворе и в Передней Азии.

С другой стороны, в последнее время некоторые буржуазные американские историки официально провозгласили (устами профессора Джонсона из Небраски на объединённой сессии Американской исторической ассоциации и Академии истории средневековья) важность «изучения» в историческом аспекте некоего «конфликта» между странами «Запада» и «Востока» Европы в средние века [1].

Ознакомление с историческим материалом убеждает, что выдвинутая этими историками «проблема» лишена объективных оснований. Изучение исторической обстановки в Европе, в частности во время борьбы народов с татаро-монгольским нашествием, даёт основание утверждать, что в среде самих западноевропейских государств существовали тогда глубокие противоречия, междоусобные распри и конфликты, порождённые феодальным строем, и что при этом и папская курия и воевавшие против неё германские императоры спекулировали на монгольской угрозе, добиваясь реализации своих захватнических планов.

Автор настоящей книги стремился к тому, чтобы, опираясь на разнородный критически проверенный материал первоисточников и используя имеющиеся по ряду вопросов выводы советских историков, дать в научно-популярной форме возможно более полный, разработанный на основе марксистско-ленинской методологии очерк героической борьбы народов нашей страны и прежде всего великого русского народа за независимость в XIII в. [2]

---

[1] См. *E. N. Johnson.* American Mediaevists and Today — «Speculum», v. XXVIII, № 4, october 1953, p. 848.

[2] В настоящей работе мы старались учесть замечания и пожелания, высказанные в рецензиях на нашу научно-популярную книгу «Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке», как на советские издания этой книги — на русском (Учпедгиз, 1951) и украинском (Киев 1953) языках, так и на зарубежные — чешское (Прага 1953), венгерское (Будапешт 1952) и румынское (Бухарест 1953). Имеем в виду рецензии А. А. Зимина («Пре-

Данные о политической истории Руси этого времени сохранились прежде всего в русских исторических хрониках-летописях. Летописи эти обычно составлялись в монастырях, особенно княжеских, которые в то время были своеобразными центрами культурной жизни. Важные сведения летописей могут быть дополнены свидетельствами юридических (договорные грамоты) и литературных памятников, а также иностранных источников — немецких, польских, чешских и иных; используются в книге и сообщения восточных хронистов, чьи труды изданы нашими учёными; неоценимое значение имеют эпос и исторические предания народов нашей страны. Яркий материал добыт археологами.

Книга охватывает главным образом историю Руси. Изложению основной темы книги предшествует общая характеристика социально-экономического и политического положения Руси, а также её замечательной культуры. Такая характеристика имеет целью облегчить понимание исторических условий, в которых вёл освободительную борьбу наш народ.

Последующая оценка взаимоотношений русского народа с народами Прибалтики призвана способствовать уяснению исторических предпосылок их совместной освободительной борьбы.

Затем описывается борьба русского народа за независимость, против иноземных захватчиков, наступавших на Русь с запада и востока, и их пособников из среды феодалов. Освещается также освободительная борьба других народов нашей Родины и соседних стран.

Автор сознаёт, что последний вопрос освещён им весьма неполно. Но это важный вопрос, и наша задача — привлечь к нему внимание исследователей. Можно не сомневаться, что в результате совместных усилий историков многих стран он получит всестороннее освещение и со временем будет написана книга, в полной мере отражающая борьбу всех народов с нашествием татаро-монгольских захватчиков.

подавание истории в средней школе» № 3, 1953 г., стр. 106—108), Я. Маха («Sovětská věda» № 5, ročn. III, Praha 1953, str. 707—709), Б. Застеровой («Praha-Moskva» № 9, 1953, str. 126—131), Ж. Кулчар («Századok» № 3—4, Будапешт 1952, 823—825 и др.

В книге характеризуются международное положение Руси и всемирно-историческое значение её военной и дипломатической борьбы за независимость.

Русский народ своим трудом обеспечил процветание Руси и с величайшим мужеством защищал её независимость. Кровавое иго монгольских захватчиков не смогло подавить сопротивления народа, который совершил великие подвиги во имя освобождения Родины. Возрождая разорённую страну, отстраивая сёла и города, он вёл борьбу за свержение «злогорькой» ханской власти. Описанием первого этапа этой борьбы завершается книга. Эта борьба встретила сочувствие и поддержку других народов и увенчалась освобождением от татаро-монгольского ига Русской земли, всех земель нашей Родины.

Разумеется, не все эти вопросы освещены с должной полнотой, что объясняется в первую очередь скудостью источников. Огромное количество старинных летописей, литературных памятников, государственных и частных документов безвозвратно погибло во время стихийных бедствий и вражеских нашествий на Русь. Нужно надеяться, что дальнейшие поиски источников, а также всё более совершенствующееся мастерство советских историков в критическом изучении сохранившихся текстов позволят со временем создать цельное представление об этой необыкновенно тяжёлой, но богатой бесчисленными славными подвигами эпохе в истории нашей страны, в истории великого русского народа.

Часть первая

РУСЬ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—XIII вв.)

На рубеже XII—XIII вв. Русь, Русская земля, была самой крупной из европейских стран. Она раскинулась от Дуная и Прибалтики до Волги и Урала, от Чёрного моря до побережья Ледовитого океана. Книжник того времени, живший в Суздальской земле, в жизнеописании князя Александра Невского так говорил о родной Руси: «О светло светлая и украсно украшена земля руская, и многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, реками и клядязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравоми чистыми, полми дивными, зверми различными, птицами бещислеными, городы великими, селы дивными, винограды обителными, домы церковными и князьми грозными, бояры честными, велможами многами: всего еси исполнена земля руская...» [1].

Однако, описав красоту и богатства Русской земли, автор с тревогой говорит об ухудшении её международного положения. Правители соседних стран угрожали независимости Руси. Прошли те времена, когда византийский император, опасаясь киевского великого князя, «великия дары посылаше к нему», когда «немцы радовахуся, далече будучи за синим морем», когда венгры

[1] «Житие Александра Невского», подг. к печати В. И. Малышев — «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы Академии наук СССР, V, М. — Л. 1947, стр. 188.

укрепляли «каменные городы железными вороты, абы на них» русский князь «тамо не вьехал».

А на самой Руси было неспокойно, ибо приключилась русским «болезнь». Эта «болезнь» — постоянные феодальные распри, ссоры и войны русских князей, правителей отдельных княжеств.

Со времён киевского великого князя Ярослава Мудрого терзали распри Русскую землю. К середине XII в. государственное единство Руси под властью киевских князей и бояр стало далёким воспоминанием. Киев, прежде величием подобный Константинополю — столице Византийской империи, утратил былой блеск, уступая в своём экономическом и политическом значении таким городам, как Владимир-на-Клязьме, Галич-на-Днестре, Полоцк-на-Двине, Великий Новгород. На месте относительно единого Древнерусского государства сложились многие княжества.

Князья таких вновь возникших княжеств проводили собственную политику; они теснее связывали свои интересы с интересами местных феодалов, стремились увеличить земельные владения, захватывая соседние земли (в том числе земли соседних русских княжеств), и повысить их доходность за счёт угнетения крестьян-смердов и использования богатств растущих городов. Начались непрерывные междоусобные войны правителей феодальных княжеств и, как отметил новгородский летописец, «раздьрася вся земля Русьская». Эти войны несли разорение крестьянству и городам. Они продолжались даже тогда, когда внешние враги угрожали Русской земле; они ослабляли военную мощь Руси и затрудняли борьбу русского народа за независимость.

О виновниках этих войн — князьях с глубокой горечью писал ещё в XII в. автор «Слова о полку Игореве»:

«...Рекоста бо брат брату:
«Се мое, а то мое же».
И начаша князи про малое
«се великое» молвити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании со всех стран прихождаху с победами
на землю Рускую»[1].

---

[1] «Слово о полку Игореве», М. — Л. 1950, стр. 17.

Однако не следует думать, что переход к феодальной раздробленности означал упадок Руси. Напротив, феодальная раздробленность была закономерным, прогрессивным этапом, когда, несмотря на все феодальные распри и иноземные вторжения, напряжённый труд крестьян и ремесленников, труд народа создавал условия, подготовлявшие дальнейший подъём нашей страны и её новое, неизмеримо более прочное, чем в период Киевской Руси, объединение. Высокий уровень культуры Древней Руси хорошо известен [1]. Период феодальной раздробленности ознаменовался новыми крупными сдвигами в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Руси.

[1] См. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, Госполитиздат, 1953.

Глава первая

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В развитии производительных сил деревни произошли заметные сдвиги. Более совершенными стали орудия сельского хозяйства.

Развитие сельского и городского ремесла происходило на основе металлургического производства, подъём которого продолжался вплоть до нашествия монгольских захватчиков. В XI—XIII вв. было создано (только добытых археологами) 150 новых видов изделий из железа и стали; в ремесле, обрабатывающем чёрный металл, известно не менее 16 отдельных специальностей [1].

Деревня получала посредством обмена от городских посадских ремесленников различный качественный инвентарь — серпы (они известны трёх типов), косы, ножи, ножницы, топоры, скобели, долота, резцы, свёрла, висячие и резные замки и др. Основной технологией в изготовлении качественных орудий труда, инструментов (а также и оружия) было соединение в изделии стального лезвия с железной основой путём сварки.

Русские кузнецы применяли для улучшения качества стальных лезвий разнообразные режимы тонко разработанной технологии термической обработки, они отлично использовали технику сварки и горнового паяния медью железа и стали.

---

[1] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 32, М. 1953, стр. 55, 206, 197.

Известно более 40 видов и некачественных изделий деревенского инвентаря — сошники, лемехи, чересла, оковки лопат, мотыги, гвозди, подковы и др. Укрепление экономических связей города с деревней немало содействовало развитию сельского хозяйства на Руси[1]. В Юго-западной Руси к середине XI в. отмечены разнообразные пашенные орудия. Жители Поднестровья пользовались череслом для упряжной тяги тяжёлого плуга при вспахивании целинных земель, лемехом — для старопахотных земель и маленькими лемешками — для предпосевной обработки почвы[2]. Для размола зерна стала применяться наряду с ручной водяная мельница. Рост населения и прогресс земледельческой техники в условиях расширения феодальной собственности на землю и прикрепления к земле зависимого крестьянина содействовали развитию паровой системы земледелия[3]. Постепенно в северо-восточных районах страны вытеснялась подсека, а в центральных местами возобладало трёхполье[4], там, где это происходило, посевная площадь таким образом фактически увеличивалась с половины до двух третей наличной пахотной земли. Уменьшалась угроза полного неурожая, равномернее распределялась работа крестьянина по временам года. Трёхполью сопутствовало удобрение почвы навозом, повышавшее урожайность. Поднимались и целинные земли. Были освоены значительные пространства в Подвинье, Поволжье.

При господстве устойчивого полевого земледелия высевались все основные виды сельскохозяйственных культур: рожь озимая и яровая, просо, овёс, пшеница, гречиха, горох, полба, мак, лён. В русских обрядах, обычаях и песнях, восходящих к седой старине, хлебу принадлежит самое почётное место[5]. Из садово-огородных культур возделывали репу, капусту, бобы, лук, чеснок, хмель, вишни, яблоки. Хлеб убирали серпом и косой. О развитом пашенном земледелии свидетельствует

---

[1] *Б. А. Колчин.* Указ. соч., стр. 87, 191, 193, 201 и др.

[2] См. *Г. Б. Федоров.* Городище Екимауцы — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (в дальнейшем — КСИИМК), вып. L, 1953 г., стр. 122.

[3] *А. В. Кирьянов.* К вопросу о земледелии у волжских болгар — КСИИМК, вып. LVII, 1955 г., стр. 9 и сл.

[4] См. *А. В. Кирьянов.* К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. — КСИИМК, вып. XLVII, 1952 г., стр. 147—157.

[5] См. *Н. Ф. Сумцов.* Хлеб в обрядах и песнях, Харьков 1885.

ремесленное производство сельскохозяйственных орудий на продажу. При работах на огородах применялась лопата с железным наконечником — «рыльцем» [1]. Заметно возросло поголовье скота.

Значительно быстрее, как увидим, происходило развитие производительных сил в городе.

Крестьяне составляли подавляющее большинство населения. Они жили общинами. Крестьяне независимо от их правового положения — и лично свободные (жившие на государственной земле) и зависимые (попавшие под вотчинную власть светских и духовных феодалов) назывались смердами (или сиротами). Постепенное развитие производительных сил, совершенствование производственного опыта и навыков крестьян к труду создавали условия для роста крупной феодальной собственности на землю в виде и боярских наследственных вотчин и дворянских владений.

Уходило в прошлое то время, когда феодал, как правило, владел лишь близлежащим к его замку полем, на котором выполняли барщину подвластные ему крестьяне. Теперь появились гораздо более богатые феодалы. Большие земельные угодья феодалов-бояр были разбросаны по княжествам, разрослись дворы и хозяйственные постройки. Эти крупные вотчины расширялись за счёт сокращения фонда государственных («чёрных») земель и вовлечения новых масс лично свободных крестьян в феодальную кабалу.

Рост производительных сил общества требовал некоторого развития инициативы крестьянина, большей его заинтересованности в труде. Поэтому в соответствии с развитием производительных сил и укреплением крупной феодальной собственности изменялись и формы эксплуатации крестьян. Стала распространяться новая, натуральная форма ренты — оброк.

Натуральные формы ренты, скрытые зачастую под старыми названиями «дань» и «полюдье», засвидетельствованы по всей Руси. Мы находим их, например, в западноволынских грамотах второй половины XIII в. По уставной грамоте (около 1286 г.), берестьянские крестьяне были обязаны вносить своим господам оброк

---

[1] См. История культуры Древней Руси, т. I, М. — Л. 1948, стр. 66.

Жатва
(Миниатюра XVI в.)

натурой — мёдом, льном, хлебом, овсом, рожью, овцами и курами [1], т. е. содержать, кормить и одевать их и окружающую дворню. Судя по другой, духовной грамоте

[1] Полное собрание русских летописей (в дальнейшем — ПСРЛ), т. II, СПБ 1908, стб. 932.

(около 1287 г.) крестьяне княжеских владений Владимирской земли платили дань и «страдали» (несли «тягло», т. е. подымную подать) на князя [1].

То же видим в Смоленской земле, где, по уставной грамоте (1150), с местного населения поступали князю исчисленные в деньгах «дань» и «полюдье» [2]. В Новгородской и Суздальской землях с крестьян также брали «дань» бояре и князья [3]. Владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич иногда лично объезжал свои владения, проверяя поступление оброка — «полюдья» [4].

Появились и новые категории крестьян-оброчников: смоленские «прощеники», зависимые от местного епископа, который брал с них оброк (мёдом и кунами) и имел право творить над ними суд [5]; новгородские и суздальские смерды — «закладники», издольщики («половники») и оброчники, не раз отмеченные в документах в связи с попытками бежать из одной земли в другую в надежде на лучшую долю [6].

Размер оброка постоянно возрастал. Кроме того, попав в зависимость от крупных землевладельцев, тяглые крестьяне продолжали уплачивать в пользу государства установленные денежные подымные (с «дыма», с хозяйства) подати и поборы. На крестьян падал и тяжёлый сбор в пользу церкви — так называемая десятина.

Усиление оброка, разумеется, не уничтожило барщины, которая существовала и развивалась повсеместно. Но рост ренты продуктами содействовал хозяйственному подъёму Руси. Крестьянин становился более самостоятельным хозяином. Повысилась производительность его труда. Появились более крупные различия в хозяйственном положении крестьян [7]. Крестьянин получил возмож-

---

[1] Полное собрание русских летописей (в дальнейшем — ПСРЛ), т. II, СПБ 1908, стб. 903—904.

[2] Памятники русского права, сост. А. А. Зимин (в дальнейшем — ПРП), вып. 2, М. 1953, стр. 39—42.

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова, М. — Л. 1950 (в дальнейшем — НПЛ), стр. 33.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л. 1927, стб. 408.

[5] ПРП, вып. 2, стр. 39.

[6] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, М. — Л. 1949 (в дальнейшем — ГВНиП), № 2, стр. 10—11; № 7, стр. 18.

[7] См. *Г. Ф. Соловьева* и *В. В. Кропоткин*. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси — КСИИМК, вып. XLIX, 1953 г., стр. 25.

ность создавать и использовать некоторый излишек сверх того количества продуктов, которое удовлетворяло его необходимые потребности, и обращать этот излишек на рынке в товар. Правда, район сбыта продукции деревенских ремесленников не превышал 10—20 *км,* едва ли шире была и сфера сбыта крестьянами сельскохозяйственных продуктов, но расширение связи крестьянского хозяйства с рынком в значительной степени способствовало подъёму ремесла, увеличению прежде всего в городе товарного производства, развитию городов и торговли. При этом, разумеется, натуральное хозяйство оставалось господствующим.

Развитие городов, где можно было, продав сельскохозяйственные продукты, приобрести предметы роскоши, заморские вина, оружие и т. п., в свою очередь толкало феодалов к увеличению натурального оброка, к усилению эксплуатации крестьян.

Лично свободный смерд сохранял ещё собственность на орудия производства, основанную на своём труде. Если смерд впадал в нужду, то он становился по договору — «ряду» — лично зависимым от феодала. Значительную категорию таких крестьян составляли «закупы». Это — крестьяне, потерявшие средства производства и попавшие в кабалу к хозяину, от которого получали небольшой участок земли и материальную помощь («купу»), а также инвентарь — плуг, борону — и право пользоваться господским конём. «Закуп» работал в имении своего господина; в случае ухода от него он был обязан вернуть «купу»; господин имел право подвергать его телесному наказанию; в случае совершения кражи или бегства от хозяина «закуп» превращался в холопа. В числе лично зависимых крестьян находились также «изгои», главная масса которых происходила из холопов, освобождённых господами за выкуп. Большую группу зависимой челяди, постоянно пополняемую путём захвата крестьян во время феодальных войн, составляли холопы. Холопы не имели вовсе никаких политических прав. Экономические права холопов несколько расширяются. Закон отмечает появление у них имущества (наследства) [1].

Народ понимал, что именно трудом крестьян и ремесленников создаётся и защищается от врагов богатство Родины. Поэтому в былинах прославляются не феодалы с

---

[1] ПРП, вып. 2, стр. 60—61, 79.

их распрями, а простые люди, крестьяне-богатыри. Крестьянский труд описан в ярких, праздничных красках [1].

Сохранившиеся письменные источники в подавляющем большинстве содержат, однако, сведения не о труде и подвигах крестьян и ремесленников, которые упоминаются лишь кое-где, вскользь, а о жизни и деятельности князей, бояр, церковников. Но и материал об экономическом положении разных групп класса феодалов свидетельствует, что их благополучие строилось на угнетении крестьянства [2].

Могущество феодалов, и экономическое и политическое, определялось размерами земельной собственности, т. е. прежде всего — земли, обрабатываемой их подданными — крестьянами. Резко усилилась борьба за эту землю и за крестьян.

На Руси происходил бурный рост крупного землевладения. Боярство — господствующее сословие этой поры — продолжало захватывать крестьянские земли. Крупный землевладелец-вотчинник становился «государем» в своих владениях, пользовался правом суда над подвластными крестьянами и другими привилегиями. Летописи разных русских земель сообщают, что бояре «грабят землю». От бояр не отставали и князья, которые были не только носителями верховной власти, но и собственниками своих земельных владений (доменов) и в отношении к своей земле и сидевшему на ней населению принципиально ничем от бояр не отличались.

Вот что сообщают источники о княжеских владениях во Владимиро-Суздальской земле. В известии о князе Андрее Боголюбском говорится, что его замок — «двор княж», — обслуживали ремесленники, которые «пришли к делу» (об их занятиях можно судить по тому, что в их руках были «злато и сребро, порты и паволокы»), и что княжескому имуществу «не бе числа» [3]. Это был богатый князь. О его земельных угодьях свидетельствует размер пожалованья, сделанного им владимирской церкви:

---

[1] См. *Д. С. Лихачев.* «Эпическое время» русских былин — Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия, сборник статей, М. 1952, стр. 60.

[2] См. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 260—261.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 370.

князь дал ей «много имения и слободи купленыя, и с даньми, и села лепшая...» [1]

О владимирских боярах летопись говорит, что они ненасытно стремились к захвату «многого именья». Известны богатые боярские семьи, например Кучковичи и др. Обогащались и духовные феодалы. Так владимирский епископ Симон похвалялся богатствами своей епископии: «Колико имеета градов и сел, и десятину собирають по всей земли той! И тем всемь владееть наша худость...» [2]. О том, как составлялись подобные владения, мы узнаём из летописи, характеризующей хозяйственную деятельность ростовского епископа Фёдора, который с помощью «насилия и заточения» «у многых бо сущих под властию его» отнимал «села и домы» [3], от этого епископа многие люди «роботы добыша» [4], т. е. попали в зависимость.

Рост экономически сильной светской и духовной знати происходил и в других землях. Галицко-волынский князь Даниил Романович имел возможность предоставить черниговскому князю «пшенице много, и меду, и говяд, и овец доволе» [5]. Владел князь и богатыми городами — такими, как Холм, Львов, Данилов и др. Богаты и сильны были и галицко-волынские бояре. Известны боярские семьи Кормиличей, Арбузовичей, Молибоговичей и др.

Какой силы достигали галицкие бояре, можно судить по одному из них — Судиславу Бернатовичу. Близ Галича у него был свой замок, где можно было найти в изобилии и «вино, и [о]воща, и корма, и копии, и стрел» [6]. Этот боярин пользовался огромным влиянием в Галиче, где возглавлял значительную группу боярства, и имел сторонников в Городке, Ярославе, был связан с боярами Перемышля и Звенигорода. Не удивительно, что в начале XIII в., в правление здесь Мстислава Удалого и потом венгерских ставленников, фактическая власть была сосредоточена в руках Судислава. Считались с ним и при венгерском дворе, как с тестем известного венгерского

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 491.

[2] «Патерик Киевского Печерского монастыря» (в дальнейшем — Патерик), СПБ 1911, стр. 76.

[3] ПСРЛ, т. VII, СПБ 1856, стр. 85.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 552.

[5] Там же, стб. 783.

[6] Там же, стб. 758.

воеводы Фили. Таких бояр мы не находим в Древней Руси. Непрерывно увеличивалось в Юго-западной Руси и церковное землевладение. Об этом свидетельствует упоминание в летописях о значительном числе новых монастырей [1], которые поглощали крестьянские общинные земли.

Подобные же явления наблюдались и в других частях Руси. Например, о смоленских боярах сложилось представление как о людях, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селом» [2], как о ненасытных феодалах, захватывающих земли, населённые крестьянами. Князья до поры широко поддерживали церковное землевладение. Из уставной грамоты князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии (1150) узнаём, что князь передал ей сверх десятины «от всех даней смоленских» ряд земель, в том числе два села вместе с крестьянами [3].

Крупными землевладельцами рисует летопись черниговских князей Ольговичей: только в одном «добре» устроенном «сельце» князя Игоря, где находился княжеский двор, было и «готовизны много, в бретьяничах (амбарах) и в погребех вина и медове»; здесь же много «тяжкого товара всякого» — железа и меди; на княжеском гумне сложено 900 стогов хлеба; княжеские табуны насчитывали не менее 4 тыс. лошадей [4]. Имение князя Святослава в Путивле включало «скотнице и бретьянице, и товар»; в погребах его хранилось 500 берковцев мёду и 80 корчаг вина [5]. При княжеском доме-замке жили крестьяне и холопы, созидавшие эти богатства. Земельные богатства минских князей характеризует пожалованье, сделанное в 1159 г. княгиней Анастасией монастырю. Помимо серебра и золота она пожаловала «5 сел с челядью».

Сходным образом росло крупное землевладение и в других частях Руси, но, к сожалению, скудость источников не позволяет изобразить этот процесс с достаточной полнотой.

---

[1] См. *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М. 1950, стр. 158—159.

[2] «Памятники древней письменности», вып. XC, СПБ 1892, стр. 14.

[3] ПРП, вып. 2, стр. 39—42.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 333—334.

[5] Берковец равен приблизительно 164 *кг;* корчага вмещала 18—21 *кг* (см. *Л. В. Черепнин.* Русская метрология, М. 1944, стр. 29, 79).

Сравнительно быстрый рост боярского и церковного землевладения сопровождался укреплением политического могущества феодальной знати, порождал в её среде противников сильной княжеской власти.

Значительную группу господствующего класса составляло растущее дворянство — служилые феодалы. В Галицко-Волынской земле их называли «служащими боярами» и «детьми боярскими»; во Владимиро-Суздальской они именуются дворянами, в Новгороде и Киеве — дворянами и «милостниками». По летописи, «двор» всегда предполагает совокупность военных слуг [1].

В летописях и грамотах дворяне не раз упоминаются как опора князей. Дворянам шла часть военной добычи. Например, князь Мстислав Удалой, собрав в 1214 г. дань с подвластных Новгороду земель, отдал две трети её новгородскому боярству, а одну треть — своим дворянам [2]. Не случайно также новгородские бояре, ограждая свои владения от посягательства князей, всячески препятствовали передаче новгородских сёл княжеским служилым боярам и дворянам [3].

Слуги вольные, «дети боярские», дворяне — это обычно военные люди, младшие члены княжеских и боярских дружин. Они являлись опорой сильных князей, в частности поставляя им значительные массы войск, укомплектованных из их «подданных», «смердов-пешцев». Великие князья, ведя борьбу с непокорным боярством, значительно расширяли категорию дворян, раздавая им домениальные земли, а также земли, которые им удавалось отбирать у разбогатевших и отказывавшихся признавать княжескую власть бояр и церковников.

Следовательно, класс феодалов не был однородной массой.

Политическое положение феодала определялось размерами землевладения, а земельная собственность носила иерархический характер. Во всех княжествах, независимо от местных особенностей, господствующий класс, державший в руках власть, представлял иерархическую организацию, возглавляемую номинальными носителями верховной власти — великими князьями. Каждый член

---

[1] См. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, книга первая, М. 1952, стр. 524.

[2] НПЛ, стр. 52—53.

[3] ГВН и П, № 2 и № 3, стр. 10—13 и др.

этой иерархии был вассалом по отношению к своему более богатому и сильному сеньёру и сеньёром по отношению к своим вассалам. Вассал нёс военную службу в дружине сеньёра, посылал ему определённую часть военной добычи и пр. Иерархическая структура земельной собственности и её условность, связанная с несением определённых служб, являлись выражением распределения земельной собственности и ренты внутри господствующего класса. В то же время эта структура, с которой была связана система вооружённых дружин, обеспечивала господствующему классу в целом власть над крестьянством [1].

Сила князей зависела от конкретных условий. Не занятая отдельными феодалами земля считалась собственностью государства, и приобретение её требовало пожалования от имени князя. Местные великие князья считались главами своих княжеств, формально им принадлежала вся полнота государственной власти (управление, суд, законодательство, войско и т. п.), но фактически они должны были делить власть с другими феодалами. Иерархической форме феодальной земельной собственности соответствовала иерархическая форма государственной власти.

Внутренние противоречия сословных групп пронизывали историю класса феодалов. Можно наблюдать одновременно и рост значения землевладельческой знати и усиление борьбы с ней великокняжеской власти. Крупнейшие князья Владимиро-Суздальской земли постоянно сталкивались с сопротивлением части разбогатевшего боярства и церковников, не желавших им подчиняться. Бояре не раз устраивали антикняжеские заговоры. И князья в свою очередь прибегали к крутым мерам: отнимали у таких бояр земли, истребляли особенно непокорных или изгоняли их из страны.

Князья стремились поставить под свой контроль и церковь. Можно привести сохранившиеся убедительные свидетельства летописей по этому вопросу. Во Владимиро-Суздальской Руси князь Андрей Боголюбский после долгой тяжбы прогнал в 1159 г. неугодного ему ростовского епископа Леона. Не ужился князь и с его преемни-

[1] Подробнее см. *Л. В. Черепнин.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) — «Вопросы истории» № 4, 1953 г., стр. 46—58.

ком, епископом Фёдором, который даже отлучил князя от церкви; епископ «церкви все в Володимери [повеле] затворити и ключе церковные взя и не бысть звоненья, ни пенья по всему граду»[1]. Позднее епископ был казнён [2].

Но богатства духовной знати неуклонно возрастали. О ростовском епископе Кирилле (начало XIII в.) летопись сохранила колоритные сведения: он был ещё богаче, чем его предшественник, «богат зело кунами, и селы, и всем товаром, и книгами и просто рещи так бе богат всем, так ни един пискуп (епископ) же быв в Суждальстей области» [3]. Богатства этого епископа привлекли внимание князя: Ярослав Всеволодович нашёл повод и средства завладеть его имуществом, а епископ был заточён в монастырь. Владимиро-суздальские князья в борьбе с духовной знатью добились значительного успеха: как правило, местными епископами назначались их ставленники.

Ту же картину можно наблюдать и в Галицко-Волынской Руси, где князь Роман Мстиславич враждовал с владимирским епископом, а его сын Даниил в ходе феодальной войны лишил сана трёх епископов — галицкого, перемышльского и, наконец, угровского.

Произвол церковников был столь велик, что стал даже предметом специального рассмотрения на церковном соборе во Владимире в 1274 г. Решения собора не могли иметь, разумеется, серьёзного практического значения, но они интересны для изучения истории общественных отношений. Из этих решений узнаём, что «некии» из церковников «дерзнуша продати священный сан», т. е. торговали церковными должностями; другие «насилие деюще» над церковными людьми, включая «нищих», особенно «на жатву, или сенасечи или провоз»; третьи за взятки — «на мзде» назначали наместников и сборщиков десятины; четвёртые, наконец, «скаредного деля прибытъка» отлучали людей от церкви [4].

Усиленно «хитая (хватая) от чужих домов богатства», растущая церковная знать вновь и вновь сталкивалась с князьями. Её полное подчинение государственной власти — дело далёкого будущего.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 355.
[2] Там же, стб. 356—357.
[3] Там же, стб. 452.
[4] Русская историческая библиотека, т. VI, ч. I, СПБ 1880, стр. 86—92.

Борьба за землю, за крестьян приводила к постоянным столкновениям отдельных групп господствующего класса. Долгие и изнурительные для народа феодальные войны раздирали Русь. Обычной причиной феодальных войн были споры из-за земли.

Эти войны, неизбежным последствием которых был захват земли, разоряли крестьянство. Например, в 1169 г. новгородское боярское правительство отправило своих данщиков за Волок; натолкнувшись на сопротивление со стороны владимиро-суздальского князя, они не только взяли дань с крестьян подвластных им земель, но заодно собрали вторично дань с соседних, суздальских крестьян[1]. Зачастую при взаимных набегах феодалы так разоряли земли друг друга, что не оставляли буквально «ни челядина, ни скотины».

Насколько острой была борьба внутри господствующего класса, видно из памятников общественно-политической мысли. Так, идеолог дворянства того времени владимиро-суздальский писатель Даниил Заточник (XII—XIII вв.) в своих сочинениях выступает как яркий апологет княжеской власти, обличает боярство и церковную знать и выдвигает дворянство в качестве основной опоры сильных князей. Даниил выступал против сильных бояр: «Конь тучен, яко враг сапает (храпит) на господина своего: тако боярин богат и силен смыслит (умышляет) на князя зло». Лучше бы мне, обращался Даниил к князю, «нога своя видети в лыченици (в лапте) в дому твоем, нежели в черлене (сафьяновом) сапозе в боярстем дворе». Обличает Даниил и представителей духовной знати, которые «обидят села и домы славных мира сего, яко псы ласкосердии... святительский имея на себе сан, а обычаем похабен»[2]. Заточник стоял за выдвижение к власти дворян: из них должны состоять «бояре думающие», «думцы княжеские», а не из «властелинов без ума».

Противоположные мысли отражены в памятниках идеологии боярской и церковной знати. Например, киево-печерский «Патерик» (XIII в.) проводил идею господства церкви над государством, говорил о «праведности» княжеских и боярских земельных вкладов в монастыри, передачи им имений и сёл, золота и серебра, возов со

---

[1] НПЛ, стр. 33.

[2] «Слово Даниила Заточника» — «Памятники древнерусской литературы», вып. 3, Л. 1932, стр. 19, 59, 60, 70.

снедью — хлебами, сырами, корчагами вина и т. п. Имевшее место ещё в XI в. стремление князей противостоять церкви, например, попытка киевского великого князя воспротивиться уходу в монастырь сына знатного боярина и его угрозы разрушить монастырь и отправить игумена и монахов в заточение, осуждаются с напоминанием, что подобные действия, ослабляющие власть церкви, приводили в других странах (например, в соседней Польше) к крестьянским восстаниям. Перед лицом этой угрозы на время затихали распри среди феодалов, чтобы затем вспыхнуть с новой силой.

Тенденция к централизации, к единству страны, зародившаяся в княжествах, возникших после расчленения Древнерусского государства, хотя и развивалась, но не могла ещё завершиться полной победой великокняжеской власти. Не раз «молодое», «служащее» боярство и дворянство, богатея, заступало место «старого», «коромолующего» боярства и в феодальных войнах сталкивалось с князем, опрокидывая его попытки объединить значительную территорию. Ещё не созрели экономические условия для победы тенденции к единству; объединения земель, хотя и более прочные и широкие, чем раньше, были недолговечны. Но развитие тенденции к объединению не прекращалось, за ней было будущее.

Реальной основой существования этой тенденции являлось то, что все феодальные княжества Руси были населены древнерусской народностью. Народ говорил на одном языке (при наличии ряда диалектов). На всей территории Руси действовали одни светские («Русская Правда») и церковные (уставы) законы. Имелась однородная (гривенная) денежная система. Народ возводил и во Владимире, и в Галиче, и в Суздале, и в Холме, и в Смоленске, и в Чернигове постройки, близкие по стилю; он создавал литературные памятники, проникнутые заботой об единстве Русской земли. Особенно яркое выражение идея единства Русской земли нашла в былинах.

Глава вторая

ГОРОД

В период развитого феодализма весьма важным фактором экономической, политической и культурной жизни страны стал город. По сравнению с Древней Русью значение города, несомненно, увеличивается [1].

Русские города, основную часть населения которых составляли ремесленники, переживали значительный экономический подъём. Число городов (больших и малых) выросло за это время почти втрое и, только по скудным данным летописей, достигало 300.

К XIII в. летопись в одном Галицко-Волынском княжестве упомянула свыше 70 городов. Не меньше было их и во Владимиро-Суздальской земле. В это время возникли такие города, как Москва, Владимир-на-Клязьме, Нижний-Новгород, Львов, Холм и др. Такое увеличение числа городов свидетельствует о дальнейшем развитии общественного разделения труда и товарного производства.

Примерно с середины XII в. начался расцвет городского ремесла, продолжавшийся вплоть до татаро-монгольского нашествия. Ремесленная культура Руси этой поры «предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью», совершенствующей свою технику. Ремесленники своим трудом в

---

[1] См. *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, М. 1946.

Кузница

(Миниатюра XVI в.)

значительной степени обеспечили блестящий подъём культуры Руси. Росло не только количество ремесленников, но и число ремесленных специальностей, что говорит о неуклонном развитии разделения труда. Письменные источники того времени упоминают 22 ремесленные специальности; археологический материал позволяет расширить (отнюдь не исчерпав) их число до 60[1]. Развивалось

[1] См. *Б. А. Рыбаков*, Ремесло Древней Руси, М. 1948, стр. 501, 509.

и сельское ремесло. Дворы князей, крупных бояр и монастырей были обеспечены собственными ремесленниками разных специальностей — кузнецами, гончарами, бондарями, косторезами, ювелирами, литейщиками, древоделами, кожевниками и др. [1]

Летописи и другие письменные источники рисуют русские города как крупные ремесленно-торговые центры.

Даже в небольших городах имелись гончарные горны нескольких систем, сложные домницы для варки железа и т. д.

В XIII в. на Руси появляется наиболее совершенный вид сыродутного горна, который был переходным типом к чугунолитейной домнице. Но монгольское разорение нанесло тяжкий удар русской культуре. В Западной Европе, не испытавшей этой участи, в конце XIV в. перешли к новой металлургической технике — чугунолитейному производству [2].

Замечательный княжеский дворец в Боголюбове, великолепные храмы во Владимире, Новгороде, Галиче, Чернигове и других городах, украшенные каменной резьбой, водопроводы и мостовые, частью сохранившиеся и изученные советскими археологами, характеризуют достижения русских «делателей», «хитрецов» (искусников), «городовиков».

Русские ремесленники производили сложные работы. Так, например, во Владимире-на-Клязьме местные заказчики при ремонте Успенского собора, «не ища мастеров от немець», использовали владимирских — «иных олову льяти, иных крыти, иных известью белити» [3]. То же наблюдалось и в Галицко-Волынской земле, где в городе Холме отливали колокола — техника этого дела требовала устойчивых профессиональных навыков; там же был «слит от меди и от олова чиста» помост для местной церкви. Даже в сравнительно небольшом княжеском городе Любомле князь однажды силами местных ремесленников «двери солия медные» и для церквей «сосуды служебны[е] серебряны[е] скова» и т. п. [4] Можно привести множество подобных примеров. Недаром образы ремесленного труда широко использовались в литературе. «Яко же бо олово гинет, часто разливаемо, тако и человек, [от]

---

[1] См. *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 496.
[2] *Б. А. Колчин.* Указ. соч., стр. 54.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 411.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 843—844, 926—927.

многия беды [худеет]», «железо уваришь, а злы жены не научишь»[1],— писал Даниил Заточник.

Тысячи сельских и городских кузнецов, сотни оружейников, многочисленные ювелиры — «златокузнецы» и т. д. снабжали страну орудиями труда, оружием и создавали тончайшие изделия из бронзы, серебра и золота, украшенные филигранью, чернью (чёрный фон узорчатых серебряных пластинок) и невыцветающими красками эмали. В золотой росписи по меди, в технике зерни (выделка узоров из мельчайших спаянных зёрен металла) и скани (выделка узоров из проволоки), в изготовлении тончайших литейных форм русские мастера опередили западноевропейских ремесленников. Под влиянием связей с рынком ремесленники совершенствовали технику, стремясь придать выпуску продукции массовый характер (применяли, например, каменные литейные формы, заменяли чеканку штамповкой и т. п.).

Автопортрет мастера-литейщика Авраамия на вратах Софийского собора в Новгороде

(XIV в.)

По мере роста общественного разделения труда наряду с ремеслом развивалась и торговля. Сфера сбыта изделий деревенских ремесленников была невелика[2], а определить удельный вес числа товаропроизводителей в деревне пока ещё не удалось. Но связь сельской округи с городами заметно возрастала. Налицо значительный обмен между городом и деревней[3]. Летописи сохранили об этом

[1] «Слово Даниила Заточника», стр. 12, 31.

[2] См. *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 452.

[3] См. *Н. Н. Воронин.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города — КСИИМК, вып, XLI, 1951 г., стр. 28.

некоторые данные. На новгородском рынке кроме главного продукта — ржи — продавались: овёс, пшеница, пшено, печёный хлеб, мясо, рыба, соль, мёд, репа и т. п. Состав продуктов (среди которых были скоропортящиеся) и колебание цен в зависимости от урожая свидетельствуют о том, что это был местный привоз (в какой мере собственно крестьянский, сказать трудно). Притом размер рынка был ещё невелик; появление войск на постой (1228), т. е. увеличение спроса, резко повышало цену. «Воздорожиша все по торгу: и хлеб, и мяса, и рыбы; и оттоле ста дороговь»[1], — сообщает местный летописец. На Волыни города также были тесно связаны с окрестными сёлами. Когда здесь однажды татары стали на постой, кормить своих коней, и не давали горожанам Владимира «вылезти в зажитье», т. е. подвести сельскохозяйственные продукты, то «изомре» в городе «бещисленое множество» жителей[2].

Если о крестьянской торговле этого времени сведений у нас пока нет, то участие феодалов в торговле сельскохозяйственными продуктами многократно засвидетельствовано. Например, волынский князь Даниил Романович продавал хлеб в Литву через «добрых людей... кому веря»[3]; в Новгороде посадник вместе с княжеским дворецким продавал купцам собранные новгородские пошлины, видимо, оптом[4].

В городах развивалось товарное производство. Район сбыта изделий городских мастеров, работавших по заказу бояр и дружинников, достигал радиуса 50—100 *км;* на заказ работали те ремесленники, продукция которых производилась из дорогого сырья или имела ограниченный спрос. Значительная же часть мастеров крупнейших городов работала и на рынок; их товары, попадая к купцам, расходились по деревням, а отдельные виды товаров — порой за тысячу, а то и полторы тысячи километров, включая и зарубежные страны (Болгарию, Польшу, Чехию и др.). В «Житии» Авраамия Смоленского отражена напряжённая жизнь Смоленска: проходя «сквозе град» на княжеский двор, можно было увидеть «весь

---

[1] НПЛ, стр. 66.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 893.
[3] Там же, стб. 879, 893—894.
[4] ГВНиП, № 77, стр. 130.

Торговля хлебом и мёдом в Новгороде
(Миниатюра XVI в.)

град и по торгу и по улицам — везде полна народа, и мужи же, глаголю, и жены и дети...»[1]

Торговля, основанная на естественно-географическом разделении труда, была довольно значительной: проезжали купцы, «гостьбу деяше по землям», и проходили торговые караваны. В караванной торговле участвовали многие сотни купцов: галицкие купцы везли соль в Киев;

---

[1] *С. П. Розанов.* «Житие Авраамия Смоленского» — «Памятники древнерусской литературы», вып. 1, СПБ 1912, стр. 10.

со всей Руси ездили за солью на крымские озёра; суздальские купцы доставляли поволжский хлеб в Новгород, булгарские — в Суздаль; смоленские и новгородские купцы торговали по всей Руси [1].

Возросли имущественные различия в самом купечестве, появилось деление на «купцов», «гостей», «купчин». Сложилась не только купеческая специализация в сбыте продуктов, но и специализация по торговле с определёнными районами страны и зарубежными странами: известны купцы-«шетиници», торговавшие с Польским Поморьем (Шецином), «гречники» — с Византией, «чудинцы» — с Прибалтикой («чудью» называли на Руси эстонцев), «обонежцы» и «югорщина» — с народами Севера (на реках Онеге, Северной Двине) и др. В городах появились соответственно торговые улицы, например, в Новгороде — Чудинцева, Прусская (земля пруссов лежала между низовьями рек Немана и Вислы) и др.

Заметно росли экономические связи окраинных городов Руси с другими народами: Дорогичина — с литовцами, Полоцка — с латышами, Пскова и Юрьева — с эстонцами, Ладоги — с карелами, Устюга — с народами Севера, Нижнего-Новгорода — с народами Поволжья, Тмутаракани (до её утраты Русью) — с народами Северного Кавказа, Берлада и Переяславля Южного — с половцами и т. д. Крепли экономические связи между русскими княжествами и отдельными народами.

Возросла внешняя торговля со всеми соседними странами. Русские города стали крупными центрами международной торговли. Так, во Владимир-на-Клязьме «гость приходил из Царягорода (Константинополя) и от иних стран» и «латинин...и болгаре» [2]. Крупные города — Новгород, Смоленск, Витебск, Полоцк и др. (иногда в союзе между собой) заключали торговые договоры с немецкими городами.

Русские купеческие товарищества (складников) приобрели устойчивые позиции за рубежом; возникли русские улицы в Византии, Сигтуне, Риге, Болгаре, появился «русский конец» в Ревеле; русское население имелось и

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л. 1926, стб. 147; т. VII, стр. 135; т. XXV, М. — Л. 1949, стр. 114; НПЛ, стр. 54, 78; Патерик, стр. 108; *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны, СПБ 1911, стр. 66—67.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 591.

в Ургенче[1]. Установившиеся торговые связи отразились и в названиях городских ворот: известны, например, «Лядьские», т. е. Польские, ворота в Киеве[2], «Немецкие» — в Галиче[3], «Киевские» — во Владимире-Волынском, «Волжские» — во Владимире-на-Клязьме[4]. За рубеж вывозились прославленные русские меха, воск, льняные ткани, кожи, различные продукты ремесла — изделия из кости, серебра и т. п. Из Смоленска на запад вывозились, например, серебряные сосуды.

Увеличился денежный оборот. Если в XI в. годовой доход князей со Смоленска равнялся 3 тыс. гривен, а с Новгорода — 2 тыс. гривен (часть этого сбора поступала, разумеется, в натуральной форме), то к XIV в. единовременные денежные взыскания князей с Новгорода достигали 50 тыс. гривен[5]. Летописи говорят о поступлении серебра от народов Севера, Прибалтики и др. При широкой, активной внешней торговле партикулярный (по отдельным княжествам) выпуск денег — серебряной гривны (кусок серебра определённой формы и веса) — успешно конкурировал с наплывом иностранной монеты. Этот партикуляризм ещё недостаточно изучен, между тем он очень показателен. Например, жизнь холопа ценилась в Киеве в 5 гривен, в Смоленске — в 1 гривну, купца в Киеве — в 40 гривен, купчины в Новгороде — в 10 гривен и т. п. Недостаточная изученность монетной системы (как и системы цен «Русской Правды», бесспорно отражавшей закономерности ценообразования) придаёт в известной мере условный характер этому яркому свидетельству экономической раздробленности Руси.

Развитие товарного производства[6] содействовало появлению и укреплению основанной на труде и обмене корпоративной собственности горожан с присущими ей правами — «вольностями». Ремесленники наиболее крупных городов объединялись по месту жительства и по профессии в «улицы», «ряды», «сотни». На отдельных

---

[1] См. *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов, СПБ 1911, стр. 24.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 785.

[3] Там же, стб. 778.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 463.

[5] НПЛ, стр. 95.

[6] См. *Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто.* Товарное производство на Руси (до XVII в.) — «Вопросы истории» № 1, 1954 г., стр. 117—136.

улицах у них были свои церкви в честь того или иного святого — покровителя ремесла; они собирались для обсуждения своих дел, на пирушки; корпорации имели старост, казну.

Подобным же образом организовывались объединения купцов — «братчины». Эти организации ремесленников и купцов играли прогрессивную роль, содействуя развитию городов. Купеческие братчины отстаивали городские вольности (например, в Полоцке); они стремились получить — и небезуспешно, например в Пскове от Александра Невского, — судебные права в отношении своих членов. Эти организации находились в руках торгово-ремесленной верхушки, которая была тесно связана с боярской ростовщической знатью и резко противостояла городской бедноте — «меньшим», «чёрным» людям.

Возросла имущественная дифференциация в городах. Это отразилось в одном из поучений, где выведен богач — «хищьник», который «сироты облупи», и бедняк — «убогый», который «не имать где главы подклонити»[1]. Деятельность новгородских бояр-ростовщиков Мирошкиничей вызвала восстание 1207 г. Ряды городских бедняков постоянно пополнялись за счёт крестьянства: уже в древний Киев стекалось большое число беглых холопов, во Владимире-на-Клязьме наряду с боярами и купцами жили бывшие холопы[2]; то же наблюдалось и в других крупных городах, например, в Смоленск люди «и от князь, и от вельмож, работнии же и свободнии притекаху...»[3]

Возросший приток беглых в города получил отражение в договорных грамотах. «Работные» известны в качестве «волочан», грузчиков, «перевозников», которых нанимали на срок «при послухах» (свидетелях)[4]. Феодальный наём попрежнему служил одним из путей в кабалу. Борьба городов против хищной землевладельческой знати, рост долгового закабаления ремесленников, имущественное расслоение в городах, частые феодальные

---

[1] «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» (в дальнейшем — ИОРЯС АН), т. X, вып. 1, СПБ 1861, стр. 550.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 374.

[3] *С. П. Розанов.* Указ. соч., стр. 18.

[4] ПРП, вып. 2, стр. 63—64; ср. «Памятники старинной русской литературы», вып. 1, СПБ 1860, стр. 252.

войны и т. п. ухудшали и без того тяжёлое положение бедноты. Это был социальный элемент, всегда готовый к антифеодальному выступлению.

Политическое значение города сильно возросло. С торжеством феодальной раздробленности город стал административным центром для «тянувших» к нему «пригородов» и близлежащих земель, сборным пунктом вооружённых сил. В основе этой организации лежали окрепшие связи между городами и самих городов — с округами. Только существование городских корпоративных организаций могло обеспечить развитие повсеместно на Руси городского вечевого устройства, о котором сообщает владимиро-суздальский летописец: «Новгородци бо изначала, и смолняне и кыяне, [и полочане] и вся власти (т. е. и все другие волости), яко же на думу на веча сходятся, на что же старейшии сдумають, на томь же и пригороди стануть...» [1].

Правящая знать городов («мужи градские») держала в подчинении «чёрных» людей и, формируя из них в случае нужды городовые полки — «пешцев», выступала в качестве серьёзной политической силы. Эту силу стремились использовать в своих интересах князья в борьбе против непокорного боярства. Вступая в соглашение с более сильным князем, города получали от него известные гарантии на случай феодальных войн (князь должен был защищать город от врагов) и одновременно добивались от князей признания городских привилегий («поряда»), охранявших в первую очередь права состоятельных горожан.

С подобными действиями городов и их соглашениями с сильными князьями мы встречаемся во Владимиро-Суздальской Руси, где после подавления боярского мятежа Всеволод Большое Гнездо предоставил городам Владимиру, Суздалю, Ростову и некоторым другим «весь поряд» [2]. К сожалению, летопись не раскрывает содержания этого «поряда». Большим влиянием пользовались и галицко-волынские города. В середине XII в. разгорелась борьба галицкого князя Владимирка Володаревича против киевского князя из-за Волыни, большую часть которой цепко держали киевские князья, рассматривавшие

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 377—378.
[2] Там же, стб. 379.

потерю её как окончательный подрыв своей политической власти. Галицкий князь терпел неудачи (он потерял города Ушицу и Микулин); это не замедлило отразиться на отношении к нему городов, опасавшихся попасть под удар киевского князя. Летописи говорят о самостоятельных действиях горожан. Так, горожане Звенигорода «вече створиша» и решили «предаться» киевскому князю. Но в городе стояла «засада» (вооружённый отряд) галицкого князя, и его воевода Ивач расправился с горожанами: он захватил трёх мужей, которые руководили вечем, и казнил их [1]. Однако звенигородцы «убоявшеся» ненадолго. Вскоре и Звенигород и Галич отвергли власть галицкого князя. После трёхнедельной осады Галича горожане открыли ворота города. Князь сурово расправился с горожанами, он «многы люди исече, а иныя показни казнью злою» [2]. Подавление городских движений не упрочило великокняжеской власти в Галицко-Волынской Руси, скорее, напротив, ослабило её силы в борьбе против боярского самовластья. Последующие же успехи местной великокняжеской власти в XIII в., бесспорно, были связаны с тем, что, в частности, Роман Мстиславич «свободил бяшеть от всих обид» богатых горожан — «лепших мужей» [3], а его сын Даниил Галицкий поддерживал с ними союз.

Как ни скудны источники по истории Полоцко-Минской земли, но мы всё же знаем, что полоцкий князь Борис Всеславич (начало XII в.) должен был предоставить подвластным городам право «и вече мити (иметь) и звон звонити», т. е. собираться по звону колокола на вече для решения дел по управлению городом и пригородами. Наконец, такое же городское устройство находим мы и в Киеве. Когда в 1146—1147 гг. черниговский князь, правивший здесь, вздумал распорядиться Киевом как своей наследственной собственностью и завещать его своему брату, то из этого ничего не вышло. Городская знать — «от киян мужи», — использовав выступление народа против княжеской администрации, добилась от князя обещания не нарушать городских прав: «не будеть на вы (вас) насилия никоторого же, а если вы (вам) и тивун («ти-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 320; т. XXV, стр. 36.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 317.
[3] Там же, стб. 920.

вун» здесь, видимо, правитель города), а по вашей воли»[1]; когда и этих обещаний оказалось недостаточно, то киевская знать лишила власти черниговского князя, захватив его имущество. В этом движении, как и в большинстве подобного рода движений, участвовала городская беднота: простой народ истреблял княжескую администрацию, но выступление «чёрного» люда было использовано городскими «мужами» лишь для того, чтобы заключить выгодный «ряд» с более сильным князем.

Города, способствовавшие на ранней стадии развития феодализма торжеству феодальной раздробленности в стране, постепенно превращались в силу, которая наряду с дворянством всё энергичнее содействовала объединению более значительных областей в крупные великие княжества. Эти великие княжества превосходили своими размерами иные западноевропейские государства. В то время ещё отсутствовали национальные связи. В стране существовали и развивались сравнительно небольшие местные рынки областей, земель и княжеств. Границы рынков ещё не были устойчивыми, как не были постоянными и политические границы княжеств. Но торговый оборот всё же связывал областные рынки земель и содействовал объединению последних в крупные княжества. Характерно зарождение торговых союзов русских городов там, где княжеская власть была слабее (Смоленск, Полоцк, Витебск). Торговля некоторыми продуктами (соль, хлеб, пряслица) пронизывала — пока ещё тонкими нитями — смежные русские земли и подвластные Руси владения.

Княжеская власть, широко используя в интересах феодального класса товарное производство, торговлю, кредит, содействовала их развитию. Услуги купеческого капитала использовались для сбыта собранной дани и продуктов своего натурального хозяйства — хлеба, мёда, воска, мехов и т. п. — в страны Востока, Византию и Центральную Европу и для получения из-за рубежа некоторых предметов роскоши, яств, т. е. продуктов, которые не производились на Руси. На Руси в то время функция мировых денег была выражена весьма ярко[2]. Руси

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 322.

[2] См. *Ф. И. Михалевский.* Очерки по истории денег и денежного обращения, т. 1, Деньги в феодальном хозяйстве, 1948, стр. 217—244.

был присущ активный характер внешней торговли. Государственная власть вносила в законодательство статьи о регулировании торговли, кредита, ростовщичества (Пространная Правда, ст. 47—52, 54—55), причём сами князья широко участвовали в торговле (в частности, солью), как видно из статьи 55 Пространной Правды. Князьям поступали разнообразные доходы с торговли: «гостинная дань» — с гостей, купцов; «корчьмити» — пошлины с корчем; «мыта» — пошлины за право провоза товара; «перевоз» — за перевоз через реку; торговые — за право торговли [1] и др. Преимущественные права в торговле предоставлялись иностранным купцам.

Не следует думать, что феодальные войны и многочисленные «мыта» делали развитие торговли невозможным. Они тормозили её, затрудняли действие закона стоимости; цены и торговые прибыли были неустойчивыми. Но принимались меры и к поддержанию торговли.

На Руси, например, отсутствовало «береговое право» — право захвата имущества потерпевшего кораблекрушение. Напротив, договоры с Византией и с германскими городами предусматривали помощь пострадавшим от кораблекрушения. Караванная торговля со странами Средней Азии и Востока не прерывалась даже во время войн с половцами [2]. Нетрудно видеть и определённую закономерность в действиях наиболее крупных князей: они «уряжали» и обеспечивали «засадами» (вооружённой охраной) крупные города; они «расстраивали» свои земли новыми городами, широко привлекая в них ремесленников и купцов из русских и соседних земель, устанавливая «гостю путь чист без рубежа»; они «свобождали» купцов — «добрых людей» и «местичей» от «обид», чинимых им феодальной знатью, и сами вели широкую торговлю; они боролись за пути по Дону и Дунаю, защищали от половцев путь по Днепру и т. п.

Крупный город, населённый прежде всего ремесленниками, был чрезвычайно заинтересован в поддержании экономических связей внутри княжества, в защите своих прав по всей Руси и в соседних землях и обеспечении

[1] ПРП, вып. 2, стр. 40.

[2] См. *А. Ю. Якубовский.* Рассказ Ибн-ал-Биби — «Византийский временник», т. 25, Л. 1928, стр. 67.

безопасного вывоза своих товаров за рубеж. Он тяготел к сильной княжеской власти и был на данном этапе фактором, укреплявшим феодализм. Но диалектика исторического развития в период феодальной раздробленности была такова, что делала положение города неустойчивым. Город оставался объектом эксплуатации со стороны отдельных групп феодалов. Поэтому князья поддерживали города, но одновременно стремились ловить в них беглых холопов; давали городам торговые льготы, но при случае «возгоняли» городской торг под контроль своей администрации; строили в городах свои «домы», но доводили поборами купцов до угрозы бегства в соседние страны. В этом — внутренняя противоречивость данного периода. Однако тенденция к установлению экономического и политического единства страны была неодолима. Монгольское нашествие нанесло тягчайший удар экономике Руси и временно приостановило этот процесс.

Глава третья

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Период феодальной раздробленности характеризуется заметным обострением классовой борьбы крестьянства против феодалов в разных частях Руси. Не раз совместно с крестьянами выступала и городская беднота. Однако борьба эта носила стихийный, местный характер. Формы борьбы были весьма разнообразны: от умышленной порчи господского инвентаря и истребления скота до поджогов имений, убийства княжеских администраторов и, наконец, открытых восстаний. Эта борьба нашла некоторое отражение в памятниках юридических и публицистических, княжеских и дворянских, боярских и церковных. В оценке классовой борьбы все они были единодушны, зачастую рассматривая её как «татьбу» (воровство) и «разбой» — тягчайшие преступления против существующего «порядка». Феодалы подавляли выступления крестьян с помощью разветвлённого аппарата власти и силы законов, которые обрушивали на крестьян «поток и разграбление», убийство на месте, избиение и штрафы.

Распространённой формой крестьянской борьбы оставались побеги. Статьи о выдаче беглых крестьян неоднократно встречаются в договорах Новгорода с великими князьями; выдачу беглых крестьян предусматривали и договоры с Литвой; о выдаче холопов говорит договор Полоцка с немецким Орденом.

В Новгороде холоп епископа Луки по имени Дудика «бежа в немци», после того как в чём-то уличил своего

господина, а тот, с трудом оправдавшись, учинил с ним зверскую расправу, «урезаша ему носа и обе руце» [1].

И в то далекое время эксплуатируемые разных стран находили общий язык в борьбе с угнетателями. О том свидетельствует такой красноречивый пример, относящийся, правда, к несколько более раннему времени. Житель Руси Моисей Угрин, попавший в руки польского короля Болеслава и уведённый им в Польшу в качестве пленного — раба, терпел большие невзгоды при дворе одной польской боярыни. Но он сумел сблизиться с некоторыми из польских холопов, и они «в тайне подаваше ему пищу», а когда в Польше вспыхнуло крестьянское восстание и крестьяне «сию жену убиша», то Моисей получил свободу и вернулся на Русь [2].

Некоторые статьи «Русской Правды» были направлены на борьбу с побегами крестьян-«закупов», холопов; холопов карали за побег по усмотрению господ, а лично зависимых крестьян превращали в холопов [3].

В публицистике того времени можно найти черты, характеризующие положение бедняка в феодальном мире, где по словам Даниила Заточника, «богат возглаголеть — вси молчат и вознесут его слово до облак; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть». Даниил знал, что такое работное ярмо, так как, по его словам, сам некогда «под работным ермом пострадах» и понял, что горьки «работные хлебы», как полынь.

Из взаимных обличений идеологов отдельных групп феодалов можно почерпнуть некоторый материал о положении трудящихся. Игумен Феодосий, выставляя церковников в качестве «благодетелей» народа, говорил киевскому князю, что княжеские холопы «многажды же и биеми суть от приставник...» [4]

Даниил Заточник понимал, что на протест народ толкает прежде всего нужда, что «лепше смерть, нежели продолжен живот в нищете» [5]. Но Даниил — дворянин и твёрдо уверен в незыблемости своего класса и его основы — крепостничества; как бы ни был «горделив» и

---

[1] НПЛ, стр. 183.
[2] См. Патерик, стр. 103.
[3] См. Правда Русская, I, М. — Л. 1940, ст. 32, 56, 112.
[4] Патерик, стр. 40.
[5] «Слово Даниила Заточника», стр. 10.

«буяв» холоп, но «укору ему своего не избыти: холопья имени».

Социальная демагогия была равно присуща всем группам господствующего класса, поэтому и Даниил, как сторонник княжеской власти, превозносил «смердолюбие» «хороших» князей, противопоставляя их боярской знати. Подобным же образом ещё Владимир Мономах в «Поучении» старался показать своё мнимое «смердолюбие»: он-де не давал смерда «сильным обидети», с посадниками не считаясь, «сам творил, что было надобе», — а что именно было «надобе», видно из Пространной Правды (одним из составителей её был Мономах), в которой немало внимания уделено борьбе с крестьянскими побегами, «татьбой», «поджогами» и «разбоем».

Крестьянский «разбой» и «татьба» волновали и духовную знать. Не случайно авторам «Патерика» пришлось среди поучительных историй о «подвигах» монахов не раз упомянуть о нападениях «татей» на монастырь с целью «красти» богатое монастырское «имение» и сёла монастырские. В глазах церковников такие действия стояли в ряду со стихийными бедствиями или войнами: «имение» гибнет «напрасно: ратью или татьми или огнем» [1].

Крестьянскую «татьбу» как явление социальное законодательство отличало от воровства в «своей», феодальной среде, где действовал принцип: не пойман — не вор. Например, новгородский епископ Нифонт (XII в.) на вопрос попа Кирика о том, можно ли ставить в дьяконы человека проворовавшегося, отвечал: «Аже будет... татьба велика, а не уложат ее отай (не уладят дело без огласки), но силну прю составят перед князем и перед людьми (доведут дело до публичного разбирательства в княжем суде), то не достоит того ставити дьяконом; а ежели окрадется (проворуется), а то уложит отай, то достоит» [2].

Народ, видя в церковниках своих угнетателей, боролся с ними. Одним из средств протеста было уклонение от церковных служб. Не случайно церковники-летописцы сетовали на то, что народ предпочитает свои «игрища»,

---

[1] Патерик, стр. 87.

[2] См. *Б. А. Романов.* Люди и нравы Древней Руси, Л. 1947, стр. 21.

на которые собирались «людии множество» с трубами, гуслями и т. п., «а церкви стоят» пустые и, «егда же бывает год (время) молитвы, мало их (людей) обращается к церкви» [1]. Об этом же говорит «Слово о поучении церковном», которое приписывается крупнейшему проповеднику Кириллу из Турова (XII в.): «Аз убо, друзи и братия, надеяхся на всяку неделю боле собрати люди в церковь, да послушают божественных словес; ныне же мене приходит...» [2] Укрепляя феодальную идеологию, церковники яростно преследовали народное искусство — игры, пляски, песни и т. п.

Народный протест выливался в разнообразные формы. Из княжеских уставов, определявших права церкви, мы узнаём, что к церковному суду привлекались те, кто участвовал в хищении имуществ церкви; кто «подсекает» придорожные кресты; на суд вели и тех, кто на стенах церквей «режють» разного рода надписи, и т. п. [3]

Классовая борьба обострялась во время периодически повторявшихся неурожаев и голодовок. Феодалы и купцы пользовались народной нуждой и спекулировали хлебом, солью и т. п. Большой голод не раз возникал в Новгороде. Так, в 1128 г. здесь было «лютое» время: богачи продавали осьмину [4] ржи по гривне, обрекая бедняков на голодную смерть, и «ядаху людие лист липовый, кору березову, инии молиць (шелуху) истолокше, мятуче (мешая)... с соломою»; многие умерли: и лежали «трупие по улицам, и на торгу, и по путем, и всюду». Ещё страшнее был голод 1230 г., вызвавший открытый протест городской бедноты.

Классовая борьба иногда выливалась в народные движения — восстания крестьян и городской бедноты. Народные движения различной силы засвидетельствованы летописями XII—XIII вв. неоднократно и по всей Руси. Классовая борьба оказывала влияние на изменение форм политического строя.

В этом отношении особенно показательно крупное восстание крестьянства и городской бедноты в Новгород-

[1] НПЛ, стр. 188—189.

[2] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. 1, СПБ 1894, стр. 175.

[3] ПРП, вып. 1, М. 1952, стр. 241, 245.

[4] Осьмина составляла около 28,66 *кг* (см. *Л. В. Черепнин.* Русская метрология, стр. 28, 43).

ской земле в 1136 г., охватившее помимо Новгорода также Псков и Ладогу. Восставшие собрали вече и «сдумаша яко изгонити князя своего». Среди обвинений, предъявленных князю, на первом месте стояло обвинение в том, что он «не блюдеть смерд» — это ярко характеризует смысл восстания. Антифеодальное восстание переплелось с политической борьбой Великого Новгорода за самостоятельность и привело к тому, что князь был взят под стражу, а затем и изгнан. Новгородская земля вышла из-под власти киевских великих князей. Но плоды восстания присвоили бояре: к ним перешла власть в Новгородской земле. Правда, своеобразие расстановки классовых сил заставило их признать республиканский строй — в Новгороде образовалась феодальная республика.

Во Владимиро-Суздальской земле крестьянское движение произошло в 1174—1175 гг. Поводом к нему явилось выступление части разбогатевших дружинников, которые, сомкнувшись с недовольным боярством, изменили князю Андрею Юрьевичу; князь был убит, а его замок — Боголюбово — разграблен. Власть захватили бояре. Боярские распри и грабежи привели к взрыву накопившегося недовольства крестьян, тогда «много зла» совершилось в волости князя, сообщает летописец, крестьяне «посадников и тиунов домы пограбиша, и самех и де[т]ские его и мечникы избиша, а домы их пограбиша»[1], т. е. крестьяне истребляли местную администрацию — посадников, судей-тиунов, мечников, детских и т. п., — состоявшую из бояр и дворян. Восстание охватило и Владимир. Крестьяне, которых княжеский летописец именует «грабителями», «и ись сел приходяче грабяху». Восстание напугало феодалов и заставило их искать помощи сильного князя. Местные города, опасаясь самовластья бояр, которые «многу тяготу людем... створиша продажами и вирами», тоже поддерживали сильную княжескую власть. Мы не знаем, как было подавлено восстание, но, видимо, новый князь Всеволод использовал это выступление для борьбы против боярства. В конечном итоге именно князю достались многие боярские владения.

Подобные действия княжеской власти мы наблюдаем и на юге Руси, в южной части Галицкой земли. В 40-х годах XIII в. здесь обосновались крупные бояре, высту-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 592.

павшие с оружием в руках против галицких князей. Здесь, как и во Владимирской земле, «грабительства нечестивых бояр» привели к восстанию крестьян.

Галицкий князь Даниил Романович, напуганный восстанием, направил сюда своего печатника (канцлера) Кирилла с войском, чтобы «исписати» размер учинённых боярами грабежей и таким образом «утишити землю». Используя военные силы и одновременно, вероятно, пересматривая нормы крестьянских повинностей, т. е. действуя, как писал сам Кирилл, «мудростью и крепостью», он «утишил землю»[1]. Такие действия великокняжеской власти, будучи объективно прогрессивными (в сравнении с анархией боярского самовластья), создавали видимость её «народолюбия» и питали веру крестьян в «хорошего» князя.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 791.

Глава четвёртая

ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

С расчленением Древнерусского государства положение великокняжеской государственной власти в отдельных землях оказалось неодинаковым. В это время можно наблюдать три основные разновидности политического строя на Руси. В Новгородской земле образовалась боярская феодальная республика и власть князей временно почти сошла на нет. Во Владимиро-Суздальской Руси в силу своеобразия классовых отношений эта власть оставалась в большой силе. В Галицко-Волынской земле шла жестокая борьба между сильным боярством и княжеской властью, на разных этапах приносившая победу то одной, то другой стороне. В остальных княжествах, насколько позволяют судить скудные источники, политический строй был близок к одному из трёх указанных вариантов.

Власть киевских великих князей по мере высвобождения отдельных земель из-под их господства всё более слабела и пришла в упадок; мало того, сам великокняжеский киевский стол превратился в яблоко раздора между сильнейшими правителями других княжеств. Их стремление контролировать бывшую столицу вполне понятно, так как и в новой структуре государственной организации общерусское значение великого князя киевского хотя и свелось к минимуму, но не исчезло вовсе: о нём вспоминали местные князья при решении некоторых дел, интересовавших правителей большинства зе-

мель Руси (охрана южных торговых путей, оборона от степняков-кочевников, вопросы церковного управления, некоторые общерусские дипломатические вопросы и т. п.).

Но государственный строй приобрёл иерархическую форму, типичную для европейских государств этого периода, более соответствовавшую классовым интересам феодалов. Реальная государственная власть перешла к феодалам отдельных, фактически самостоятельных «полугосударств» (княжеств, республик). Правители крупнейших из них с течением времени, окрепнув, всё настойчивее выступают за объединение Руси, объявляя себя великими князьями всей Руси, стремясь использовать в своих целях и захват Киевского княжества. Подобные тенденции в политике соответствовали отмеченной выше экономической эволюции страны.

При значительном разнообразии форм политического строя отдельных русских земель в них наблюдается дальнейшее усиление феодального государственного аппарата, служащего интересам господствующего класса. Летописи и юридические памятники упоминают множество различных военных, административных, финансовых и прочих агентов власти, как государственных, так и вотчинных. Тут и дворские (дворецкие), печатники (канцлеры), стольники, седельничьи и другие лица, ведавшие княжеским делопроизводством и хозяйством; и власти административно-военные — посадники, воеводы, тысяцкие; и судебно-административные агенты в городах и сёлах — тиуны, отроки, мечники, вирники, биричи и др.

Все они служили одному делу — эксплуатации крестьян и городской бедноты, получая с них ренту и налоги, штрафы и поборы, и пресекали попытки сопротивления феодалам. При этом руководством для них являлась попрежнему «Правда» — судебный закон, действовавший повсеместно на Руси, на всех землях — и княжеских, и боярских, и церковных. Из этого закона видно, какие меры принимались для того, чтобы подавлять сопротивление крестьян и охранять имущество и права господствующего класса. В центре внимания закона находилась охрана феодальной собственности. Строжайше охранялось имущество феодала — земли, скот, ульи, ладьи, сети для ловли птиц; скот оберегался не только от кражи, но и от умышленного истребления крестьянами. Статьи закона применялись при возможных конфликтах и в крестьян-

ской среде, но, конечно, основная их цель — защита собственности феодалов. Немало внимания уделялось и охране жизни представителей власти. Жизнь одних (княжих мужей) охранялась штрафом в 80 гривен (в 16 раз выше штрафа за лишение жизни крестьянина!); других (мечников и т. п.) — штрафом в 40 гривен; третьих (тиунов сельских и ратайных) — в 12 гривен.

Правовое положение крестьянина достаточно ясно очерчено в законе. Лично свободный смерд не подлежал вотчинному суду феодала и имел «право» самостоятельно платить князю судебные штрафы. Крестьянин-«закуп» был более бесправен: господин мог безнаказанно бить его «про дело»; если «закуп» бежал от господина, то становился полным холопом [1]. По демагогическому закону Мономаха после восстания 1113 г. «закуп» получил право обращаться к князю или к судьям в случае, если господин обидел его, но мало пользы было крестьянину от этого «права» на одного феодала жаловаться другому.

Ещё хуже было положение холопов. Холопов можно было и убивать, ибо «в холопе и в робе (рабе) виры нетуть» [2]. Холопа феодалы не считали человеком, в описаниях «подвигов» феодалов пленные крестьяне, попавшие в холопью кабалу, упоминались наряду со скотом. И церковь в своём законе («Правосудии митрополичьем») освящала этот порядок: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубьства, но вина есть ему от бога» [3]. Холопа, в отчаянии ударившего своего господина, закон повелевал бить, привязавши в растяжку к саням.

Феодальное государство обладало и другими орудиями власти — тюрьмами. «Поруб», «погреб», «темница» — глубокая, тёмная яма, наглухо заделанная деревом; в ней не раз задыхались заключённые. Заключённых в темницах, особенно «разбойников», или «татий», тот или иной феодал, «градьский властелин» мог «повелети мучити», мог «оковати по руце и по нозе и за три дни не дати хлеба и воды».

Народ ненавидел своих угнетателей и, как указывалось, в моменты восстаний старался уничтожить их.

---

[1] Правда Русская, I, ст. 56, 62.

[2] Там же, ст. 89.

[3] «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927 — 1928 годы», вып. 35, Л. 1929, стр. 117.

В 1146 г. восставшие киевские горожане прямо заявили, что тиуны «погубили» управляемые ими города.

Князья знали, что творили их ставленники, но старались снять с себя ответственность за эти действия. В одной летописи сохранилось любопытное известие. Полоцкий князь Константин однажды спросил епископа Симеона: «Где быти тиуном нашим на оном свете?». Епископ ответил: «[Там же], где и князь». Князь «не полюби» ответ епископа и сказал: «Тиун неправо судит, мъзду емлет, зло деет, [а] яз что дею?» [1]. Даниил Заточник писал о тиунах: «Не имей собе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тивун бо его аки огнь трепетицею (осиной?) накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устрежешися, но от искор не можеши устеречися и сожжения порт» [2]. Грабили народ и вирники — сборщики штрафов и других поборов; они особенно усердствовали ещё и потому, что пятая часть собранных с населения сумм по «закону» шла в их мошну [3]. Понимая опасность слишком больших самоуправств властей, а также стремясь поддержать веру народа в «хороших» князей, Владимир Мономах в «Поучении к сыновьям» писал: «Не дайте пакости деяти отрокам, ни своим, ни чюжим, ни в селах, ни в житех, да не клясти вас начнут». Из этих слов видно, какую ненависть к своим угнетателям питал простой народ.

Переход к феодальной раздробленности отразился и на организации вооружённых сил. Возросла роль феодальных дружин и городовых полков. Во время войны дружина состояла из военных «слуг», в неё входили и служилые бояре со своими отрядами. В среднем княжеская дружина насчитывала 300—400 человек. Военные дружины прежде всего использовались для подавления крестьянских движений. Основную часть войск в военное время попрежнему составляли пешие народные ополчения, достигавшие в отдельных княжествах численности 50—60 тыс. человек. Сложилась военно-территориальная организация, в которой весьма крупную роль играли городовые полки. Развивались и способы ведения военных действий. Появился полчный ряд (чело и два крыла в

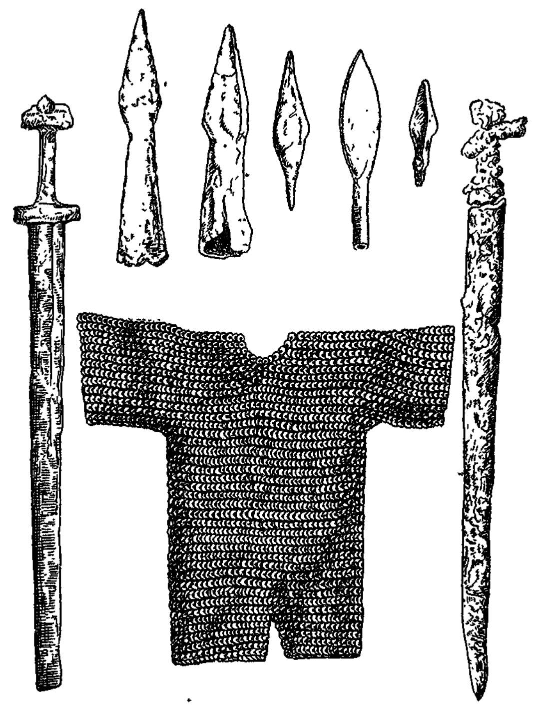
[1] См. *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. IV, СПБ 1842, прим. 178, стр. 77.

[2] «Слово Даниила Заточника», стр. 20—21.

[3] См. Правда Русская, I, ст. 10.

одну линию), затем к трём составным частям боевого построения войска добавился сторожевой полк. Русские войска умело применяли охват противника флангами в виде клещей.

Русское оружие было весьма разнообразно: меч, сабля, копьё, лук со стрелами, боевой топорик, нож, булава, кинжал, шлем, кольчуга, щит. Основным оружием дружинника был меч, массовым оружием — копьё и топор.

Русское вооружение

Получили более широкое распространение осадные и метательные орудия (пороки, пращи, тараны, самострелы); русские войска с успехом применяли их при обороне и осаде городов. Совершенствовались оборонительные сооружения, возводились мощные городские укрепления, каменные башни и т. п. Однако разобщённость княжеств, распри князей распыляли и ослабляли вооружённые силы страны.

Дальнейшее развитие получил и аппарат, ведавший сношениями отдельных княжеств с иностранными государствами. По летописям можно составить представление о княжеских канцеляриях, с штатом переводчиков, опытными дипломатами, которые, используя устойчивые посольские обычаи, умело отстаивали интересы своих земель во время поездок за рубеж или встреч с иноземными послами на Руси.

Развивались и правовые нормы, которыми регулировались отношения русских княжеств с иностранными государствами. Таковы, например, договоры Новгородской республики с немецким Ливонским орденом, Швецией, Норвегией; Смоленска — с Орденом; Галицко-Волынской Руси — с Венгрией, Польшей, Литвой, Прусским орденом.

Следовательно, переход к феодальной раздробленности не сопровождался упадком Руси. Напротив, отмечается развитие производительных сил, техники сельского хозяйства и ремесла. Рост крупного феодального землевладения привёл к возобладанию вотчины — сеньёрии; увеличивалось и служилое землевладение; наряду с барщиной развивался оброк.

Рост количества городов и укрепление городской корпоративной собственности сопровождались усилением борьбы городов за «вольности». Обострение классовой борьбы в деревне и в городе вызывало неоднократные восстания крестьян и городских «чёрных» людей. Укреплялся государственный аппарат.

Для Руси, как и других государств Европы [1], характерен процесс постепенного созревания условий формирования единого государства, политически выражавшийся в упрочении великокняжеской власти, которая располагала крупными земельными владениями; она опиралась на союз со «служащим» боярством и дворянством и на поддержку «мужей градских» — торгово-ремесленной верхушки городов. Этот процесс определялся постепенным ростом в недрах натурального хозяйства экономических связей, товарно-денежных отношений, что, хотя и очень

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

медленно, вело к преодолению хозяйственной раздробленности, подтачивало основы политической децентрализации (пока лишь в рамках отдельных «полугосударств»). Татаро-монгольское нашествие временно прервало этот процесс.

Укрепление местной великокняжеской власти впервые обнаружилось ещё в середине XII в. и затем, вплоть до монгольского нашествия, наиболее заметно проявилось во Владимиро-Суздальской земле (позднее — территория Великороссии), с которой была тесно связана Новгородско-Псковская земля; менее успешно этот процесс проходил в Галицко-Волынской земле (позднее — территория Украины), значительно слабее выражена великокняжеская власть в истории Полоцко-Минской Руси (впоследствии — территория Белоруссии). Это были крупнейшие княжества среди всех сложившихся на территории Руси.

К сожалению, в сохранившихся летописях даже политическая история отдельных княжеств освещена далеко не равномерно и весьма неполно. По имеющимся летописям (новгородским, владимирским и волынским) можно с очень относительной полнотой представить политическую историю Владимиро-Суздальской, Новгородско-Псковской и Галицко-Волынской земель, но по истории других частей Руси, даже и таких крупных, как Полоцко-Минская земля, княжество Черниговское (обособилось в XI в.), Смоленское (сложилось в 30-х годах XII в.), не говоря уже о Рязанском, Турово-Пинском и т. п., наука располагает лишь случайными упоминаниями в летописях, литературных, юридических и других памятниках.

Глава пятая

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРУПНЕЙШИХ ЗЕМЕЛЬ

Для того, чтобы лучше понять события героической борьбы русского народа за независимость в XIII в., бросим общий взгляд на положение крупнейших русских княжеств.

§ 1. Владимиро-Суздальская земля

Владимиро-Суздальская Русь, древней столицей которой был Ростов, приобрела наибольшее значение среди обособившихся земель. Это княжество охватывало весьма обширную территорию: от Нижнего-Новгорода до Твери по Волге, до Гороховца, Можайска и Коломны — на юге, включало Устюг и Белоозеро на севере. Его границы соприкасались с границами Рязанского, Черниговского, Смоленского княжеств и особенно широко — с границами Новгородской феодальной республики, через территорию которой тянулась северная часть волжского торгового пути; в Новгородскую землю владения владимиро-суздальских князей вдавались глубокими клиньями — в северное Подвинье, к Прионежью и менее глубоким клином — к Торжку.

Владимиро-Суздальская Русь играла видную роль в жизни соседних народов. На востоке её власть распространялась на волжско-камские (мордовские и марийские), севернее — на подвинские земли. Здесь возникли такие города-крепости, как Устюг, Нижний-Новгород

(1221) и др. Издавна торговля по Волге и культурные связи поддерживались с народами Кавказа.

В этой части Руси в процессе её хозяйственного освоения рано сложились значительные княжеские земельные владения и города. Поэтому местное боярство, в отличие от галицкого и новгородского, находилось в большей зависимости от князей.

Суздальская земля вышла из-под власти Киева в 30-х годах XII в., когда в ней правил сын Мономаха Юрий Владимирович (1125—1157). Это был крупный политический деятель; он первый из суздальских князей не только выступил за самостоятельность своего княжества, но и добивался преобладания на Руси. Влияние суздальского князя распространилось на Муром и Рязань; за попытки занять и удержать такие отдалённые от Суздаля города, как Киев и Новгород, он был прозван Долгоруким.

Обособившись от Киева, Суздальская земля переживала значительный экономический подъём: строились и росли новые города — Владимир-на-Клязьме, Переяславль Залесский, Юрьев Польский, Звенигород, Дмитров. Была основана будущая столица нашей Родины — Москва (впервые упомянута летописью в 1147 г.). В то время она занимала весьма небольшую территорию, заключавшуюся в основном в пределах нынешнего Кремля.

Преемника Юрия — князя Андрея Юрьевича Боголюбского (1157—1174) поддерживали горожане Владимира, Суздаля и других центров. Опираясь на служилых бояр, дворян и города, он решительно боролся с непокорной знатью, часть которой изгнал из княжества; он перенёс столицу во Владимир, где был сильный ремесленно-торговый посад. Присвоив титул великого князя всей Руси, Андрей организовал поход суздальских, черниговских, смоленских, полоцко-минских и других полков на Киев, занял его (1169) и передал в управление одному из своих вассалов.

Укрепляя свои позиции в Новгороде, он оттеснил смоленских князей, которые признали его сюзереном. Действия суздальского князя серьёзно осложнили политическую жизнь и борьбу группировок в Новгородской республике: с той поры начали новгородцы волноваться и «вече часто творити».

Объединительная политика князя Андрея была неожиданно прервана. Бояре Кучковичи, озлобленные казнью

Дмитриевский собор во Владимире
(XII в.)

родственника, сомкнулись с разбогатевшими дружинниками, захватили замок Боголюбово и убили князя. Это событие явилось поводом к восстанию крестьян, за счёт эксплуатации которых проводил свои объединительные мероприятия князь и на чьей нужде разбогатели его дворяне-дружинники.

Последовавшие затем политические распри князей закончились занятием княжеского стола Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо (1177—1212). Подавив вооружённое сопротивление ростовских бояр, Всеволод при поддержке владимирских служилых бояр и купцов расправился со своими политическими противниками, а бояр Кучковичей он, по преданию, в озере «истопити повеле»[1].

[1] ПСРЛ, т. XXI, ч. I, СПБ 1908, стр. 223.

Князь сумел обуздать своих противников и чинил суд, не считаясь с мнением сильных бояр [1] и церковной знати [2]. При этом князь продолжал укреплять власть феодалов над народом, лично объезжал земли, проверяя, исправно ли взыскиваются подати. Великий князь Всеволод располагал большим войском. Автор «Слова о полку Игореве», подчёркивая мощь владимирских полков, писал, что они могли «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти»[3].

Всеволод более властно вёл себя и в Южной Руси. Правившие в Киевском княжестве черниговские и смоленские князья считали его своим сюзереном, а галицкие князья — сильным союзником. Попытки волынских князей противодействовать политике владимирского князя приводили к частым войнам, одна из которых сопровождалась новым разорением Киева (1203). Всеволод помышлял даже о присоединении к своим владениям Галичины, с чем связана попытка его сына Ярослава занять галицкий княжеский стол (1206).

В Новгороде окрепла суздальская группировка бояр и купцов, а в князьях и посадниках здесь, как правило, сидели владимирские ставленники и даже местный архиепископ фактически назначался Всеволодом. Удалось владимирским князьям сломить и «непокорство» Рязани. По образному выражению автора «Слова о полку Игореве», Всеволод мог «стрелять как живыми стрелами» удалыми князьями рязанскими.

В начале XIII в., несмотря на длительные феодальные распри, Владимиро-Суздальская земля сохраняла большую силу. В связи с усобицами князей подняло было голову ростовское боярство и «многое волнение и смущение» было в княжестве.

Но ко времени княжения Юрия Всеволодовича (1218—1238) постепенно вновь затихли распри, и на феодальном съезде в Суздале (1229) власть этого великого князя признали многочисленные князья — вассалы «большого гнезда», а также и церковная знать.

Юрий продолжал политику, которая содействовала укреплению связей с Южной Русью, а его брат Ярослав пытался занять киевский княжеский стол (1236). Новые

---

1 ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 437.
2 Там же, стб. 391.
3 «Слово о полку Игореве», стр. 21.

столкновения здесь владимиро-суздальского князя с галицко-волынскими и смоленскими князьями особенно пагубно отразились на судьбах Руси во время монгольского нашествия.

Сильная княжеская власть, которая складывалась в Северо-восточной Руси, в условиях существовавшей тогда путаницы мелких феодальных владений способствовала созданию будущего национального объединения. Правда, процесс сплочения всех русских земель, прерванный монгольским нашествием, не успел достичь ощутимых результатов, но всё же в Северо-восточной Руси сохранились объединительные стремления. Они были закреплены в политике Александра Невского и его преемников, при которых Москва стала центром Русского централизованного государства.

§ 2. Новгородско-Псковская земля

Новгородско-Псковская Русь занимала обширную территорию, гранича с Владимиро-Суздальской землёй на юго-востоке, со Смоленской — на юге и Полоцкой — на юго-западе. Отделившись от Киева, новгородские бояре сохранили власть над землями соседних народов, ранее входившими в состав владений Древнерусского государства. В этих землях находились административные центры сбора дани и стояли русские крепости. На Волхове была расположена Ладога, защищавшая торговые пути от нападений с севера и служившая опорным пунктом освоения Карелии, где позднее возник город Олонец; на западе помимо крупнейшего новгородского пригорода Пскова находился основанный в 1030 г. Ярославом Мудрым Юрьев (Тарту) — важный центр новгородской власти в эстонских и латвийских землях.

Владея берегами Невы и Финского залива, новгородские бояре контролировали прибалтийскую территорию до Западной Двины, а на севере управляли Карелией. Регулярная дань собиралась с земли еми (финнов) и севернее, в земле саамов, вплоть до границ Норвегии. Далеко на севере, по Терскому берегу Белого моря, Заволочью, Зауральской Югре, тянулись новгородские владения.

Великий Новгород, один из древнейших русских городов, находился в центре водных путей, связывавших Русь

с другими странами. Через него шёл главный торговый путь, соединявший моря Балтийское, Чёрное и Каспийское. Через Волхов — Ладожское озеро — Неву по Балтийскому морю новгородские купцы вели торговлю со Швецией и (мимо острова Готланд) с другими странами Европы (Германией, Данией и др.).

Кроме того, из Новгорода на запад шёл торговый путь по суше — через Юрьев к Двине и далее к Неману и Висле, в Польское Поморье. По реке Ловать, затем перебираясь волоком на Днепр, направлялись новгородские суда в Чёрное море, заходили в киевское Олешье в устье Днепра, Белгород и Галич-на-Днестре, Малый Галич-на-Дунае и шли далее, вдоль болгарских берегов в Константинополь; по рекам Мста и Тверца плыли новгородские купцы к Волге, а по ней через владения владимиро-суздальских князей — в Каспийское море; на Каспийском побережье они торговали с купцами Средней Азии (Самарканда, Бухары и др.) и стран арабского Востока.

Сам Новгород был сильно укреплён: в XII в. его окружили земляным валом, поверх которого шла стена, а перед ним — ров[1]; вокруг города возникли монастыри, имевшие важное оборонительное значение. Город был расположен по берегам реки Волхов, соединённым мостом. На левой стороне — Софийской — находилась новгородская крепость Детинец, а в ней — церковь Софии, главный храм города. На другой, восточной — Торговой — стороне находился торг, где можно было встретить купцов со всех концов Руси, а также купцов из Польского Поморья, немецких, шведских, датских, греческих, арабских и др. На Торговой стороне находилось Ярославово дворище, близ которого располагались дворы дружинников. Здесь собиралось новгородское вече. Тут же стояли купеческие дома и жили многочисленные ремесленники, составлявшие основное население Новгорода.

После восстания 1136 г. в Новгороде и Пскове сложился своеобразный политический строй — аристократическая боярская республика. Бояре издавна владели обширными вотчинами, где эксплуатировали массы крестьян; они вели и широкую торговлю. Вече существовало в Новгороде уже в начале XI в. Созывали вече посадник

[1] См. *Д. С. Лихачев.* Новгород Великий. Очерки истории культуры Новгорода XI—XVII вв., Л. 1945, стр. 9.

Церковь Спаса-Нередицы в Новгороде
до разрушения её фашистскими захватчиками
(XII в.)

из бояр (ведавший административно-судебными делами), тысяцкий (воевода), иногда сам князь. Сроков созыва не было: по звуку колокола сходились все новгородцы, иногда участвовали псковичи и ладожане. Власти ставили вопрос, а вече выносило постановления, решало споры. После событий 1136 г. роль веча возросла: оно избирало посадника, тысяцкого и даже архиепископа (с 1156 г.), который прежде назначался киевским митрополитом, а с этой поры лишь утверждался им. Формально вече имело верховную власть; однако на деле власть находилась в руках богатого боярства, хотя ему приходилось

считаться с мнением веча, особенно когда оно подкреплялось вооружёнными выступлениями городских «чёрных» людей.

Исполнительная власть принадлежала боярской верхушке (архиепископ, посадник, тысяцкий). Во главе исполнительной власти оказался местный архиепископ — богатейший землевладелец, к которому перешла значительная часть прав, земель и доходов киевского князя. В его ведении была также казна, внешние сношения республики, право суда, наблюдение за торговыми мерами и т. п.

Своей борьбой с боярством ремесленное и торговое население города отвоевало известные права. Крупной силой стали объединения кончан (жителей городских районов — концов), уличан (жителей улиц), сотен и купеческих объединений (братчин). Особенно возросла их роль с середины XII в., когда кончанские и уличанские старосты стали скреплять своими печатями важнейшие государственные грамоты республики. Уличанские органы власти и даже местные попы были выборными. Некоторые концы города именовались сообразно занятиям ремесленного населения, например, Плотницкий, Гончарный. Каждый конец имел своё выборное самоуправление и некоторую власть над определённой территорией Новгородской области [1]. Разумеется, и эти органы власти оставались под решающим контролем бояр.

Ремесленники имели свои объединения, члены которых жили обычно рядом, совместно выступали при вечевых спорах и т. п. Купеческие братчины избирали старост, строили церкви, в которых хранили товары, деньги, а также орудия мер и веса. В других русских городах — Киеве, Владимире-Волынском и др., а также за рубежом — в Висби (на Готланде), Риге, Любеке, Сигтуне и т. д. — новгородские купцы жили колониями, имели свои дома и церкви. Постепенно в Новгороде усилилась роль купечества, зачастую выступавшего сторонником власти суздальских князей.

Установление республиканского строя не избавило новгородских бояр от необходимости приглашать в Новгород князей, главным образом для руководства вооружёнными силами республики, для защиты прав и приви-

---

[1] *А. В. Арциховский.* Городские концы в Древней Руси — «Исторические записки» № 16, 1945, стр. 6 и сл.

легий местного боярства, ибо классовая борьба не раз потрясала республику. Новгород был богат, враги часто покушались на его земли, и ему приходилось многократно отбивать нападения извне: в течение трёхсот лет, с середины XII до середины XV в., Новгород вынужден был воевать 26 раз со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией[1]. Новгородское боярство нуждалось в князе, способном привести с собой опытное и сильное войско.

Князь приглашался вечем и при вступлении в город должен был заключать с Новгородом договор — «ряд», которым новгородское боярство оформляло прежде всего защиту своих сословных прав; князь в знак нерушимости своего слова обязан был целовать крест на «грамотах новгородских». Князя лишили большинства земельных владений, доходов, прав; его ограничили в праве на охоту, в праве на суд, его выселили из центра города (Детинца) за город (на Городище).

Договоры специально запрещали князьям приобретать землю в Новгородской республике или принимать в зависимость (в «заклад») и выводить в княжеские земли новгородцев. В «заклад» шли и крестьяне и горожане средней руки (мелкое и среднее купечество — «купчины»), которые, оставаясь в новгородской области, в то же время делались зависимыми от князя. Явление это не было единичным — под власть князей в то время бежали, спасаясь, видимо, от более суровой боярской кабалы, холопы, должники, «половники» и другие обедневшие люди. Договоры всё это запрещали[2]. В случае нарушения условий договора князь изгонялся.

Несмотря на все эти ограничения, князья соседних русских земель охотно шли в Новгород, ибо это было хотя и опасно, но выгодно, потому что за военную охрану боярство выжимало из смердов и городского люда дополнительный доход князю. Кроме того, перед ним открывались важные торговые пути, а в случае военной удачи ему поступала часть добычи.

Стремясь занять зыбкий новгородский стол, смоленские, черниговские, владимиро-суздальские и даже

---

[1] См. *Д. С. Лихачев.* Новгород Великий. Очерки истории культуры Новгорода XI—XVII вв., стр. 4.

[2] ГВНиП, № 1, стр. 9—10.

далёкие волынские князья старались обзавестись сторонниками из числа новгородских бояр и купцов и постоянно враждовали друг с другом из-за влияния и власти в Новгороде. Среди новгородской знати в свою очередь возникали группировки, партии, связанные с тем или иным княжеством. Всё это осложняло и без того накалённую атмосферу политической борьбы в Новгороде.

Ни один князь не мог прочно утвердиться в Новгороде. Конфликты князей с боярством, неоднократные городские движения приводили к частым сменам князей. Только между 1215 и 1236 гг., т. е. за 21 год, князья в Новгороде сменялись 13 раз; иные из них княжили в Новгороде по нескольку раз. Например, отец Александра Невского — князь Ярослав Всеволодович четыре раза занимал новгородский стол[1]. В результате долгой и упорной борьбы за влияние в Новгороде наибольших успехов добились владимиро-суздальские князья. Эти князья имели сильное средство давления на Новгород: они закрывали волжский торговый путь и прекращали подвоз продовольствия в город, используя при этом выступления «чёрных» новгородских людей против князя-соперника. Кроме того, владимиро-суздальские князья имели крупные военные силы, способные быстро оказать помощь или создать угрозу Новгороду. Уже Юрий Долгорукий обзавёлся в Новгороде влиятельной группой своих сторонников из бояр и купцов; его сын Андрей Боголюбский стремился подчинить Новгород «добром или лихом», ту же политику продолжал Всеволод Большое Гнездо.

Последствия столкновений бояр с князьями падали на простой народ. Новгородскому боярству удалось использовать силу смоленских князей и нанести владимирским князьям серьёзное военное поражение в Липецкой битве 1216 г. Однако после битвы с монгольскими феодалами на Калке владимирский князь, сохранивший своё войско, оказался в военном отношении наиболее сильным на Руси и вновь способным влиять на новгородскую политику.

Боярство и купечество Новгородской феодальной республики, используя противоречия между владимиро-суздальскими князьями, с одной стороны, и вражду к ним

---

[1] См. *Б. Д. Греков.* Новгород и Русь — «Вестник АН СССР» № 4, 1942 г., стр. 85.

Портрет князя Ярослава Всеволодовича

(Деталь фрески церкви Спаса-Нередицы)

князей смоленских — с другой, вели политику, наносившую ущерб мощи Руси. Новгородское боярство хотело использовать вооружённые силы владимирского князя, но в то же время всячески препятствовало его попыткам занять прочные позиции в экономической и политической жизни республики.

В чём был корень разногласий новгородских бояр с владимирским великим князем?

Великие владимирские князья проводили внутреннюю политику, направленную на усиление великокняжеской власти, на укрепление государственного аппарата (суд, администрация, войско и т. п.), который бы обеспечил князю и всему классу феодалов удержание в узде трудящихся масс и который бы охранял земли феодалов от покушений врагов извне. Эта политика была направлена

на подчинение власти владимирского великого князя не только всех князей и феодалов Владимиро-Суздальской Руси, но и вообще всей Руси и в первую очередь крупнейшего торгового центра — Великого Новгорода и бывшей столицы — Киева. Тем самым она содействовала поддержанию и развитию ремесла, торговли, экономических связей.

Нетрудно понять, какие напряжённые отношения складывались между владимирским князем и новгородскими боярами. Князь изыскивал любые способы для захвата новгородских земель, даней, для сманивания из Новгорода купцов, горожан, крестьян. В этом отношении характерна деятельность Александра Невского, который много сделал для укрепления власти владимирских князей в Новгороде.

Долго помнили новгородские бояре 16-летнее (1236—1252) княжение в Новгороде Александра Ярославича. Из договоров, заключавшихся боярами с его преемниками, известно, что князь Александр старался подорвать экономическое и политическое значение новгородского боярства. Он отнимал у бояр земли, захватил у них «пожне» (покосы) [1]. Вопреки договору князь выносил от своего имени судебные решения [2]. С помощью своих тиунов в Торжке и Волоке он в этих волостях принимал под свою опеку, подчинял своей власти «закладников» [3]. Кроме того, Александр отнял у новгородских бояр обширную северную область Тре («Терскую сторону»), куда посылал за богатой «меховой» данью вместо боярских свои, княжеские «ватаги» даньщиков, а на Новгород возложил обязанность по всему пути следования даньщиков давать им «корму и подводы» [4]. Вопреки договору во время княжения Александра суздальская знать покупала новгородские сёла [5]. Борясь с враждебной владимирским князьям частью новгородского боярства, Александр лишал своих противников политической власти, отнимал у них из их «держания» отдельные нов-

---

[1] ГВНиП, № 10, стр. 22.

[2] Там же, № 3, стр. 12; № 6, стр. 15.

[3] Там же, № 4 и № 5, стр. 14.

[4] Там же, № 83, стр. 142.

[5] Там же, № 13, стр. 25; ср. *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, М. — Л. 1948, стр. 292.

городские волости, а затем, также вопреки договору, сам раздавал эти волости своим сторонникам [1].

Новгородские бояре, приглашая в Новгород княжить преемников Александра Ярославича, неоднократно пытались восстановить свои права, требуя от князя: «А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи» [2]. Об этом они вспоминали и через 70 лет, требуя: «А што будеть дед твой сильно деял... того ти не деяти» [3]. Но князья в поисках земель и средств не отступали, а, напротив, всё энергичнее вторгались в общественно-политическую жизнь боярской республики. Это стало одной из непременных частей государственной программы продолжателя политики Александра Невского — Ивана Калиты и его преемников на московском княжении.

Общегосударственными интересами Александр Невский руководствовался и в конкретном использовании присвоенных ему прав. Об этом свидетельствует случайно уцелевший документ, относящийся к судебной деятельности князя. В конце 30-х годов Александр, тогда князь новгородский, совместно с псковским посадником Твердилом, разбирал в суде дело между крестьянами-общинниками, населявшими Рожицкий остров (у западного берега Псковского озера), и представителями Спасо-Мирожского монастыря, который захватил часть принадлежавшей крестьянам на побережье озера земли.

Князь, основываясь на представленной крестьянами «смердьей грамоте», решил дело в их пользу [4]. Сделал он это, конечно, не потому, что свято чтил закон или оказывал предпочтение крестьянам, а не духовенству, а потому, что территория у Псковского озера являлась объектом неоднократных нападений западных соседей из-за рубежа и князь понимал, что необходимо иметь здесь, в приграничье, боеспособный резерв лично свободного крестьянства — верного защитника Русской земли. Ниже мы увидим, что князь Александр, высоко ценя и широко используя силы простого народа при защите Русской земли от

[1] ГВНиП, № 2, стр. 11.

[2] Там же.

[3] Там же, № 14, стр. 28; см. *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, стр. 303.

[4] ГВНиП, № 348, стр. 338; см. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, книга первая, стр. 395 и сл.

врагов, в то же время жестоко подавлял попытки народных масс выступить против своих классовых угнетателей.

Противоречия между владимирскими князьями и Новгородской боярской республикой вытекали из самого существа социально-экономического строя Руси и были ярким проявлением борьбы нарождавшихся сил единой государственности с защитниками феодальной раздробленности. При этом не одна только новгородская знать мешала осуществлению политики объединения русских земель и всех сил русского народа для борьбы с врагами. Ту же линию проводило и богатое псковское боярство, что отчётливо обнаружилось в событиях, связанных с борьбой Руси за независимость. Всё более прочное объединение русских земель было необходимым условием разгрома иноземных захватчиков.

Новгородская знать не знала тех препятствий, которыми в своих землях стремились ограничить крупное боярство владимиро-суздальские и галицко-волынские князья. Новгородские бояре стояли у власти, ограничиваемой только время от времени проявлявшимися вспышками народного гнева. Настойчивые оговорки в договорах с князьями о непринятии «закладников», о невыводе из республики людей, о незаконности жалоб холопов на своих господ, требование возврата ушедших из Новгородской земли смердов и ремесленников — всё это являлось следствием обострения классовых противоречий [1].

За первые сто лет (1136—1236) новгородской самостоятельности, вплоть до монгольского нашествия, история республики характеризуется острой классовой борьбой, которая не раз выливалась в открытые восстания крестьян и городской бедноты. Особенно значительным было восстание 1207 г. Новгородские горожане и окрестные крестьяне выступили против посадника Дмитра из богатых бояр-ростовщиков Мирошкиничей, которые обременяли народ тяжёлыми поборами. Восставший народ с оружием в руках разгромил дворы и владения семьи Мирошкиничей и поделил их имущество; оно было столь велико, что на каждого участника пришлось по 3 гривны, не считая большого количества ростовщических долговых обязательств, доставшихся князю. Восстание привело к отстранению бояр Мирошкиничей от власти.

---

[1] См. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, книга первая, стр. 404—418.

Князья, стремясь прочнее обосноваться в Новгороде, должны были, охраняя интересы боярства, серьёзно считаться с соотношением классовых сил. То же происходило и в новгородском пригороде Пскове.

Возникавшие в республике противоречия владимирские князья использовали в своих интересах. Влияние этих князей заметно усилилось в XIII в., когда владимиро-суздальские полки оказывали Новгороду решающую помощь в борьбе с внешними врагами. Монгольское нашествие, хотя и ослабило, но не смогло оборвать исторические связи между Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской Русью.

§ 3. Галицко-Волынская земля

Галицкое княжество занимало северо-восточные склоны Карпатских гор. На севере Галицкая земля граничила с Волынью (название которой произошло от древнего города Волынь на реке Гучве), на северо-западе — с Польшей, на юго-западе «горы Угорские» (Карпаты) отделяли её от Венгрии; в горах и за ними лежала Карпатская Русь, захваченная Венгрией в XI в., но часть её (с городами Брашев, Бардуев и др.) оставалась за Галицкой землёй. На юго-востоке в её пределы вошли земли Причерноморья, простиравшиеся от Южного Буга до Дуная, охватывая территорию современной Молдавии и Северной Буковины; северо-восточные границы Галицкой земли подходили к Киевскому княжеству.

Волынская земля обнимала среднее Побужье (с Берестьем и Дорогичином); западная, лесная граница с Польшей проходила между Бугом и Вислой; на севере волынские владения охватывали часть литовских земель, а восточнее включали соседнюю Полоцкому княжеству Чёрную Русь (с Новогородком) и Гродненскую землю; далее Волынь граничила с Пинским и Киевским княжествами и, наконец, с Галицкой землёй.

Галичина, древним центром которой был Перемышль, после кровавых раздоров с киевским великим князем Святополком Изяславичем [1] обособилась к началу XII в. Исторически сложившееся здесь сильное боярство в своих

[1] См. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 505—514.

распрях с князьями искало помощи Венгрии и Польши и долгое время препятствовало политическому объединению края.

На XII в. приходится значительный подъём Галицкого княжества. Галицкие земли, включая и придунайские города (Берлад, Текучий и др.), впервые объединились под властью Владимирко Володаревича (1141—1153). Этот князь, как мы видели, сурово подавил выступления горожан Галича и Звенигорода, пытавшихся отвоевать себе некоторые права. В это же время Волынь вышла из-под власти Киева (1154).

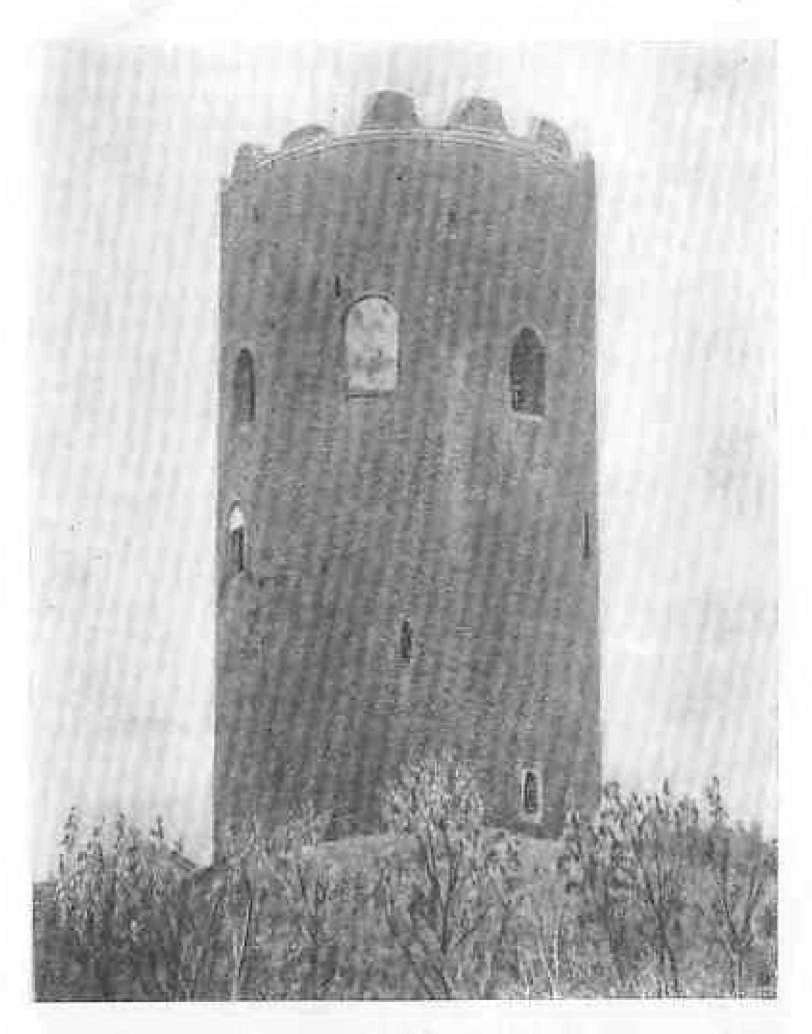
Дальнейший подъём Галицкой земли падает на время княжения Ярослава Владимировича Осмомысла (1153—1187). Летопись сообщает, что тогда широко велось строительство новых городов. Ярослав Осмомысл, опираясь на своих бояр, с помощью волынских князей разбил киевского князя. Киевский князь и его союзники — Византия, Венгрия, Польша и половцы — должны были признать права галицких князей на придунайские земли. Вмешавшись в распри при византийском дворе, Ярослав установил мир с Византией, а союз с Венгрией скрепил браком своей дочери с королём Стефаном III. Галицкие войска, повидимому, успешно участвовали в третьем крестовом походе против султана Саладина.

Силу Галицкого княжества, его борьбу с половцами, оборону русскими Дуная ярко обрисовал автор «Слова о полку Игореве»:

«Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своем златокованном престоле,
подпер горы венгерские
своими железными полками,
загородив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями» [1].

В конце XII в. галицкие и волынские земли соединились под властью волынского князя Романа Мстисла-

[1] «Слово о полку Игореве» (ритмический перевод Д. С. Лихачёва), стр. 66.

Башня в Каменец-Подольске
(XIII в.)

вича (1199—1205). Рядом карательных мер он ослабил галицкое боярство, часть которого бежала в Венгрию и причерноморские степи; земли крамольных бояр князь использовал для раздачи дружине. Объединение галицких и волынских земель содействовало развитию местных

городов и торговли. Преодолев сопротивление суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, Роман занял Киев (1203) и провозгласил себя великим князем.

Римская курия, ведя агрессивную политику по отношению к ряду стран Восточной Европы, искала «союза» с князем Романом, но он отверг предложения папы Иннокентия III. Более того, Роман поддержал борьбу Гогенштауфенов с Вельфами и выступил в 1205 г. в большой поход против союзника Вельфов краковского князя Лешко, поставив целью продвинуться затем в Саксонию.

После гибели Романа в походе началась долгая, разорительная феодальная война (1205—1245), в которой боярство, действуя с помощью Венгрии и Польши, а затем черниговских князей, захватило власть в Галичине, продав её независимость врагам. По договору в Спиши (1214) правители Венгрии и Польши с благословения папской курии поделили между собой Галицко-Волынскую Русь. Однако народ сорвал все расчёты захватчиков. Восстание охватило страну. Галицкие горожане изгнали венгерские гарнизоны и передали власть торопецкому князю Мстиславу Удалому (1219—1229); поднялось также и крестьянство: уцелевшие ещё венгерские войска были перебиты смердами и никому из них не удалось скрыться.

На Волыни с помощью местного служилого боярства, большой дружины и при поддержке городов утвердились князья Даниил и Василько Романовичи, с боем вытеснив польских феодалов с русской земли (1229). После смерти Мстислава Удалого венгерские захватчики и бояре-изменники вновь завладели Галичиной. Тогда войска волынского князя Даниила при активной помощи горожан нанесли венгерским феодалам и галицким боярам ряд поражений. Захваченные боярские земли князь Даниил раздавал дружинникам-дворянам. Ведя борьбу за независимость, волынский князь поддерживал дружественные отношения с Литвой и Мазовией, а также с Австрией, враждебной Венгрии. Борьба была кровопролитной, тянулась долгие годы, когда между противниками «бывшю овогда миру, овогда рати». Все тяготы её ложились на простой народ.

Лишь в 1238 г. земли Галичины, а затем и Киева соединились под властью волынского князя. Монгольское

нашествие нанесло объединению Юго-западной Руси тяжёлый удар и привело в дальнейшем к расчленению и захвату этой территории соседними государствами.

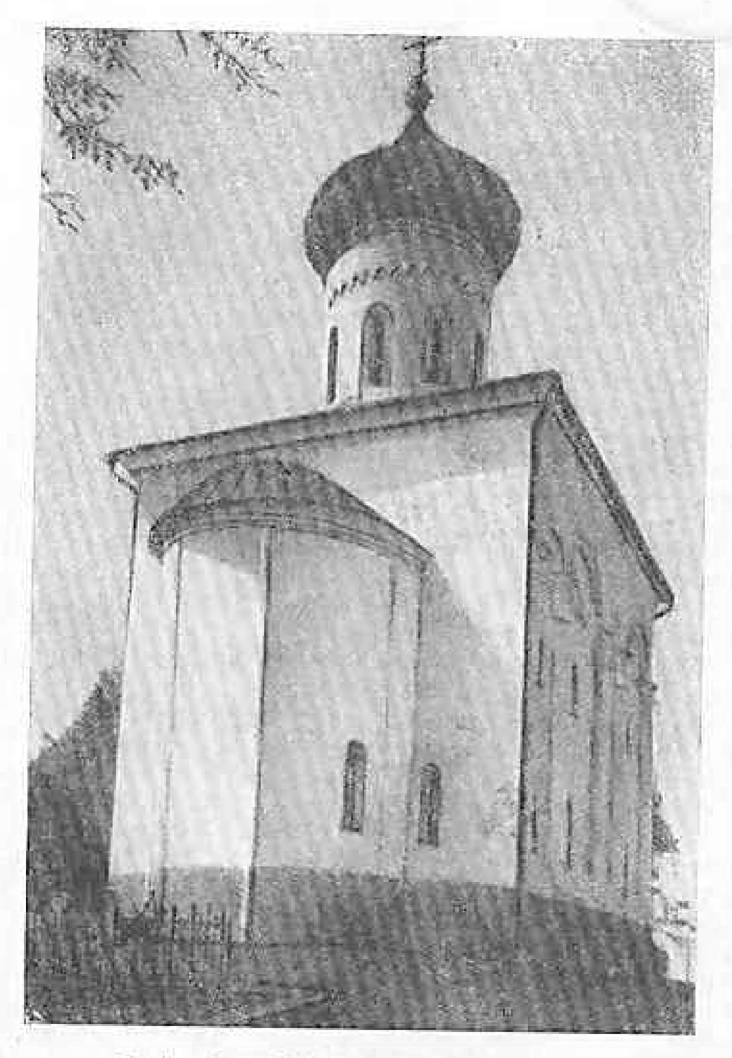
§ 4. Полоцко-Минская земля

Полоцко-Минская Русь занимала основную территорию будущей Белоруссии, по рекам Западной Двине и Березине, гранича с Новгородской, Смоленской и Турово-Пинской землями. На северо-западе власть полоцких князей распространилась на прежние владения киевских князей в латвийских и литовских землях.

Здесь рано развились феодальные отношения и возникли города Изяславль, Витебск, Еменец, Усвят и др., связанные с Полоцком; Орша, Копыс, Дудичи и др., связанные с Минском. Поэтому даже время могущества Древнерусского государства (от княжения Владимира I, который убил полоцкого князя Рогволода и захватил его земли, и вплоть до смерти Владимира Мономаха) характеризуется упорной борьбой полоцких князей Рогволодовичей против власти Киева.

Впервые Полоцко-Минская Русь обрела некоторое единство в княжение Всеслава Брячиславича (1044—1103). Этот князь стремился занять Новгород и Смоленск и даже побывал на киевском великокняжеском столе во время восстания 1068 г.[1] Его политика подрывала мощь древнерусских великих князей; не случайно автор «Слова о полку Игореве» считал, что Всеслав, отворив ворота Новгорода, тем самым «расшиб славу» Ярослава Мудрого. Киевские князья не раз разоряли Минск, Полоцк и другие города; они нанесли полоцкому князю поражение в кровопролитной битве на Немиге (1067), но не имели сил подчинить Полоцко-Минскую землю. Это — время её «дедней славы», по мнению автора «Слова о полку Игореве». Но единство земли не было прочным: окрепла местная знать, города попали под власть бояр, а сила князей ослабла; они, как сказано в «Слове», «выскочиста» из прежней славы. Этим воспользовались киевские и смоленские князья. Владимир Мономах захватил Оршу и Копыс (1104), которые отошли к Смоленской земле, а

[1] См. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 491—492.

Собор Спасо-Евфросиниевского монастыря
в Полоцке
(XII в.)

затем подчинил Минск; его сын Мстислав завладел Полоцком.

Лишь в середине XII в. сперва Полоцк, а затем и Минск вновь добились самостоятельности. Попытки минского князя подчинить Полоцкую землю натолкнулись на острое сопротивление горожан Полоцка, Друцка и других центров: против него «мятеж бысть велик в городе в полочанех», притом «двор его разграбиша горожане и дружину его». Хотя минский князь в конце концов с большим трудом подавил это выступление, власть его не была прочной. Полоцкие горожане под руководством одной из купеческих братчин изгнали минских князей. Установилось разделение на два княжества — Полоцкое и Минское. Внутренние феодальные распри ослабляли эту часть Руси, и она постепенно утратила своё былое значение в Восточной Прибалтике. Значительный политический упадок её приходится на время княжения Владимира Всеславича (около 1186—1216). Несмотря на ожесточённую борьбу, полочане не смогли отразить вторжение немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику.

Борясь за независимость, полочане искали поддержки у других русских земель. Помощь им оказывал Смоленск, который издавна поддерживал тесные связи с Полоцком, Минском и Витебском. Смоленские полки защищали Полоцк от литовских набегов. О смоленско-полоцком союзе свидетельствуют договоры 1222 [1] и 1229 гг. с немецкими городами, заключённые смоленским князем от имени не только Смоленска, но также Полоцка и Витебска. Монгольское нашествие благодаря героической борьбе русского народа не затронуло этих западнорусских земель.

---

[1] См. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, подг. к печати С. А. Аннинский, М. — Л. 1938 (в дальнейшем — Генрих. Хроника), XXVI, 1.

Глава шестая

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУСИ

В период феодальной раздробленности Русь, оставаясь крупнейшей европейской страной, не вела, однако, единой внешней политики. Например, в середине XII в. в борьбе за первенство на Руси враждующие русские князья вступали в союзные отношения с государствами, входившими во взаимно враждебные коалиции, которые сложились в Европе после крестового похода 1147 г. Владимиро-суздальские и союзные им галицкие князья поддерживали дипломатические отношения с Византией и Гогенштауфенами в Германии, а их противники, волынские князья, — с Венгрией и Вельфами.

Русь оказывала большое влияние на политические судьбы соседних держав. Достаточно сказать, что ещё в 1091 г., до начала крестовых походов, когда Византия, обращаясь «во все стороны», молила о помощи против тюрок-сельджуков и печенегов, Византийскую империю спасли половцы и русское войско галицкого князя Василька; что касается западных крестоносцев, то их походы закончились, как известно, варварским разорением Византии в 1204 г. Можно привести и другие яркие примеры. Войска галицких князей, содействовавших укреплению Болгарии, помогли вернуть царю Ивану-Асеню II (1218—1241) болгарский престол; волынские князья помогли усилить свои позиции в Польше князьям мазовецким (1229), позднее вассальным Руси; они участвовали в войне за австрийское наследство, когда сын галицко-во-

лынского князя Даниила Роман получил права на австрийское герцогство (1252) и т. д.

Заметную роль в восточноевропейской политике играла Владимиро-Суздальская земля. Юрий Долгорукий поддерживал союз с Византией, а князь Андрей Боголюбский, умело используя противоречия между Византией и римской курией, разорвал его и добился организации епископии во Владимире. Папа Александр III, понимая международное значение Суздальской Руси, направил сюда в 1169 г. посольство, стараясь втянуть русских князей в конфликт с германскими императорами. Однако, папской курии не удалось осуществить свои замыслы, и позднее князь Всеволод Большое Гнездо, хорошо известный в Европе, поддерживал дипломатические отношения с Фридрихом Барбароссой.

Русь по отношению к церковному центру православия — Византии занимала гораздо более независимую позицию, чем другие европейские государства по отношению к центру католичества — Риму[1]. Папская курия в связи с этим носилась с замыслом вовлечь Русь в орбиту своей политики, но наиболее дальновидные папские эмиссары уже тогда видели несбыточность этих надежд. Так, на запрос одного из идеологов воинствующего католицизма, Бернарда Клервосского, о возможности вовлечь Русь в католичество, краковский епископ Матвей в середине XII в. писал, что русский народ, который бесчисленным своим множеством подобен звёздам, «не желает сообразоваться ни с латинской, ни с греческой церковью»[2]. Окрепшая папская курия и в XIII в. не прекращала своих происков на Руси, особенно во Владимиро-Суздальской земле, когда поняла, что это княжество играет ведущую роль в отпоре агрессии немецко-шведских захватчиков в Восточной Европе. Один из вдохновителей этой агрессии — папа Григорий IX обратился в 1231 г. с посланием к «преславному королю Руси» Юрию Всеволодовичу, предлагая ему принять католичество, надеясь тем самым расчистить путь крестоносным разбойникам. Но Юрий не только отверг эти

---

[1] Византийский император вынужден был подчас посылать «дары многи» русским князьям, чтобы склонить их принять того или иного митрополита (см. ПСРЛ, т. II, стб. 522).

[2] «Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae», pars I, ed. Y. Erben, Pragae 1855, № 281.

предложения, но и изгнал из княжества папских агентов-доминиканцев, ведших «проповедь» среди языческого населения Поволжья. Около того же времени союзник Юрия — смоленский князь выслал папских «проповедников» из Киева.

Отдельные княжества Руси располагали значительными вооружёнными силами, которые сумели отбить нападение половцев и частично подчинить их себе; русские полки прославились походами до Опавы и Калиша, Старграда и Риги.

Попрежнему государи Византии, Венгрии, Польши, Германии и других стран искали династических связей с русскими князьями; караваны «руссариев», т. е. купцов, торговавших с русскими землями, спешили в богатую Русь; папский посол, посетивший Киев вскоре после его разорения монголами, ещё застал там купцов из Польши, Австрии, Византии, Генуи, Венеции, Пизы и, повидимому, Франции. Вместе с ним в Киев ехали купцы из Вроцлава [1]. Сухопутной и морской торговлей с русскими землями дорожили и малоазиатские купцы: «...торговали они с ними, входили в города их и направлялись к ним купцы из Сирии, Ирана, Мосула, Джезиры и других мест...» [2] Слухи о сокровищах Руси поражали воображение лучших поэтов Франции и Германии.

Французский эпос и «Песнь о Роланде» хорошо знают Русь и её богатства — собольи меха, дорогие плащи, шёлковые ткани, русское золото и серебро; славились во Франции и русские доспехи, а также боевые кони, а выражение «итти на Русь» издревле вошло во французскую поговорку, означавшую гибельный поход. Упоминаются руссы, а также Киевская земля в немецкой поэзии — в «Песне о Нибелунгах» (XIII в.).

Известна была Русь и в Англии. Не случайно в одной из версий о Бове-королевиче (начало XIII в.) описывается оживлённая морская торговля английского порта Саутгемптона и упоминаются грузы из Руси: «Купцы прибывают из Апулии и Руси, привозящие их великий товар» [3]. Русские путешественники посещали Византию

---

[1] См. *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 62.

[2] См. *А. Ю. Якубовский.* Рассказ Ибн-ал-Биби, стр. 66.

[3] См. *А. И. Дробинский.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе — «Исторические записки» № 26, 1948, стр. 104—117.

(новгородский боярин Добрыня Ядрейкович), Переднюю Азию (черниговский игумен Даниил) и другие страны, оставив яркие описания своих путешествий.

Но международное положение Руси в целом ухудшалось, что и отмечали современники.

Главной причиной ослабления внешнеполитического положения Руси, сокращения её территории были феодальные распри князей. Кочевники-половцы, заняв Северное Причерноморье, постоянными опустошительными набегами разоряли русские земли от Переяславщины до галицкого Понизья, уводили в плен и продавали в рабство русское население. Они затрудняли торговые и политические связи Руси с Причерноморьем и странами Востока; это обусловило и утрату русских владений на Северном Кавказе, потерю Таманского полуострова и части Крыма, захваченных Византией, которая одновременно стремилась утвердиться и на Дунае. В южнорусских степях появился и другой враг — тюрки-сельджуки, которые около 1221—1222 гг. разбили русско-половецкое войско, вторглись в Крым и захватили было Сурож (Судак) [1]. На востоке, в Поволжье, начала слабеть власть владимиро-суздальских князей в землях мордвы, мари, буртасов. На западе Венгрия захватила Карпатскую Русь; в Прибалтике Литва вышла из-под власти Руси, оттеснив полоцких князей за Двину. Земли латышей и эстонцев попали под удар немецко-датских захватчиков, земли финнов и карел — под удар шведских феодалов. Монгольское нашествие привело к разорению, завоеванию и расчленению самой Руси.

---

[1] См. *А. Ю. Якубовский.* Рассказ Ибн-ал-Биби, стр. 53—76.

Глава седьмая

КУЛЬТУРА

Русская культура в период феодальной раздробленности имела своей основой материальную культуру сельскохозяйственного и ремесленного производства и своим неиссякаемым источником народное творчество[1].

К сожалению, время сохранило нам лишь немногочисленные памятники культуры этой поры. Не сохранились и имена огромного большинства тех простых людей, трудами которых по заказу господствующего класса создавались «измечтанные разною хитростью» шедевры стенной живописи и каменной резьбы, монументальной архитектуры и тончайшей серебряной чеканки.

Лишь немногие из них упомянуты в летописях: это «каменные здатели» — полочанин Иван, новгородцы Пётр и Корова Яковлевичи, Пётр Милонег; на Волыни славился «муж хитрый» (искусный) Олекса, что «многи городы рубя», там же трудился «хытреч Авдей» — мастер тончайшей каменной резьбы; широкую известность приобрёл киевский художник Алимпий, расписавший Киево-Печерский монастырь и создавший мозаики, который «добре извык хитрости иконней, иконы писати хитр бе зело»[2]; новгородские мастера-чеканщики Коста и Братила оставили прекрасные чеканные серебряные сосуды,

---

[1] Подробнее см. Очерки истории СССР (IX—XV вв.), ч. 1, М. 1953, стр. 424—471.

[2] Патерик, стр. 124.

а мастер-литейщик Авраамий изготовил скульптурный автопортрет, который сохранился и поныне.

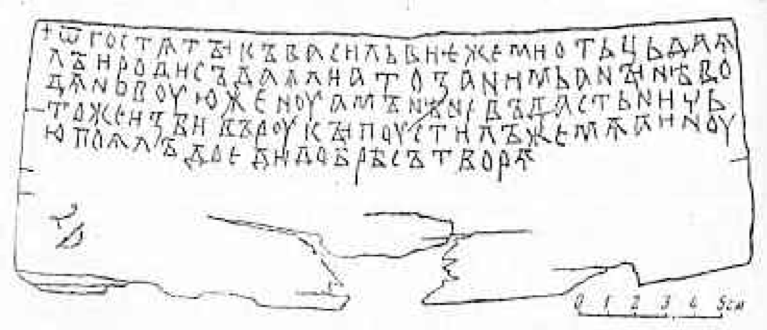
Именно труд крестьян, ремесленников, этих мастеров — «делателей» и «хитрецов» — был основой прогрессивного развития Руси, политическую историю которой феодалы заполняли своими распрями, зачастую уничтожая плоды народного труда. Условия для развития культуры на Руси не были благоприятны в силу того, что в течение столетий нашей стране приходилось вести напряжённую борьбу с нашествиями кочевников. Но и то немногое, что уцелело, говорит о величии, неповторимом своеобразии и огромном значении древнерусской культуры. Памятники её тем драгоценнее, чем ближе стоят они к народному творчеству.

По мере развития просвещения и роста опыта, накапливаемого в производстве, крепли знания о природе, хотя в системе образования попрежнему господствовало богословие. Грамотность, охватывая новые области страны, заметно распространялась среди феодальной знати, а также горожан, как показывают многочисленные надписи на ремесленных изделиях, предметах быта и, наконец, свидетельства частной переписки. При раскопках в Новгороде советскими археологами, руководимыми А. В. Арциховским, за последние годы найдены десятки берестяных грамот, содержащих переписку простых людей. Ещё более стало цениться «учение книжное», ибо «ум без книг, аки птица опешена. Якоже она взлетети не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг».

Знания пополнялись на основе опыта. Наряду со знахарями и «божественными исцелителями» появились врачи — «лечцы», которые, правда, входили еще в число «церковных людей» [1]; они обслуживали княжеские дворы; в Киеве был знаменит «лечец» Агапит, который вылечил, в частности, Владимира Мономаха и знал, «киим зелием целится какий недуг». Возникли «болницы», бывшие в ведении церкви [2]. Возросли и знания в области математики, необходимой и в сельском хозяйстве, и в летописании, и при сборе налогов; среди специалистов — «числолюбцев» и «риторов» известен новгородец Кирик, автор

[1] ПРП, вып. 1, стр. 242.
[2] Там же.

Берестяная грамота

Письмо «от Гостяты к Васильви» (фотография и прорись) XI в.

трактата «Учение им же ведати человеку число всех лет». Совершенствовалась техника ремесленного производства, строительная техника (стали изготовлять кирпич, появилась прочная известковая смесь и т. п.).

Знания об обществе распространялись главным образом в среде феодалов, а также зажиточных горожан. Исторические хроники — летописи велись теперь во всех крупных городах от Новгорода до Холма, от Владимира-Волынского до Устюга и Рязани. Большинство из них составлялось при княжеских и епископских дворах. Они прославляли князей, походы и победы русских дружин, сообщали о строительстве городов, церквей и т. п. В составе летописей стали появляться исторические повести о князьях и важнейших событиях; тесная связь летописцев с деятельностью княжеских канцелярий приводила

к включению в летописи и их своды (свод — систематическая обработка летописных источников по заданию сменяющихся правителей) деловых документов: дипломатических, административных, военных. И хотя церковная идеология и провиденциализм (божественное «предопределение») господствовали в творчестве летописцев, в княжеском летописании (например, волынском) и в боярском (новгородском) наблюдается рост светских элементов (воинские повести). Русские летописи, из которых сохранились в некоторой степени лишь летописи владимиро-суздальские, волынские и новгородские, представляют собой первоклассный исторический источник и памятник культуры.

В неразрывной связи с ростом ремесла развивалось и зодчество. Появлялись новые стили и жанры, отвечавшие потребностям общества и прежде всего интересам господствующего класса того или иного княжества. Лучшие образцы зодчества представлены церковными строениями. С переходом к феодальной раздробленности общим для памятников архитектуры стало уменьшение размеров храмов, упрощение их внутреннего убранства, постепенная замена мозаики фреской; господствующим стал «кубический» храм с тяжёлой главой. Эти изменения связаны с быстрым распространением каменного зодчества.

Строительство храмов и монастырей продолжалось и в Киевской земле (церковь Спаса на Берестове, собор Киево-Печерского монастыря, разрушенный фашистами), но Киев постоянно переходил из рук в руки соперничавших князей; значительно лучшие условия для строительства были в других землях. Во Владимиро-Суздальской Руси были созданы замечательные памятники зодчества (среди них владимирские «Золотые ворота»). Здесь были великолепные храмы: Успенский собор (середина XII в.); церковь Покрова на Нерли (1165) — четырехстолпный храм с декоративной скульптурой; выдающийся шедевр мирового зодчества — Дмитриевский собор (90-е годы XII в.) с каменными резными рельефами; боголюбовский княжеский дворец, включавший в свой комплекс собор, переход, прорезанный арками и т. п. Строительство велось и в других городах Северо-восточной Руси — в Ростове, Суздале, Нижнем-Новгороде и др.

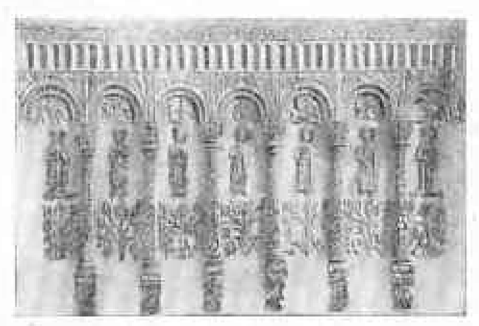
В Новгородской земле времён боярской республики княжеское строительство крупных соборов сменилось более скромными, но выдающимися по совершенству форм и художественной живописи храмами, среди них — всемирно известная церковь Спаса-Нередицы (конец XII в.), варварски разрушенная фашистами; церковь Благовещения на Городище и многие другие; подобные строения возводились и в новгородских пригородах — Старой Ладоге, Старой Русе, Пскове.

Не менее замечательной была и архитектура Галицко-Волынской Руси; здесь известны Успенский собор во Владимире-Волынском (1160), комплекс княжеских дворцовых построек в Галиче, где стояла церковь Пантелеймона с её знаменитым порталом. Не сохранились архитектурные памятники Холма, но из летописи известно, что князь Даниил распорядился построить здесь три храма, украшенные резным галицким белым и холмским зелёным камнем, колоннами «из целого камня», что поблизости стояла башня, которая «светилась во все стороны», а на пути к городу высился «столп» с огромным изваянием орла. Зодчество развивалось и в Чернигове, Смоленске, Полоцке, Гродно и других городах.

При большом разнообразии стилей повсюду наблюдается связь архитектуры с запросами господствующего класса, творческое использование стилей соседних русских и нерусских земель. Возводились и гражданские постройки из камня — дворцовые княжеские ансамбли во Владимире, Галиче, использующие традиции древнерусского «хоромного строения». Монгольское нашествие варварски прервало подъём русского зодчества.

В изобразительном искусстве с переходом к феодальной раздробленности, с укреплением экономического и политического могущества церкви, с одной стороны, усилилось влияние церковной схоластики, с другой — возросло стилистическое разнообразие, в котором явственно видны черты местного народного творчества, то там, то здесь вступавшего в борьбу с господствующей идеологией. В целом стали характерны нарочитая условность, отвлечённость образов; изменились и художественные приёмы — исчезла объёмность изображения, возобладала статичность, неподвижность. Фресковая живопись попрежнему была органически связана с архитектурой.

Для новгородской живописи характерна яркая, сочная красочность, резкие контуры. Особенно замечательны были росписи церкви Нередицы — её стен, свода, столбов, арок. Хотя все фрески храма Нередицы проникнуты мрачной идеей страшного суда, народные мастера сумели и в этот сюжет внести черты реализма, например в изображение богача и бедного Лазаря. Богач, сидящий в адском пламени, умоляет Лазаря дать воды, а сатана подносит ему огненный сосуд; надпись гласит: «Друже богатый, испей горящего пламени...». В новгородскую иконопись проникают черты народного искусства, близкого к портретной живописи.

Белокаменная резьба на южной стене Дмитриевского собора во Владимире

Сохранился также редкий рисунок на полях псковской рукописи XII в., где изображён отдыхающий крестьянин, подле него лопата и надпись: «Делатель трудися».

Искусство Владимиро-Суздальской Руси было более утончённым; местные храмы были наполнены «многоразличными иконами и драгим каменьем без числа», но сохранилось из этого богатства немногое: остатки росписи Успенского собора, росписи Дмитриевского собора, икона Дмитрия Солунского. От творчества художников других областей Руси дошли лишь немногие фрагменты.

Прикладное искусство, менее, чем живопись, связанное церковными канонами, не раз в своих сюжетах отражало то, что преследовала церковь (народные игры и пляски, сцены борьбы и т. п.). Статуарная скульптура была запрещена церковью. Но большого подъёма достигло искусство пластики (монеты, печати), каменной резьбы (от убранства соборов до каменных иконок).

Народное творчество широко отразилось в вышивке, а также в украшениях книг — заставках, заглавных буквах и т. п., где наряду с красочным орнаментом, широко представлены живые сцены народного быта и труда.

Литература этого времени характеризуется целой серией памятников, лучшие из которых тесно связаны с фольклором.

Народ был чужд феодальным распрям и хранил память о былом единстве Руси. Это отразилось в былинах. По народному представлению за Русскую землю, от Дуная до Волги, от Балтийского до Чёрного и Каспийского морей, вместе сражаются «задорливый» галичанин Дунай, муромец Илья, волынец Михайло Казарин, ростовец Алёша, рязанец Добрыня... Они все друг другу братья, и потому ни Дунай Добрыню, ни Добрыня Дуная в случае ссоры ранить не могут, как «русский — русского».

В былинах воспевались богатырский труд «оратаев» (крестьян) и их подвиги. Образы богатырей — Микулы Селяниновича, «крестьянского сына» Ильи Муромца, Добрыни и др. — сохранились в памяти народа как символы его доблести и славы.

Наш эпос хранит немало черт дружбы между народами. Например, в одном из вариантов былины об Илье Муромце дана оценка неоднократных совместных союзных действий русских и польских войск. В былине идёт речь об участии русских богатырей в освобождении Кракова от тяжёлой осады. Богатыри Илья и Соловей решили «выручить Кряков из неволюшки», они вступили в бой и из-под города «силу выбили». Когда освобождённые жители Кракова стали звать их к себе, то Илья ответил:

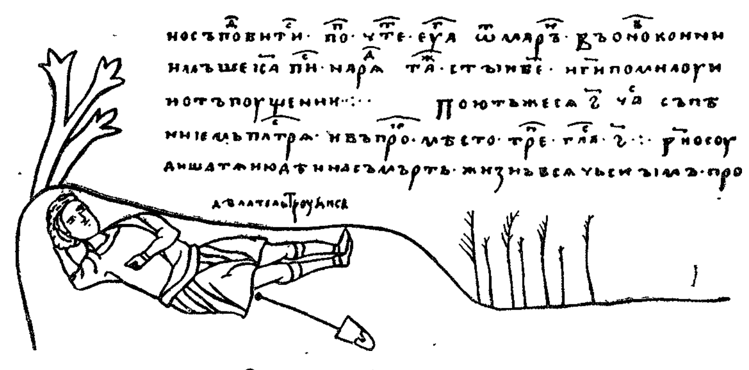
«Ой вы, гой еси, горожана Кряковцы!
Под вами сила была неосильчива:
Вы живите, братаны, по старому,
Я поеду в стольный Киев град!» [1].

Замечательно, что идея братства («братаны») и дружбы русского и польского народов так ярко выражена в нашем народном эпосе.

Значение литературы при большом развитии и совершенстве художественных форм определяется в первую очередь её глубоким идейно-политическим смыслом. В ней

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, М. 1862, стр. 4.

отразились идеи различных групп господствующего класса. В лучших литературных творениях, опирающихся на фольклор, прославляющих Русь, призывающих князей к миру и защите независимости Родины, отражены и чаяния широких народных масс.

Отдыхающий крестьянин

(Миниатюра XII в.)

Литература тоже характеризуется многими жанрами, стилями и школами. Церковная проповедническая литература представлена сочинениями выдающегося писателя Климента Смолятича (середина XII в.), знатока Омира (Гомера), Аристотеля и Платона, который «бысть книжник и философь так, яко же в Русской земле не бящеть». Рядом с ним можно поставить Кирилла из Турова — знаменитого оратора, прозванного «русским Златоустом».

Идеология церковной и отчасти светской знати пронизывает замечательный памятник литературы — «Патерик» Киево-Печерского монастыря (20-е годы XIII в.), включавший 20 назидательных рассказов о жизни этой крупнейшей церковной феодальной корпорации, её «святынях» и монахах. Рассчитанный на широкие читательские круги и проникнутый мыслью о превосходстве духовной власти над светской, «Патерик» хранит в себе многочисленные драгоценные черты быта различных слоёв русского общества — от холопов до князей, причудливо опутанные назидательной фантастикой.

Более широкий круг вопросов, совершенно по-иному освещённых, находим в выдающемся памятнике ранней дворянской идеологии — «Молении» Даниила Заточника.

Блестяще образованный Даниил умело использовал сокровища фольклора для апологии сильной княжеской власти и обличения самовластной светской и церковной знати. Идеи Даниила широко представлены в княжеских летописях и сводах, так же как идеи «Патерика» — в летописях боярских. Борьба этих групп господствующего класса ярко отражена в феодальной идеологии средневековья. В пору феодальной раздробленности идеи дворянских публицистов, видевших в сильной княжеской власти источник своего благополучия и процветания страны, выражали объективно прогрессивную, закономерную тенденцию развития феодального общества на Руси.

К памятникам литературы должны быть отнесены отдельные составные части летописных сводов, в которых в это время часто использовались светские повести о князьях (об Андрее Боголюбском, Изяславе Мстиславиче волынском, Александре Невском и др.), что связано с ростом интереса к личности вообще, с зарождением черт гуманизма; повести о выдающихся исторических событиях (битва на Калке, падение Царьграда и др.) и т. п. Эти повести под пером придворных церковников-летописцев позднее утрачивали (в волынских летописях — в меньшей, в владимиро-суздальских и новгородских — в большей степени) свой светский характер. Великокняжеское летописание проводило идею сильной власти, идею единства Русской земли.

Русская культура играла выдающуюся роль не только в жизни создавшего её народа, но и соседних земель.

Это влияние было многообразно: древнерусские летописи вошли в состав крупнейших польских хроник, на русских летописях основано летописание Литвы, тексты летописей проникли даже в Англию, где отразились в хронике Матвея Парижского (XIII в.); тесные культурные связи поддерживала Русь с землями южных славян; изделия русского ремесла находят в Германии и Чехии; русские фрески — в росписях польских и готландских храмов; произведения русских косторезов славились в Византии и т. п. Культура Руси обогащалась в свою очередь в процессе культурного общения русских с другими народами.

Величайшим памятником древнерусской духовной культуры домонгольской поры является «Слово о полку Игореве». Посвящённое описанию неудачного похода

(1185) на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича, это произведение отражает народное представление об истории Руси: автор «Слова» решительно осуждает феодальные усобицы князей, от которых погибало наследие дедов и прадедов.

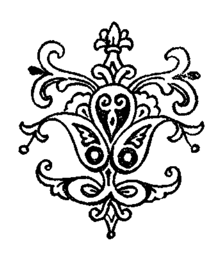
Автор выступает за единство страны, за единство её сильнейших князей, за единство народа. Русская земля для него — это вся Русь, от Таманского полуострова до Прибалтики, от Дуная до Восточной Суздальщины. В то время, когда «по Руской земли ретко ратаеве кикахуть (пахари покрикивали), но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче...» [1], он восхваляет мирный труд, в образах которого описывает одну из кровопролитнейших междоусобных битв на Немиге; он противопоставляет мир войне:

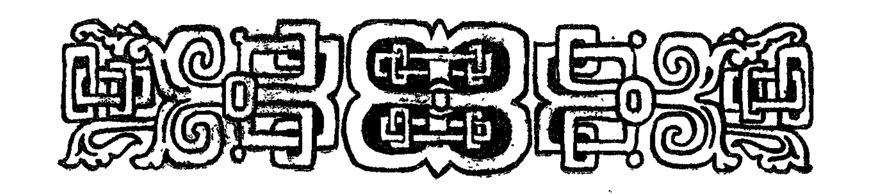
«На Немизе снопы стелют головами,
молотят чепи харалужными (цепами булатными),
на тоце живот кладут,
веют душу от тела.
Немизе кровави брезе
не бологом (добром) бяхуть посеяни,
посеяни костьми руских сынов» [2].

Создатель культуры — великий русский народ — устами автора «Слова» выражал свой призыв к единству во имя труда и мира, во имя защиты Родины. Но этот призыв не был услышан князьями, которые своими распрями ослабили Русь, попавшую под тяжёлое иго монгольских захватчиков.

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 16.
[2] Там же, стр. 25.

Часть вторая

БОРЬБА С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Глава первая

РУСЬ И НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ

В период феодальной раздробленности Древнерусское государство оставалось этнически неоднородным. Территориально, экономически и политически преобладавшей его частью являлась собственно Русь.

С Русью издавна были тесно связаны многочисленные неславянские земли: земли эстонцев, латышей, литовцев, а также карел и финнов, земли народов Севера — ненцев, коми и югры, Поволжья — болгар, мордвы, мари, Северного Кавказа — осетин, черкесов, Причерноморья — части половцев и молдаван. Изучение исконных связей прибалтийских земель с Русью помогает понять освободительную борьбу против иноземных захватчиков, которую великий русский народ вёл в XIII в. совместно с этими народами.

Юго-восточное побережье Балтийского моря от Нижней Вислы до Финского залива было заселено пруссами (ятвягами и др.), литовцами (собственно литовцами, жмудинами), эстонцами и латышами (латгалами, земгалами, куршами, ливами, селами).

Здесь было развито пашенное земледелие. Основными орудиями труда служили соха и лёгкий плуг, борона, серп, коса, топор. В качестве рабочего скота использовались лошади и волы. Крестьяне сеяли рожь, овёс, пшеницу, ячмень, чечевицу, бобы, горох; были известны и технические культуры — лён, конопля. Имелось молочное

скотоводство. Были развиты некоторые ремёсла, например древодельное, гончарное, кожевенное, железоделательное, а также производство ткани и пряжи разных сортов. Народы Прибалтики вели торговлю, особенно по морю. Земгалы строили много судов; внушительный флот имели жители острова Сааремаа и курши, которые выводили в море до трёхсот судов. Возникали города, центры ремесла и торговли — такие, как эстонский город Линданиса, на месте которого вырос Таллин, Тарту, Отепяа, Земгальская гавань — предшественница Риги, Талава, Атзеле, Ерсике и др.

Уровень общественного развития этих народов был различен, но все они уже миновали стадию первобытнообщинного строя и вступили в период феодализма. У них появилась частная собственность на землю, из среды крестьян-общинников выделилась знать, которая имела земельные владения, но жила ещё в основном за счёт сбора дани с подвластного населения и добычей от войн с соседями. Для поддержания своего господства над крестьянством и для защиты своих богатств от внешних врагов знать создавала военные дружины. У отдельных князей, владевших замками и сёлами, дружины достигали тысячи воинов.

Крестьяне жили сельскими общинами, значительные группы которых составляли территориально-политические единицы (земли-области); верховная власть в таких областях фактически находилась в руках советов старейшин, созданных знатью. Феодальные отношения несколько быстрее развивались в Литве, Эстонии и Восточной Латвии, более удалённых от грабительских набегов скандинавов и теснее связанных с соседней Русью.

На эстонской, а также латвийской территориях ещё не сложились условия для объединения всех земель знати, дружинников и свободных общин под властью более сильного представителя крупных землевладельцев — князя. Но в Литве эти условия уже имелись: страной управляла группа князей во главе с более сильными — «старейшими». Постепенно к середине XIII в. в связи с развитием феодальных отношений, а также с необходимостью противостоять внешней угрозе со стороны немецких рыцарей в Литве образовалось относительно единое раннефеодальное государство.

Население восточноприбалтийских земель придерживалось ещё языческих верований.

Замечательными памятниками культуры являются эстонский эпос «Калевипоэг», литовские и латвийские исторические песни и сказки.

Герой эпоса — Калев-сын, встав во главе народа, остаётся тружеником:

«Он за плуг старинный взялся,
Чтя работы полевые.
Меч он на бедро привесил,
Чтоб не ведал мирный пахарь
Злой военной непогоды,
Облаков вражды кровавой» [1].

Картины крестьянского труда — основы благосостояния народа — лучшие в эпосе.

Эпос восхваляет и труд ремесленника — «дивного мастера» Илмаринена [2], одного из героев карело-финского эпоса «Калевала»; эпос воспевает и труд градостроителя. Калев-сын строит для народа города, притом тёс для стройки приобретает на Руси, во Пскове:

«Калев — сын неоценённый
Вывез кладь свою из Пскова:
Гору купленных им досок,
Чтоб из них построить город,
Крепость прочную — для старых,
Кровлю мирную — для слабых,
Для сестриц — приветный терем» [3].

Эпос зовёт народ к единству, «иначе — при разнодумье — прахом ветры нас развеют» [4]; он осуждает распри, которые сеют «злыдни» [5]; народ — против войны, за мир и труд: не случайно в эпосе даже меч — это «сошник военный» [6]. В то же время эпос славит борьбу народа за независимость.

---

[1] «Калевипоэг». Эстонский народный эпос, собрал и обработал Ф. Крейцвальд, перевод Вл. Державина и А. Кочеткова, Таллин 1950, стр. 127.

[2] См. там же, стр. 186.

[3] Там же, стр. 165.

[4] Там же, стр. 263.

[5] Там же, стр. 148—149.

[6] Там же, стр. 168, 205, 229.

Труду крестьянина-пахаря посвящено немало и латвийских песен [1]. Они говорят о связях латышей с Русью, Литвой [2], пруссами Польского Поморья [3]:

«Русскому я даю свою сестрицу,
А сам себе беру литвинку;
Хожу к русским, хожу я к литовцам,
Везде мне зятья-родня» [4].

Исторические судьбы Руси издавна были связаны с судьбами народов Восточной Прибалтики. По сведениям летописи, ещё в IX в. эсты совместно с новгородскими словенами и кривичами боролись с набегами норманнов. Автор знаменитого русского летописного свода начала XII в. — «Повести временных лет» знал, что отношения Руси с прибалтийскими народами возникли давно; они продолжали существовать и в его время. Среди народов, «иже дань дают Руси», он упоминает и литовцев, и эстонцев, и латышей (земгалов, куршей, ливов), и финнов (емь) [5].

Разнообразные источники свидетельствуют о тесной связи Руси с Литвой. Археологи говорят о наличии значительных славянских элементов в литовской материальной культуре, литовская денежная система была тесно связана с русской, литовские народные сказки обнаруживают большую близость с древнерусскими [6]. Летописи упоминают о походах киевских князей X — начала XII в. в литовские земли.

Русские былины знают «хоробру Литву» того времени. Илья Муромец с гордостью говорит:

«Жил я в хороброй Литвы
По три году поры-времени,
Выхаживал дани-выходы от князя Владимира...» [7]

В пору расчленения Древнерусского государства на землях между Неманом и Двиной начало складываться

---

[1] См. Памятники латышского народного творчества, изд. И. Спрогис, Вильна 1868, стр. 275—279.

[2] См. там же, стр. 117, 280.

[3] Там же, стр. 13, 17.

[4] Там же, стр. 294.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 8.

[6] См. *В. Т. Пашуто.* О возникновении Литовского государства — «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии», т. IX, № 1, 1952 г., стр. 42—43.

[7] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, № 5, М. 1909, стр. 31.

самостоятельное Литовское княжество. Набеги литовских войск стали угрожать Полоцку, Пинску, Берестью. Если в XII в. полоцкие и минские князья ещё не раз использовали литовские войска в феодальных войнах на Руси, то в дальнейшем такие факты уже не наблюдаются. «Слово о полку Игореве» отметило утрату полоцкими князьями былых позиций в Литве: «...И Двина болотом течет оным грозным полочаном», один из полоцких князей было «позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя», но «сам под чрьлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскыми мечи» [1].

Лишь часть литовской земли (область ятвягов) ещё некоторое время оставалась под властью галицко-волынских князей [2].

Иначе сложились отношения Руси с другими народами Восточной Прибалтики. Киевские князья освоили эти земли прочнее, чем литовские; здесь имелись русские крепости и погосты, а население было обложено регулярной податью.

Отношения с эстами у Руси установились очень давно. Из летописи узнаём, что эсты признавали власть первых древнерусских князей и в качестве подданных принимали участие в походах Олега; эстонские дружинники были, видимо, в числе послов Руси, заключавших при Игоре мир с Византией (944); и позднее выходцы из эстов служили в дружине киевских великих князей [3].

Князья стремились сохранить свою власть над землёй эстов: в 1030 г. князь Ярослав Мудрый организовал поход в Прибалтику и основал город Юрьев (Тарту) на месте старинного эстонского укрепления. Новый город стал главным центром управления землёй эстов, здесь находился русский гарнизон и жили дружинники, владевшие сёлами близ города [4]. Освоение этих земель продолжалось и позднее [5].

После установления самостоятельности Новгородской республики (30-е годы XII в.) отношения с землёй эстов перешли, видимо, целиком в ведение новгородского боярства.

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 24.

[2] См. там же, стр. 23, 67.

[3] См. *Я. Я. Зутис.* Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. — «Историк-марксист» № 3, 1940 г., стр. 40.

[4] НПЛ, стр. 183.

[5] Там же; ср. ПСРЛ, т. II, стб. 283; НПЛ, стр. 204.

Древние связи Руси с землёй эстов отразились, как мы видели, в эстонском эпосе «Калевипоэг»; нашли они отклик и в наших былинах. В былине о Соловье Будимировиче говорится:

> «Матушка Нева широко прошла;
> Устьем выпадала в сине море во *Вирянское*»[1].

Упоминается в былине и о городе «Леденец», т. е. Линданисе, в «Вирянской» земле (т. е. в Вирумаа). Влияние русской культуры в Прибалтике было значительно шире, оно охватывало и остров Готланд, где в Гарда сохранилась часть роскошной стенной живописи XII в., выполненной новгородскими мастерами. Исследователь этого вопроса справедливо писал, что «из Руси на Балтику экспортировалась утонченная живописная русская культура и там создавались ее очаги»[2].

Вторжение немецких крестоносцев, захват ими лучших эстонских земель, превращение эстонского крестьянства в зависимое от немецких светских и духовных феодалов, массовое истребление населения во время неоднократных походов — всё это привело к повсеместному восстанию эстов, искавших помощи у Руси. Героическая борьба с немецкими крестоносцами — тяжёлое, но славное время в истории эстонского народа, который заставил немецких колонизаторов дорого заплатить за захват эстонской земли.

Отношения Руси с ливами и латгалами значительно слабее освещены в наших летописях. В договоре 944 г. упомянут киевский дружинник из «Либи», т. е. из ливов. Русский летописец начала XII в. среди народов, плативших дань киевским князьям, также называет «Либь». Преемниками власти киевских князей над землёй ливов явились полоцкие князья. Об этом свидетельствует и хронист Арнольд Любекский: «Король Руссии из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих

---

[1] См. *Э. А. Вольтер.* Что такое Линданиса — ИОРЯС АН, т. V, кн. 4, СПБ 1900, стр. 1326.

[2] *А. Мацулевич.* Новгород и Таллин — КСИИМК, вып. X, 1941 г., стр. 51. Интересно, что, по былине, богатырь Самсон Колыванов — названный брат русского богатыря Ильи (см. Русская устная словесность, т. I, Былины, М. 1916, стр. 406).

ливов»[1], — пишет он. Гибелью полоцких летописей объясняется скудость наших сведений об этих землях.

Полоцкие князья использовали ливские вооружённые силы во время феодальных войн[2]. Не случайно агент папской курии монах Мейнард испрашивал (около 1184 г.) у полоцкого князя Владимира, «которому ливы, еще язычники, платили дань», разрешение на ведение проповеди в их земле[3]. Из немецкой рифмованной хроники мы узнаём, что земли ливов, латгалов и селов были подвластны Руси[4]. Это и понятно, так как издавна бассейн Двины от Земгальской гавани в устье реки Земгальская Аа до увозов (место причала и выгрузки судов) в Полоцке и Витебске находился под контролем Руси.

Таким образом, различные источники свидетельствуют о власти русских, вначале киевских, а затем полоцких, князей над землёй ливов, расположенной в низовьях Двины и к северу от неё, вдоль побережья до границ земли эстов. Немецкое вторжение прервало давние русско-ливские отношения, земля ливов была превращена в ядро немецкой феодальной колонии.

Киевский книжник начала XII в. упоминает и земгалов в числе народов, плативших дань Руси. Земгалы жили к западу от Двины, южнее земли ливов, в западной части латвийской территории.

Гораздо больше известно нам об отношениях Руси с собственно Латгалией (Лотыголой русской летописи), расположенной к северо-востоку от Двины и граничившей на севере с землёй эстов, а на северо-востоке — с Русью. В Южной Латгалии находились две крупные русские крепости. Одна — Кокнесе-на-Двине, несколько выше Айзкраукле[5], охраняла двинский путь. Значительно выше по Двине был расположен другой русский замок — Ерсике. Это был крупный город с несколькими церквами[6]. Сидевшие в этих городах русские князья зави-

---

[1] «Chronica Slavorum», lib. VII, IX, 10 — Monum. Germ. Hist., SS, t. XXI, p. 212.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 620.

[3] См. *Генрих*. Хроника, I, 3; ср. там же, XIV, 9.

[4] «Livländische Reimchronik», ed. L. Meyer, Padeborn 1876 (в дальнейшем — LR), S. 15.

[5] См. *Генрих*. Хроника, XII, 1.

[6] См. там же, XIII, 4; XVIII, 4, 9.

сели от Полоцка. Из этих двух центров полоцкие князья управляли Южной Латгалией и собирали там дань.

Что касается северной части Латгалии — области Талавы, лежавшей у границ земли эстов, то ею управляли власти Пскова, собирая здесь ежегодную дань [1]. Часть Северной Латгалии (в районе Атзеле) была подвластна Новгороду [2].

Давние отношения существовали у Руси с карельскими и финскими землями. Карелы населяли области на западном берегу Ладожского озера и частично к востоку от него; юго-западная граница их земель шла по побережью Финского залива от Выборга до устья Невы. С запада их соседом была финская емь; к северу их владения граничили с землёй саамов.

Пашенное и подсечное земледелие, различные ремёсла, развитые пушной и рыбный промыслы, торговые связи с Русью, Прибалтикой, финнами характеризуют экономику Карелии. Карелы, как и народы Восточной Прибалтики, находились в стадии формирования феодальных отношений. Многие черты хозяйства и быта этой земли получили отражение в замечательном памятнике карело-финского народа — эпосе «Калевала», собранном выдающимся представителем финской культуры Э. Лённротом (1802—1884).

Герои эпоса — простые люди, труженики. Это — мудрый песнопевец и мастер на все руки Вяйнямёйнен, который пашет поля и собирает обильный урожай:

«Вышел старый Вяйнямёйнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился:
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле» [3].

Это — искусный Илмаринен. «Он — кузнец, и первый в мире, первый мастер он в искусстве» [4]. Илмаринен выковал для народа чудесную мельницу-самомолку Сампо.

---

[1] См. *Генрих*. Хроника, XX, 5.
[2] НПЛ, стр. 20, 36, 45.
[3] «Калевала», Карело-финский эпос, перевод Л. Бельского, М. 1949, стр. 20.
[4] Там же, стр. 69.

Изображение его труда перекликается с образами, рисующими труд Вяйнямёйнена. В кузнице Илмаринена

«Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто...»[1]

И третий герой эпоса — веселый и храбрый Лемминкяйнен, тоже простой человек; он пашет, ловит рыбу, пасёт скот. В эпосе воспета борьба народа за своё счастье, против тёмных сил «страны мрака»[2].

Карельская земля (особенно Северо-западное Приладожье) исстари была связана с Русью. После образования Новгородской республики карелы платили ей дань, как видно из дополнений к новгородскому уставу 1137 г.[3] В карельской земле имелись сильные опорные пункты русской власти — Олонец, Корела и др. Карелы принимали участие в походах новгородских войск[4].

До середины XII в. Новгородская республика занимала господствующее положение в Восточной Прибалтике, контролируя, в частности, и Финский залив, так как по обеим его сторонам лежали подвластные Новгороду эстонские и карело-финские земли. Емь — основное этническое ядро, из которого образовался финский народ, занимала преобладающую часть территории нынешней Финляндии, побережье Финского залива от района нынешнего города Хельсинки до реки Кюммене и большую часть внутренней территории страны. Сумь, занимавшая юго-западное побережье Финляндии от полуострова Ханко до реки Кумо, не была подчинена Новгороду[5].

Зависимость еми от Руси установилась ещё при первых князьях: в договоре Игоря с Византией 944 г. с русской стороны упомянут Пётр Яминдов, дружинник из земли еми; в «Повести временных лет» начала XII в.

---

[1] «Калевала», стр. 81.

[2] См. Труды юбилейной научной сессии, посвящённой 100-летию полного издания «Калевалы», Петрозаводск 1950.

[3] ПРП, вып. 2, стр. 116—120.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 370.

[5] См. *И. П. Шаскольский.* Емь и Новгород в XI—XIII веках — «Ученые записки» Ленинградского Государственного Университета, серия исторических наук, вып. 10, Л. 1941, стр. 102, 111, 113.

среди народов, плативших дань Руси, также упомянута емь. Позднее киевские князья сохраняли власть над ней[1].

Около середины XII в. управление землёй еми перешло к новгородскому боярству. Новгородские даньщики собирали с еми оброк и дань, что предполагает существование здесь известной администрации и погостов[2].

Когда поступление дани нарушалось, применялись военные меры.

К началу XIII в. часть местной социальной верхушки, владевшая пахотной землёй, была связана с новгородским боярством и, приняв православие, даже вошла в его состав, например упомянутый летописью Семён Емин, избранный в новгородские тысяцкие в 1218 г.[3] Эти факты, видимо, типичны для новгородской системы управления, так как в земле ижорян тоже упомянут старейшина Пелгусий, который управлял языческой землёй, приняв православие.

Отношения Новгородской Руси и карелов с финскими землями значительно усложнились в связи с развёртыванием шведской крестоносной агрессии. Шведское правительство, стремясь овладеть финской землёй, начало пиратские действия на воде и вторжение с суши. Так, в 1142 г. шведские феодалы на 60 судах (шнеках) напали на три новгородских торговых корабля; нападение окончилось для шведов неудачей, причём новгородцы захватили три судна и «избиша их полутораста»[4]. Несколько позднее шведские феодалы начали вторжение в землю финнов. В середине XII в. король Эрик Едвардсон («святой») организовал крестовый поход. Уже этот первый поход ясно обнаружил, что несли шведские крестоносцы покоряемой стране.

Переправившись через Ботнический залив, захватчики высадились на берег в устье реки Аурайоки, в земле суми, в районе нынешнего Або. Шведский король предложил финнам креститься. Встретив отказ, закованные в железо шведские феодалы принялись истреблять беззащитное население. Вскоре они покорили всю землю суми; здесь были построены их замки (в том числе

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 153—154; ср. НПЛ, стр. 16, 21.

[2] Ср. *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, М. 1951, стр. 96.

[3] НПЛ, стр. 59.

[4] Там же, стр. 26.

крупный замок Або — центр шведского владычества в финской земле) и укрепления, в которых были поставлены гарнизоны. Шведские духовные и светские феодалы захватывали лучшие земли, заставляя сумь их обрабатывать. Население облагали различными поборами, в том числе и церковной десятиной. Проводилась насильственная христианизация. Финны отвечали восстаниями и уничтожали своих угнетателей. В 1158 г. они убили епископа Генриха, главу шведской церкви, родом англичанина; следующих двух епископов постигла та же участь. Это дало повод папе Иннокентию III горько сострить, что епископы в страну финнов посылаются «не столько для почётной кафедры, сколько для мученического венца». Понятно, что шведские феодалы могли удерживать власть над сумью, только получая непрерывную помощь из Швеции [1].

Одновременно шведские крестоносцы стремились расширить завоёванную территорию и, в частности, завладеть Ладогой.

В 1164 г. шведские войска внезапно появились перед Ладогой на 55 шнеках и, высадившись, стали разорять ладожский посад.

Ладожане во главе с посадником Нежатой укрылись в крепости. Враги четыре дня безуспешно штурмовали крепость, а на пятый, понеся большие потери, отступили на реку Воронай. Подошедшее новгородское войско разбило захватчиков наголову, уничтожив 43 шнеки. Остатки шведских войск бежали на 12 судах [2].

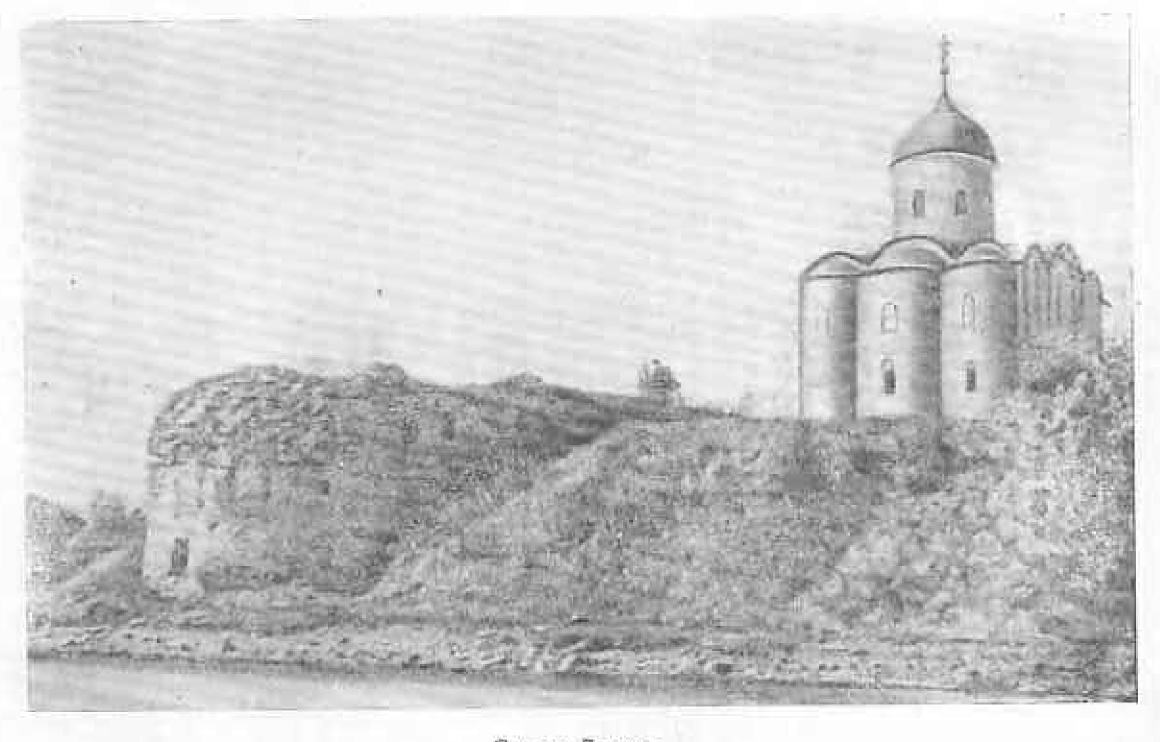
В 1187 г. состоялся ответный поход подчинённых Руси карелов на Сигтуну — самый сильный и богатый город Швеции, «в котором одновременно правили 4 бургомистра и обойти который по валам можно было не менее чем в 6 часов». Русские и карелы хорошо знали путь в этот город; здесь находился русский торговый двор с каменной церковью.

Карельские войска на судах проникли в озеро Мелар, заняли и разрушили укреплённый город. Победители с большими трофеями (включавшими, повидимому, и знаменитые новгородские «Сигтунские врата») возвратились на родину. С той поры Сигтуна утратила былое значение.

---

[1] См. *И. П. Шаскольский.* Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV века) — «Исторический журнал» № 4—5, 1940 г., стр. 106.

[2] НПЛ, стр. 31.

Старая Ладога.

Раскатная башня крепости и Георгиевская церковь XII в.

Позднее, в 1252 г., ярл (князь) Биргер, чтобы защитить вход в озеро Мелар, построил здесь новый город — Стокгольм [1].

Однако и после этого печального урока шведские феодалы не оставляли в покое подвластные Новгородской республике земли финнов, следствием чего и были русские походы на шведские феодальные колонии в земле суми. Например, в 1198 г. новгородское войско опустошило опорные пункты шведских захватчиков в земле суми; оно осадило и заняло замок Або.

В начале XIII в. шведские феодалы, пользуясь неустойчивым политическим положением в Новгороде, занятом обороной западных владений, развернули наступление на землю еми. Это не замедлило сказаться на новгородско-емьских отношениях, свидетельством чего является поход князя Ярослава Всеволодовича с новгородцами на емь в 1227 г., когда он «повоева всю землю и полон приведе бещисла» [2]. В том же году в противовес шведскому крестоносному движению (подобно тому как это делалось в землях эстов и латгалов) князь Ярослав Всеволодович «послав, крести множество корел» [3].

Дальнейшие отношения Руси с карелами и финнами определились во время решающих военных и политических событий, связанных с борьбой русского народа против немецкой и шведской феодальной крестоносной агрессии 40-х годов XIII в.

Таковы были отношения Руси с народами Восточной Прибалтики, Карелии и Финляндии на рубеже XIII в.

Эти народы с глубокой древности были связаны с Русью — вначале с Древнерусским государством, а после его раздробления — с крупнейшими феодальными центрами Новгородско-Псковской, Галицко-Волынской и Полоцко-Минской земель.

Подвластные Руси неславянские земли эксплуатировались русским господствующим классом. Несмотря на некоторые местные различия, для русской власти в землях Прибалтики, Карелии и Финляндии было характерно

---

[1] См. *И. П. Шаскольский.* Сигтунский поход 1187 года — «Исторические записки» № 29, 1949, стр. 135—163; ср. *его же,* Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. — «Известия Карело-финского филиала АН СССР» № 2, Петрозаводск 1951 г., стр. 13—16.

[2] НПЛ, стр. 65; ср. ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 449.

[3] Там же.

фактическое сохранение раннефеодальных форм управления. Повсеместно был установлен регулярный сбор подати посредством доставки её в определённые для этого места [1], где дань принимали местные власти под контролем русских представителей и отправляли в основные центры русского управления: Юрьев, Кокнесе, Ерсике, Корелу и др. Попытки подвластных земель выйти из подчинения подавлялись оружием. При этом власть русских феодалов в Прибалтике не сопровождалась ни военной оккупацией подвластной территории, ни массовой колонизацией её русскими переселенцами-феодалами, ни насильственной христианизацией.

В то же время тесные связи с Русью способствовали распространению в этих землях феодальной культуры и ускоряли формирование новых социально-экономических отношений. Это особенно ярко обнаружилось в истории литовского народа, создавшего в XIII в. относительно единое раннефеодальное государство, в котором налицо значительное влияние русских социально-экономических и культурных элементов. Прогрессивное русское влияние отразилось и в словаре этих народов, издавна освоивших много русских слов, связанных с трудом крестьян и ремесленников («ратай», «овёс», «жернов» и др.), городским бытом и торговлей («торг», «пуд», «цена» и др.), письменностью («грамота» и др.) [2].

Сильная Русь не раз защищала подвластные ей народы от врагов. Литовцы, эстонцы, латыши, карелы и финны шли по пути формирования самостоятельных народностей; связи с Русью способствовали их этническому развитию. Некоторые из этих народностей (латвийская, эстонская, финская), попав затем под иго иноземных захватчиков, устояли, несмотря на многовековой феодально-колониальный гнёт и жестокую ассимиляцию.

---

[1] См. *Я. Я. Зутис.* Указ. соч., стр. 45—46.

[2] См. также *Я. Эндзелин.* Древнейшие славяно-балтийские языковые связи — «Известия Академии наук Латвийской ССР», вып. 3, 1953 г., стр. 33—46.

Глава вторая

ВТОРЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ И ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ В ВОСТОЧНУЮ ПРИБАЛТИКУ

Вторжение немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику являлось лишь одним из этапов их «наступления на Восток», т. е. захвата славянских земель немецкими светскими и духовными феодалами. В X—XII вв. немецкие правители организовали наступление на заэльбских славян, которые населяли южное побережье Балтийского моря, а также прибрежные острова между Эльбой (Лабой) и её притоком Салой, с одной стороны, и нижним течением Вислы — с другой. На юге земли поморских славян соприкасались с Чехией и Польшей [1].

Так как славяне храбро защищались и немецкие войска неоднократно терпели поражения, немецкие правители наряду с оружием широко применяли подкуп и обман славянской знати и использовали междоусобицы славянских князей. Завоевание славянских земель сопровождалось невиданными жестокостями, это были войны, «ставившие своей целью полное истребление» [2]. Заливая кровью славянские земли, немецкие феодалы, продвигаясь к Висле, столкнулись с Поморским польским княжеством.

---

[1] См. *Н. П. Грацианский.* Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. — «Исторический журнал» № 8, 1942 г., стр. 37 и сл.; *K. Pieradzka.* Walki słowianna Bałtyku w X—XII wieku, Warszawa 1953.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.

В конце XII в. немецкие правители, не оставив замысла овладеть землями между Вислой и Неманом, решили создать второй очаг наступления — на Двине. Здесь они намеревались захватить прибалтийские земли эстонцев, латышей и литовцев и коренные русские земли к востоку от реки Наровы.

Немецкие купцы, часто посещавшие Двину ещё в XII в., торговали в её низовьях, в земле ливов [1] (по имени которых всю территорию до Эстонии немцы потом стали называть Ливонией). Однако это проникновение немецких купцов в Ливонию не было систематическим. Политические же цели германских императоров и папской курии требовали создания здесь постоянных феодальных колоний для контроля над Балтийским морем и политического давления на Швецию, Норвегию и Польшу, а главное — для захватнического наступления на Русь с целью обеспечить алчных германских феодалов новыми землями, а папскую курию — источниками богатых доходов. Таким образом, в отношении наступления на Восток интересы германских захватчиков и папской курии совпадали.

Предварительная разведка была возложена на монахов-миссионеров. Гартвик II, архиепископ города Бремена, заинтересованного в восточнобалтийской торговле, направил в землю ливов монаха Мейнарда. Прибыв около 1184 г. вместе с немецкими купцами в устье Двины, он обосновался в селении ливов Икшкиле. Хотя католические проповеди этого монаха не имели успеха у ливов, Гартвик поспешил учредить здесь новое ливонское епископство и поставил во главе его Мейнарда. Но христианизация продвигалась крайне медленно. Ливы едва не принесли в жертву своим богам помощника Мейнарда — Теодориха, а самого Мейнарда не отпускали из своей земли, справедливо опасаясь, «что потом придет христианское войско» [2].

Этот монах сумел, однако, послать извещение папской курии, и папа Целестин III провозгласил крестовый поход для насильственного обращения ливов в христианство, для ограбления и захвата их земель; при этом папа

---

[1] См. *Генрих.* Хроника, I, 2.
[2] Там же. I, 11.

дал отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, пойдут для восстановления первой церкви в Ливонии» [1].

Крестовый поход состоялся при преемнике Мейнарда — Бертольде, которого ливы изгнали из страны. Зимой 1198 г. Бертольд с немецким войском высадился на Двине в районе селений Икшкиле и Гольме. Ливы оказали сопротивление пришельцам, Бертольд был убит; однако крестоносцы огнём и мечом принудили ливов к миру, заставили их дать обещание креститься, оставить у себя монахов и выделить им содержание — меру зерна с «плуга» (т. е. с участка земли, вспахиваемого одним плугом). Но по уходе немецких войск ливы отвергли условия насильственного мира и изгнали монахов. В эти же годы датские (1196) и шведские (1197) феодалы нападали на землю эстов.

Тем временем «паршивый бременский каноник» (как его называл Маркс) [2] Альберт Буксгевден, назначенный ливонским епископом, подготавливал окончательный захват Подвинья, предполагая создать здесь сильное церковное княжество по типу тогдашних прирейнских архиепископств (Майнцское, Кёльнское, Трирское) в Германии. Заручившись поддержкой папы Иннокентия III, германского и датского королей, новый епископ с крестоносцами из немецких феодалов и купцов на 23 кораблях ворвался в 1200 г. в устье Двины. Разбив отряды ливов и захватив Земгальскую гавань, крестоносцы построили на её месте крепость Ригу (1201), поставив, таким образом, под свой контроль морскую торговлю подвинских земель.

Чтобы привлечь на свою сторону часть местной ливской и куршской знати, епископ Альберт заключал с ней соглашения [3], а чтобы иметь постоянную военную силу, учредил в 1202 г. Орден рыцарей-меченосцев [4]. Меченосцы первоначально подчинялись епископу; в 1207 г. они добились его согласия на уступку им трети всех завоёванных земель. Члены Ордена носили белые плащи с изображением красного меча и креста. Они делились на три разряда: «братья-рыцари», главным занятием ко-

---

[1] *Генрих.* Хроника, I, 12.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 341.
[3] См. *Генрих.* Хроника, V, 3, 4.
[4] См. там же, VI, 6.

торых была война, «братья-священники», составлявшие духовенство Ордена, и «служащие братья», выполнявшие обязанности оруженосцев, ремесленников и т. д. Во главе Ордена стоял магистр, избираемый из числа рыцарей [1]. При магистре состоял совет из знатнейших рыцарей; совместно с ними решались наиболее важные вопросы жизни Ордена. В провинциальных замках, которые возводились на захваченных землях и подвластных им территориях, суд и управление сосредоточивались в руках командоров, или фогтов. Меченосцы, которых Маркс называл «псами-рыцарями», вели грабительскую, кровопролитную войну против прибалтийских народов.

Завоёванные земли Орден и епископ раздавали вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, обязанное содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в их военных мероприятиях.

Особое положение в Прибалтике занимали вновь основанные крестоносцами города, в том числе и Рига — место пребывания епископа; они пользовались самоуправлением и ревниво оберегали свои вольности от покушений Ордена. Городская власть принадлежала выборным магистратам — эльдерменам гильдий и старейшинам ремесленных цехов, т. е. торгово-ремесленной верхушке, эксплуатировавшей городскую бедноту.

Несмотря на провозглашённую папской курией торговую блокаду Руси и почти непрерывные военные действия в Восточной Прибалтике, немецкие (особенно рижские) купцы искали экономических соглашений с Русью и прежде всего с Новгородом, Полоцком, Смоленском. Новгород имел для всей Северной Европы первостепенное торговое значение, он контролировал и её торговлю с Востоком.

Когда выяснилось, что немецкие крестоносцы не смогут овладеть русскими землями, немецкое купечество северогерманских городов поспешило заключить с Новгородом торговый договор (1269), согласно которому торговля не должна была прерываться и во время военных столкновений [2]. Аналогичные формы торговых отношений установились с немецкими купцами и у Смоленска,

---

[1] См. *Н. П. Грацианский.* Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV веках — «Историк-марксист» № 6, 1938 г., стр. 90.

[2] ГВНиП, № 31, стр. 61.

Полоцка и Витебска. Это было вынужденным признанием политической силы и экономической значимости Руси.

Торговля с Русью велась, видимо, в больших масштабах, она лимитировалась следующей статьёй немецкого купеческого устава (так называемой «Скры»): «Никто не должен иметь права привозить во двор (немецких купцов в Новгороде) [товаров] более, как на тысячу марок серебра...» [1].

Купцов приезжало в Новгород немало, судя по тому, что они здесь, подобно русским купцам в немецких городах, имели свой двор с церковью, луга для коней [2] и ездили из Новгорода торговать в Карелию [3].

Прибалтийские народы оказывали яростное сопротивление захватчикам, которым приходилось также считаться с мощью Руси и нараставшими ударами со стороны Литвы.

Управлявший землёй ливов полоцкий князь не имел достаточно сил, чтобы изгнать крестоносцев, не смог он и удержать главные опорные пункты в латвийской земле — Кокнесе и Ерсику. Но полочане поддерживали ливов в их борьбе. Так, в помощь им был организован поход на Гольме, однако уничтожить немецкую крепость полочанам не удалось [4]. Русско-латгальские войска князя Вячеслава, правившего в Кокнесе, нанесли рыцарям ряд ударов [5], но в 1207 г., не получив помощи из Полоцка, они сожгли замок и ушли на Русь [6]; на месте старой крепости был построен немецкий замок.

Захватчикам приходилось опасаться также литовцев, зачастую выступавших совместно с русскими. Отдельные литовские князья в поисках добычи (пленников, скота, ценностей) издавна совершали регулярные походы на Латгалию, доходя до Валка и даже до Саккалы в земле эстов, и если прежде литовские князья сталкивались здесь с русскими, то теперь они вступали в борьбу с немецкими феодалами. Понятно, что русские князья стремились поддерживать мир с литовскими князьями.

---

[1] См. *И. Е. Андреевский.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году, СПБ 1855, стр. 91—92.

[2] ГВНиП, № 31, стр. 60.

[3] Там же, стр. 58—59.

[4] См. *Генрих.* Хроника, X, 9, 12.

[5] См. там же, XI, 9.

[6] См. там же, XI, 9; ср. XIII, 4; IX, 1.

Русские войска из Ерсике совместно с литовцами[1] совершали успешные набеги на немецкие укрепления в латвийской земле, доходя до окрестностей Риги[2]. Использовали литовцы в своих целях и главный замок в земле селов — Селпилс. Литовские отряды неоднократно, иногда при поддержке ливов, нападали на немцев, нанося им немалый урон[3]. Потери немецких рыцарей были настолько велики, что епископ Альберт чуть ли не ежегодно ездил в Германию набирать пополнение[4]. Однако литовские набеги не остановили немецких захватчиков, которым удалось занять Селпилс (1208).

В следующем году, сосредоточив большие силы, ливонские рыцари неожиданным ударом овладели городом Ерсике, буквально опустошив его. Сам немецкий хронист откровенно сообщал: «Тот день все войско оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра... На следующий день, растащив все, приготовились к возвращению, а город подожгли»[5].

Таким образом, немецкие феодалы закрепились на латвийских землях ливов, селов и южных латгалов. Угроза нависла над куршами и земгалами, которые активнее включились в борьбу с захватчиками. Курши нападали на немецкие корабли, а летом 1210 г. предприняли большой поход на Ригу, едва не заняв её[6].

Немецкие рыцари отправили посольство в Полоцк, к князю Владимиру. Дав обязательство выплачивать Полоцку ливскую дань, они склонили князя подписать «вечный мир». В своей политике Орден широко использовал не только междоусобную борьбу правителей прибалтийских народов, но и разобщённость отдельных русских князей. Подписывая мир, полоцкий князь не интересовался тем, какие последствия это может иметь для Новгорода. А между тем крестоносцам важно было получить передышку на Двине, с тем чтобы укрепить свои позиции в земле эстов, куда они также стали проникать.

---

1 *Генрих,* Хроника, XIII, 4.
2 См. там же, VII, 8.
3 Там же, VIII, 1, X, 6, XII, 2, XIV, 5.
4 См. там же, X, 17.
5 Там же, XIII, 4.
6 См. там же, XIV, 5.

«И рады были все, — писал немецкий хронист, — что теперь безопаснее могут воевать с эстами...» [1].

Расширяя захваченную территорию, немецкие феодалы проникли и в землю северных латгалов и основали здесь рыцарский замок Венден (на месте древнего укрепления Цесис), создав этим постоянную угрозу не только Латгалии, но и землям Южной Эстонии. Замок стал главным центром ливонских крестоносцев. Провоцируя разногласия между правителями ливов, латгалов и эстов, крестоносцы организовали нападение на землю эстов [2]. Приближение крестоносных грабителей к коренным русским землям вызвало ответные мероприятия русских князей.

Неустойчивость политических отношений в Новгороде, обострение борьбы новгородского боярства с владимиро-суздальскими князьями, а также обособленность Пскова, Полоцка и Смоленска не могли не отразиться отрицательным образом на обороне подвластной Северо-западной Руси прибалтийской территории. Походы в Прибалтику совершались довольно часто, но у русских князей не было единой и чёткой военно-политической программы действий.

Новгородцы предприняли в 1209 г. большой поход в эстонскую область Торма (земля Вайга), расположенную на западном берегу Чудского озера (Пейпси), а зимой 1210 г. двинулись в область Уганди и осадили город Отепяа. По условиям мира с эстами новгородцы «крестили некоторых из них своим крещением, получили четыреста марок ногат... и возвратились в свою землю» [3].

Подтвердив свои права на эстонские земли, новгородское правительство решило упрочить свою власть массовым крещением эстов (как это сделали псковские бояре в северной части Латгалии — Талаве в 1207 г.) [4], чтобы

---

[1] *Генрих.* Хроника, XIV, 9.

[2] См. там же, XII, 6.

[3] *Генрих.* Хроника, XIV, 2; НПЛ, стр. 52. Одна новгородская гривна, как и одна готландская марка, весили половину так называемого иракского фунта, т. е. 204 *г*. Одна смоленская гривна составляла половину гривны новгородской, т. е. 102 *г*. По смоленской гривне равнялась латвийская денежная единица — озеринь, около 100 *г* (см. История Латвийской ССР, т. 1, Рига 1952, стр. 60).

[4] См. *Генрих.* Хроника, XI, 7.

политически затруднить продвижение немецких феодалов. Это была чрезвычайная мера [1].

Занятие меченосцами в 1211 г. крепости Феллина (Вильянди), которую эстонцы самоотверженно защищали, и разорение области Саккала [2] вызвали выступление эстов всего побережья вплоть до Вирумаа (т. е. Ляанемаа, Линданисе, Сааремаа). Стремясь использовать ливов против эстов, крестоносцы даже пошли на уступки ливам, уменьшив им повинности [3]. В следующем году рыцари доходили уже до реки Эмайыги (Эмбах) и были в непосредственной близости от русских земель.

В 1212 г. новгородское боярство организовало новый поход в землю эстов, в котором участвовали войска псковского и торопецкого князей, предводительствуемые Мстиславом Удалым. Соединённое войско насчитывало, по данным немецких источников, 15 тыс. человек. Русское войско прошло через Ярвамаа, центральную часть Эстонии, к морю, до города Варбола (в земле Харьюмаа); эсты «поклонишася» Мстиславу Удалому, и он собрал с них дань, по данным немецкой хроники, в сумме 700 марок ногат [4]. Как видим, новгородское боярство не было в состоянии организовать контрнаступление против рыцарей. Однако оно добивалось сохранения своих прав в земле эстов. В том же году литовцы совершили нападение на Нижнее Подвинье [5].

Вторжения немецких войск в страну эстов всё учащались. В 1215 г. рыцари из Вендена с подвластными отрядами предприняли поход на Уганди и Вайгу, «не щадя никого: мужского пола всех перебили, женщин и детей увели в плен и... весело возвратились домой со всей добычей» [6]; затем из Риги состоялся первый поход на остров Сааремаа [7], население которого своей борьбой затрудняло агрессивные действия Ордена в Рижском заливе. К этому времени рыцарям удалось захватить эстонские земли Уганди, Саккала и Соонтага.

---

[1] См. *Генрих.* Хроника, XVI, 4. Видимо, крещение Уганди было осуществлено (см. там же, XX, 3).

[2] См. там же, XV, 1, 3.

[3] См. там же, XV, 5.

[4] НПЛ, стр. 52—53; *Генрих.* Хроника, XV, 8.

[5] См. *Генрих.* Хроника, XVII, 6.

[6] Там же, XIX, 3.

[7] См. там же, XIX, 9.

Несколько упрочив свои позиции в земле эстов, епископ Альберт ещё в 1212 г. добился прекращения выплаты дани, которую он «иногда платил за ливов» Полоцку. По условиям нового соглашения князь Владимир утратил Нижнее Подвинье; лишь купцам оставался «открыт свободный путь по Двине» [1].

Продвижение крестоносцев в земли эстов наталкивалось на упорное сопротивление как эстов, так и Руси. В эти годы складывается русско-эстонский союз, направленный против крестоносцев. Эстонские правители стали искать помощи против немецких захватчиков на Руси. Эсты «послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это время теснить войной ливов и латгалов (подчинённых немецким феодалам), а также (с помощью жителей Сааремаа) запереть гавань» Даугавгриве [2].

Князь Владимир, который «всегда стремился разорить ливонскую церковь», одобрил предложение эстов. Он отправил послов на Русь и в Литву и созвал большое войско из русских и литовцев. Подготавливался крупный поход, но в день выступления Владимир внезапно умер, и поход расстроился. Однако 1216 год примечателен как год, когда началось оформление русско-эстонского союза, направленного против немецких захватчиков.

Русская политика в земле эстов активизировалась. В этом же году псковские власти выступили против эстов Уганди, которые были завоёваны и крещены Орденом: псковские бояре «потребовали у них (эстов) оброка и податей» [3]. Походом к Отепяа псковичи добились своего. Крестоносцы же по уходе псковичей в свою очередь пришли под Отепяа, соорудили здесь сильно укреплённый замок и поставили гарнизон [4].

В 1216 г. Новгород и Псков стали подготавливать крупное наступление, чтобы изгнать врага из Эстонии. Были отправлены русские послы «по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов в Отепяа»; на призыв русских откликнулись не только жители Сааремаа и Харью-

---

[1] *Генрих.* Хроника, XVI, 2.
[2] Там же, XIX, 10.
[3] Там же.
[4] См. там же, XX, 5.

маа, но и жители Саккалы, «уже давно крещёные (немецкими захватчиками), надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов...» [1].

Новгородско-псковские войска в 1217 г. осадили город Отепяа; их поддерживали эстонские отряды, в том числе и с острова Сааремаа [2]. Осада длилась 17 дней. На помощь осаждённым ливонский магистр привёл главное войско; оно сумело прорваться в город, правда понеся немалый урон [3]. Однако приход подкреплений не спас рыцарей от поражения: «Из-за множества людей и коней сделался голод в замке, недостаток съестного и сена, и стали кони объедать хвосты друг у друга». На третий день немецкое войско сдалось и должно было оставить замок [4]. Видимо, эта победа русско-эстонских сил восстановила русские права в земле эстов, так как епископ Альберт был вынужден отправить послов в Новгород и в Саккалу для утверждения мира, заключённого в Отепяа.

Но русские шли на заключение мира с целью подготовить новое наступление на крестоносцев. По свидетельству немецкого хрониста, новгородские правители «пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов...» [5]. Удар крестоносцам был нанесён сильный, потому что епископ Альберт срочно направился в Германию набирать пополнение и привёз много новых войск.

Тогда же «эсты отправили русским много даров, прося придти с войском...». Новгородские послы сообщили, что помощь будет прислана. «И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале» [6]. Возглавил эстов князь и старейшина земли Саккала — Лембиту. Он собирал силы со всей Эстонии, к нему стекались воины из Харьюмаа, Вирумаа, земли Ярвамаа, Саккалы и других областей. Шеститысячное войско стояло в Саккале, близ Вильянди, ожидая прихода

---

[1] *Генрих.* Хроника, XX, 7.
[2] См. там же.
[3] НПЛ, стр. 57.
[4] См. *Генрих.* Хроника, XX, 7.
[5] Там же, XXI, 1.
[6] Там же, XXI, 2.

русских полков [1]. Но магистр Волквин, собравший трёхтысячное войско и вспомогательные отряды ливов и латгалов, сумел разбить эстов (в бою погиб Лембиту) и, разорив область Саккала, ослабил центр их сопротивления. Южная Эстония вновь попала под иго немецких феодалов.

Однако «великая война русских и эстов против ливонцев» разгоралась всё сильнее: войско новгородского князя Всеволода Мстиславича предприняло большой поход на Венден, бывший форпостом крестоносцев, нападавших на Восточную Эстонию. По немецким данным, в походе участвовали и псковичи; из эстов после поражения у Саккалы смогли выступить лишь жители Харьюмаа, одновременно отряды с острова Сааремаа напали на владения немцев в устье Двины [2]. Русское войско насчитывало 16 тыс. человек: оно разбило дозоры рыцарей («сторожи») и после двухнедельной осады Вендена возвратилось домой [3]. Таким образом, осада Вендена явилась внушительной демонстрацией сил.

В 1219 г. по призыву епископа Альберта в Северную Эстонию вторглись войска датского короля Вальдемара, подкреплённые силами его вассала — Вацлава I, правителя Рюгена и части Померании [4]. Они захватили часть территории эстов и построили на месте древней эстонской крепости Линданисе новую, назвав её Ревель. Датские короли давно стремились обосноваться в Эстонии; они, как и шведские правители, не раз покушались на независимость эстов, которые отвечали жестокими набегами на датские и шведские владения [5].

Вторжение датских феодалов серьёзно ухудшало позиции русских в Эстонии: во-первых, потому, что датчане постоянно грозили Северной Эстонии, во-вторых, потому, что во всех русских походах против немецких рыцарей датская крепость оставалась у них на фланге. Датские феодалы вели себя в стране эстов так же, как и немецкие; они захватывали земли, порабощали и крестили население. Тех, кто был уже крещён меченосцами, датчане перекрещивали, а тех, кто принимал крещение у немцев

---

[1] *Генрих.* Хроника, XXI, 2.
[2] См. там же, XXII, 8.
[3] НПЛ, стр. 59—60.
[4] *Генрих.* Хроника, XXII, 1.
[5] См. там же, VII, 1; ср. там же, VII, 2; X, 13.

после прихода датчан, они вешали как государственных преступников[1]. Этот факт является лишним свидетельством того, что призыв к крещению язычников был лишь лозунгом грабежа, а принятие христианства имело в глазах завоевателей чисто политическое значение как признание их власти. Датские феодалы, несмотря на ожесточённое сопротивление эстов, захватили (1220) также Харьюмаа, Вирумаа и Ярвамаа, а несколько позднее и Ляанемаа, т. е. всю северную часть Эстонии.

Но среди грабителей не было единства. В частности, возник конфликт между Ригой и датскими феодалами. Датский король запретил городу Любеку давать корабли для подвоза подкреплений в Ригу, т. е. блокировал её, и в 1221 г. епископ был вынужден признать власть Вальдемара над Эстонией и Ливонией[2]. Это привело к усилению наступления немецко-датских захватчиков.

В то же время на Руси, в Великом Новгороде, постепенно начало вновь возрастать влияние владимиро-суздальских князей, что не могло не сказаться на укреплении новгородских вооружённых сил. В 1221 г. владимирский князь Юрий Всеволодович отправил в Новгород своего брата Святослава, и тот предпринял новый поход на Венден: «Идоша новгородьци со Святославомь ко Кеси (от латвийского — «Цесис»), и придоша Литва в помочь же; и много воеваша, но города не възяша»[3]. Немецкий хронист сообщает, что русские, разорив венденский посад (внешний город), опустошили также немецкие владения в области Турайда, расположенной в непосредственной близости от Риги, и «где русские нанесли меньший вред, там приложили руку литовцы»[4]. В том же году немецкие феодалы совершили набег через эстонскую область Вирумаа за реку Нарову, в Ингрию, подвластную Новгороду[5].

Всё происходившее в то время в Восточной Прибалтике ясно свидетельствует, что Русь, несмотря на её раздробленность, являлась единственной силой, которая могла положить предел немецкому натиску. Не случайно

---

[1] См. *Генрих.* Хроника, XXIV, 1—2.
[2] См. там же, XXIV, 4.
[3] НПЛ, стр 60—61.
[4] *Генрих.* Хроника, XXV, 3.
[5] Там же, XXV, 6.

народы, отражавшие удары рыцарей (литовцы, эстонцы, латыши), искали помощи Руси.

Исторические судьбы Руси сложились так, что именно в это время, когда она готовила наступление на немецких и датских феодалов, ей был нанесён первый и весьма серьёзный удар с востока, со стороны татаро-монгольских захватчиков. Этот удар не мог не отразиться и на положении в Прибалтике. Для уяснения перемен во внешнеполитическом положении Руси необходимо рассмотреть события, происшедшие на востоке от её границ.

Глава третья

ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА. БОРЬБА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. ВТОРЖЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ И ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ. БИТВА НА КАЛКЕ

В начале XIII в. в Центральной Азии среди монгольских племён возникло государство, которое в дальнейшем сыграло глубоко отрицательную роль в истории значительной части человечества.

Монголы занимали обширную территорию, которая простиралась от озера Далай-Нор до западных отрогов Алтайских гор; северной границей их владений было озеро Байкал и верховья Енисея и Иртыша; монголы обитали частично и к югу от пустыни Гоби, близ Великой Китайской стены. По имени наиболее могущественного племени всех монголов часто называли татарами.

Монгольский народ, народ пастухов-кочевников, звероловов и рыбаков, веками боровшийся с трудными природными условиями, вышел на историческую арену отнюдь не как завоеватель. Учёные проследили основные этапы прогрессивного процесса объединения разрозненных племён в монгольскую народность, выяснили, каким образом социально-экономическое развитие местного общества привело к имущественному неравенству, укреплению власти степной, скотоводческой знати за счёт угнетения массы простого народа, к образованию государства.

Во главе возникшего Монгольского раннефеодального государства стояла степная знать (нойоны), располагавшая огромными пастбищами и стадами. Она богатела, эксплуатируя массу зависимых мелких скотоводов, а

также рабов из числа военнопленных[1]. Монгольская знать опиралась на военные отряды из дружинников (нукеров). Ища средств укрепить свою власть, татаро-монгольские феодалы собрались на курултай (съезд) на реке Ононе и провозгласили одного из виднейших представителей аристократии — Темучина — всемонгольским правителем, великим ханом, под именем Чингис-хана (1206).

Власть великого хана была огромна; управление отдельными частями государства распределялось между его родственниками, в строгом подчинении у которых находилась знать с дружинами и масса зависимых людей. Вся эта иерархия соответствовала одновременно и военной организации, состоявшей из «тем» (10 тыс.), «тысяч», «сотен» и «десятков» воинов, укомплектованных из трудящихся скотоводов.

Великого хана окружала личная гвардия. Многочисленное войско было подчинено суровой дисциплине. Такая организация управления и войска служила татаро-монгольским феодалам средством для удержания земель и скота, отнятых у трудящихся, для порабощения самих трудящихся монголов и для завоевания территорий соседних народов. Монгольская держава сложилась как конгломерат племён и народностей, лишённый экономической основы. Законом монголам служила «яса» — записи норм обычного права, поставленного на службу государству. Столицей татаро-монголов стал город Каракорум на реке Орхон, притоке Селенги.

С началом грабительских походов, в которых феодалы искали средства пополнить свои доходы и владения, наступил новый период в истории монгольского народа, гибельный не только для завоёванных народов соседних стран, но и для самого монгольского народа. Сила Монгольского государства заключалась в том, что оно возникло в местном феодальном обществе на ранних ступенях его развития, когда класс феодалов ещё единодушно поддерживал завоевательные стремления великих ханов. В своём наступлении на Среднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу монгольские захватчики встретили уже феодально-раздробленные государства, расколотые на множество владений. Междоусобная вражда правителей

---

[1] См. *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая орда и ее падение, М. — Л. 1950, стр. 35—56; История Монгольской Народной Республики, М. 1954, стр. 79 и сл.

Чингис-хан

(Миниатюра)

лишила народы возможности оказать вторжению кочевников организованный отпор.

Монгольское завоевание справедливо рассматривалось современниками как величайшее бедствие. Массовое истребление населения и разрушение почти всех крупных городов монгольские правители сделали принципом своей политики. Этим они старались низвести покорённые страны до уровня своего кочевого быта, предотвратить возможные попытки сбросить их власть и вызвать панику в ещё не завоёванных землях.

За короткий срок татаро-монгольские войска завоевали Сибирь — земли бурят, якутов, ойротов и др., простиравшиеся на запад до впадения Тобола в Иртыш, а также земли киргизов (которые упорно сопротивлялись врагу с 1207 г. по 1209 г.) и уйгуров (1211). Так началось захватническое наступление татаро-монгольских феодалов на территорию нашей страны, продолжавшееся свыше 30 лет (1207—1240).

Закрепившись в Сибири, монгольские правители вторглись со своими полчищами в Северо-западный Китай и после нескольких лет кровопролитных боёв заняли его главные центры, включая Пекин (1215). Большое значение для Монгольского государства имело то, что захватчики вывезли из Китая различного рода вооружение, осадные машины, а главное, людей, которые умели не только пользоваться этими машинами, но и создавать их[1]. Страна была страшно опустошена. Но борьба в Северо-западном Китае продолжалась ещё много лет, до 1234 г., когда пало Цзиньское государство чжурджэней. Южный Китай, где народ также стойко отражал натиск чужеземных захватчиков, татаро-монгольским феодалам удалось захватить лишь к 1280 г. На китайский народ пало тяжёлое монгольское иго (1280—1368). Следовательно, в то время, когда народы нашей страны вели героическую борьбу против татаро-монгольских захватчиков, с ними мужественно сражался и великий китайский народ.

Уже первые наступательные действия монгольской знати вызвали сопротивление народов завоёванных стран,

---

[1] См. Очерки истории СССР (IX—XV вв.), ч. 1, стр. 801; *В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2, СПБ 1900.

не раз перераставшее в открытые восстания. К сожалению, мы располагаем, как правило, источниками (хрониками), написанными людьми, бывшими на службе у монгольских ханов. Но даже и в этих хрониках можно найти некоторые сведения об освободительной борьбе народов. Так, например, из летописи Рашид-ад-Дина (1247—1318), придворного хрониста Чингизидов [1], правивших в Персии, узнаём о том, что киргизский народ не покорился монгольским ханам и продолжал борьбу. Хронист сообщает, что в начале 1218 г. Чингис-хан посылал своего сына Джучи с войском, «чтобы [тот] снова захватил область киргизов, которая [вторично] восстала» [2].

Ещё ярче борьба народных масс — предков туркменского, таджикского, казахского и узбекского народов с иноземными захватчиками вырисовывается в Средней Азии. Воспользовавшись тем предлогом, что на хорезмийской границе в городе Отраре [3] был истреблён монгольский торговый караван (1218), Чингис-хан двинул около 200 тыс. воинов на Среднюю Азию. По пути были разбиты найманы и заняты главные центры Семиречья — Баласагун и Кашгар. Правивший в Средней Азии хорезмшах Мухаммед имел сил не меньше, чем татаро-монгольские феодалы, но он враждовал с собственной знатью и не возглавил борьбу: покинув Мавераннахр, он предоставил города защите гарнизонов. Войска Чингис-хана не смогли (в сентябре 1219 г.) с ходу взять Отрар; горожане отбили их приступы. Оставив большое войско для осады Отрара, Чингис-хан направил свои рати вниз и вверх по Сыр-Дарье, а также на Бухару и Самарканд.

В Средней Азии упорное сопротивление захватчикам оказывали крестьяне и городские пешие ополчения, тогда как местная знать, купечество, связанное с транзитной торговлей, правители городов, верхи мусульманского духовенства спешили вступить в переговоры с врагом и ценой предательства сохранить свою жизнь и имущество.

---

[1] См. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М. — Л. 1952, стр. 73.

[2] Там же, стр. 256.

[3] Развалины города находятся около станции Тимур, Ташкентской железной дороги, на правом берегу Сыр-Дарьи.

Войско Джучи, двигаясь вниз по Сыр-Дарье, захватило города Сугнак[1], Узгенд, Барчанлыгкент и Ашнас[2]; далее враги заняли Дженд и Янгикент. Из хроники Рашид-ад-Дина узнаём, что во всех этих городах во время осады простые люди («всякая чернь», «сброд», как презрительно именует их придворный хронист) стойко оборонялись и убивали лазутчиков, склонявших горожан к сдаче. Так было в Сугнаке, который татаро-монгольские войска штурмовали несколько раз, а заняв, «убили всех»[3]. Ашнас тоже обороняло народное ополчение, павшее в бою.

Напуганный правитель Дженда бежал, когда монгольская рать Чин-Тимура приближалась к городу, но «простонародье» встретило врага с оружием в руках. Взяв штурмом город, захватчики вывели на поле всех жителей и в первую очередь убили руководителей народной обороны — «несколько человек главарей», потом войско девять суток грабило город[4].

Знаменательное событие произошло под Янгикентом. Оно вновь отразило отношение народа к захватчикам. Овладев этим городом, монгольские власти по своему обыкновению занялись формированием из пленных и населения «хашара» — отрядов, служивших заслоном при наступлении и выполнявших тяжёлые осадные работы. Из кочевников-туркмен они собрали отряд в 10 тыс. человек и отправили его на помощь своему войску в Хорезм. В пути пленные восстали, перебили монгольскую стражу. Часть восставших погибла, «часть же их спаслась бегством и они ушли с другим отрядом (видимо, такого же происхождения — *В. П.*) в направлении Амуя и Мерва и там стали многочисленными»[5], т. е. нашли поддержку в народе.

Другое монгольское войско двинулось от Отрара на Бенакет и Ходжент[6]. Оборона Ходжента — яркая страница истории борьбы за независимость народов Средней

---

[1] Развалины этого города под именем Сунак-курган лежат в 18 *км* к северу от станции Тюмень-Арык, в Казахской ССР.

[2] Эти города (по нижнему течению Сыр-Дарьи) ныне не существуют.

[3] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., стр. 199.

[4] См. там же, стр. 200.

[5] Там же, стр. 200—201.

[6] Ныне Ленинабад, в Таджикской ССР.

Азии. Оборону города возглавил местный эмир Тимур-мелик, которого даже Рашид-ад-Дин называет «человек-герой (бахадур), очень мужественный и храбрый». О Тимур-мелике были сложены народные сказания, одно из которых, повидимому, использовал Рашид-ад-Дин.

Из его хроники узнаём, что после падения города Тимур-мелик с отрядом в тысячу человек укрепился на острове посредине Сыр-Дарьи. Татаро-монголы пытались насыпать дамбу, но Тимур-мелик распорядился построить 12 баркасов, в которых влажный войлок, обмазанный глиной с уксусом, защищал воинов сверху, а для стрельбы были оставлены оконца. Ежедневно ранним утром выходили шесть таких баркасов; защитники Ходжента «ожесточенно сражались», и на них «не действовали ни стрелы, ни огонь, ни нефть»; они разрушали то, что строили монгольские войска. Кроме того, Тимур-мелик «и по ночам учинял на монголов неожиданные нападения, и войско их изнемогало от его руки». Когда сопротивляться стало невозможно, отряд Тимур-мелика на 70 судах двинулся вниз по реке. Татаро-монголы пустились преследовать его по берегам. Если врагам удавалось приблизиться, отряд «отгонял их ударами стрел, которые, подобно судьбе, не проносились мимо цели»; в Бенакете монгольские войска пытались перегородить реку цепью, но воины Тимура прорвались, и «войска с обоих берегов реки сражались с ним все время, пока он не достиг пределов Дженда и Барчанлыгкента». Здесь войска Джучи приготовили ловушку: они «связали понтонный мост, установили метательные орудия и пустили в ход самострелы».

Узнав о засаде, Тимур-мелик высадился на берег и со своим отрядом направился в Хорезм. В схватках с преследователями большинство его соратников было перебито.

Добравшись до Хорезма, Тимур-мелик собрал здесь небольшой отряд, с которым выступил к Янгикенту. Ворвавшись в город, он «убил находившегося там [монгольского] правителя и вернулся обратно». Следующий поход он предпринял к Каспию. Так в течение некоторого времени он «попрежнему проявлял доблесть и смелость», а затем после 1221 г. уехал в Сирию.

«Когда огни смут угасли, любовь к родине послужила ему причиной возвращения», и он несколько лет

прожил в Оше[1], а затем прибыл в Ходжент. «Известие о том, что Тимур-мелик жив, распространилось», но монгольские власти долго не могли найти его, так как народ оберегал своего героя. Однако он всё же попал в руки монгольского наместника, стойко перенёс пытку и был убит[2]. Так погиб мужественный защитник родины, который сражался с врагом на территории Мавераннахра.

Горожане Отрара, оставшись в тылу, пять месяцев выдерживали осаду монгольских полчищ. После падения города в течение целого месяца держалась цитадель. Защитники Отрара нанесли немалый урон врагу.

Между тем главные силы монгольских войск во главе с Чингис-ханом, захватив Нур[3], подступили к Бухаре, одному из крупнейших культурных центров Средней Азии. Хотя в городе находился 20-тысячный гарнизон, местная знать, отказавшись от борьбы, сдала город Чингис-хану. Захватив городские сокровища, Чингис-хан «приказал поджечь городские кварталы, и в несколько дней большая часть города сгорела...» Часть горожан укрылась в крепости и продержалась в ней 12 дней[4]; в конце концов крепость была разрушена, а её защитники перебиты.

Следующий удар врага был направлен против Самарканда. Здесь имелся огромный гарнизон, но когда монгольские рати подступили к Самарканду, то с ними сразилось лишь пешее ополчение горожан, при этом «с обеих сторон было перебито множество людей»[5]. На следующий день городская знать открыла ворота врагу. Население было выведено в степь, захватчики «перебили множество людей», разграбили город, крепостную стену «сравняли с дорогой». Цитадель города пала в результате штурма. Оставалась ещё соборная мечеть, в которой укрылось около тысячи воинов. После кровопролитной схватки враги «сожгли мечеть со всеми теми, кто в ней находился». Китайский путешественник монах Чан-Чунь,

---

[1] Ныне центр одноимённой области Киргизской ССР.
[2] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., стр. 201—203.
[3] Ныне Нурата, Самаркандской области, Узбекской ССР.
[4] См. сообщение Ибн-ал-Асира — *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды (извлечения из сочинений арабских), т. I, СПБ 1884, стр. 9.
[5] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. I, стр. 10—11.

проезжавший здесь в сентябре 1222 г., отметил, что в Самарканде осталось не более четвёртой части прежнего населения [1].

Далее монгольские войска с севера и востока ворвались в Хорезм. Однако захватить с одного удара местную столицу (Ургенч) им не удалось. Попытка отвести от города воды Аму-Дарьи стоила им потери 3 тыс. воинов, а горожане, окрылённые успехом, «стали более ревностны в бою и более стойки в сопротивлении». Хорезмийцы, сообщает хронист, «перебили множество монгольского войска, так что говорят, что холмы, которые собрали тогда из костей [убитых], еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма». Осада затягивалась, монгольские воеводы Джучи и Чагатай не могли преодолеть сопротивления горожан, и «дело войны пришло в упадок».

После неудачной семимесячной осады Ургенча Чингис-хан двинул сюда огромное войско. Но измученные осадой, горожане не сложили оружия. «Население города кинулось к воротам и в начале улиц и кварталов начали снова сражение.

Монголы сражались жестоко и брали квартал за кварталом и дворец за дворцом, сносили их и сжигали, пока в течение семи дней не взяли таким способом весь город целиком». Собрав уцелевших горожан, захватчики отделили ремесленников, а «остаток людей разделили между воинами, чтобы те их перебили» [2].

Разорив города Кеша [3], Нахшеб [4] и Термез [5], монгольские полчища продвинулись на юг и вышли к Мерву. Большая часть местной знати бежала, но горожане решили защищаться. Оборону возглавил один из горожан — туркмен Бука. Глава местного духовенства, предательски призывавший к покорности монгольским

---

[1] «Описание путешествия даосского монаха Чан-Чуня на Запад» — «Труды членов российской духовной миссии в Пекине», т. IV, изд. 2, Пекин 1910, стр. 148.

[2] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., стр. 216—217; см. также *А. Ю. Якубовский.* Развалины Ургенча — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», т. VI, вып. II, Л. 1930.

[3] Ныне город Шахрисябз в долине Кашка-Дарьи, Узбекская ССР.

[4] Ныне город Карши, в Узбекской ССР.

[5] Развалины города находятся рядом с современным Термезом, в Узбекской ССР.

захватчикам, был убит возмущёнными горожанами. Однако правитель Мерва сдал город врагу. Мерв был разорён.

Так в течение 1219—1221 гг. сражались за независимость народы Средней Азии. За скупыми сообщениями персидских и арабских хронистов скрыта героическая борьба горожан и крестьян, преданных своими правителями, борьба за землю, орошённую потом поколений тружеников, за города, возведённые и укреплённые трудом ремесленников. Сотни тысяч людей были убиты и порабощены; были сожжены, уничтожены многие города с замечательными памятниками архитектуры — дворцами, мечетями, хранилищами драгоценных рукописей. Обширные области были разорены, преданы запустению.

Однако народы не покорились сильному врагу. Пример тому — горожане Мерва. Монгольские воеводы не оставили в Мерве большого гарнизона. Когда основные монгольские силы отошли от города, население восстало и изгнало захватчиков. Новое монгольское войско окончательно разрушило Мерв. Надолго заглох Мервский оазис.

Борьбу вели и жители Самарканда, где, как видно из сообщений упомянутого выше Чан-Чуня, «шайки разбойников» доставляли захватчикам немало забот[1]. То же происходило и в соседних странах; например, о жителях Балха Чан-Чунь пишет, что они, «взбунтовавшись, бежали»[2]. Позднее произошло крупное восстание в Бухаре.

Продолжая своё наступление, татаро-монгольские захватчики разгромили земли Афганистана и Северного Ирана. Иранский народ также героически защищал родину. Например, при обороне Казвина, где жители «дрались по своему обыкновению внутри города на ножах», с обеих сторон было убито около 50 тыс. человек.

Опустошив Северный Иран, часть монгольского войска, предводительствуемая Джэбе и Субэдеем, в конце 1220 г. вторглась в Азербайджан. После жестоких осад и штурмов пали города Салмас, Хой, Нахичеван и др.; ценой огромного выкупа уцелел Тебриз; в Северном Азербайджане был разрушен Байлакан. Народы

---

[1] См. «Описание путешествия даосского монаха Чан-Чуня на Запад», стр. 148.

[2] Там же, стр. 155.

Кавказа стойко защищали свои города [1]. Обычны сообщения летописцев о том, что в городах «большинство было перебито», что «перебили больших и малых». Когда в Байлакане знать готова была сдать город, то, по словам историка Мирхонда (XV в.), «городская чернь», т. е. простой народ, убила монгольского лазутчика и настояла на защите города. Байлакан был взят приступом, разрушен до основания и оставался необитаемым до начала XV в.

Перезимовав в Муганской степи (к юго-востоку от слияния рек Куры и Аракса), монгольские отряды в 1222 г. осадили Ганджу [2], но, встретив энергичный отпор, ограничились выкупом. Затем они двинулись в Грузию. Грузино-армянское войско во главе с царём Георгием IV Лаша и полководцем Иванэ Мхаргрдзели смело встретило врага, но было разбито [3]. Сопротивление народа в горных районах заставило захватчиков вернуться в Северный Азербайджан, где после долгой обороны пала Шемаха, столица Ширвана.

Использовав предательство местной знати, монгольские войска обошли Дербент и вступили в землю алан (осетин). Осетины и половцы встретили врага с оружием в руках, но татаро-монголы расстроили их союз и разбили противников поодиночке. Преследуя половцев, они вторглись на Крымский полуостров, где захватили город Судак. Половецкая орда, кочевавшая между Волгой и Днепром, во главе с сыном Кончака Юрием потерпела поражение и бежала за Днепр.

Половецкие ханы, кочевавшие к западу от Днепра, во главе с ханом Котяном спешно приехали к Мстиславу Удалому, зятю Котяна, княжившему тогда в Галицкой земле. Ханы заявили Мстиславу: «Нашу землю сегодня захватили татары, а ваша завтра взята будет». Князь Мстислав разослал всем русским князьям предложение съехаться в Киев для обсуждения сложившегося положения [4]. Но некоторые русские князья, занятые внутренними распрями, не откликнулись на призыв Мстислава

---

[1] См. *И. П. Петрушевский.* Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII—XIV веках, Баку 1941, стр. 18 и сл.

[2] Ныне Кировабад, в Азербайджанской ССР.

[3] См. История монголов инока Магакии, XIII века, перевод К. П. Патканова, СПБ 1871, стр. 6.

[4] НПЛ, стр. 62.

Удалого. На совет в Киев собрались Мстислав Романович киевский, Мстислав Мстиславич галицкий, Мстислав Святославич черниговский и козельский — «старейшины в Русской земли»[1], а также другие князья. Владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович отказался приехать. Возможно, что он был занят подготовкой похода против Ордена. Князья отвергли мирное предложение татаро-монгольских воевод, направленное на раскол русско-половецкого союза, и решили выступить против врага[2].

В поход двинулись киевские, галицкие, черниговские, смоленские, волынские и другие русские полки, а также половцы. Войско было значительным по размерам, но разобщённым по организации: не было единого начала, каждый князь сражался сам по себе, а любой феодал мог по своей воле покинуть поле боя. Это привело к роковым последствиям. Русские полки спустились по Днепру, перешли его у Олешья и двинулись на восток. Дружины Мстислава Удалого и Даниила Романовича разбили передовой татаро-монгольский отряд. Двигаясь вслед за ним, русские рати 31 мая 1223 г. на берегу реки Калки столкнулись с основными силами противника[3].

Когда русские, возглавляемые Мстиславом Удалым, вместе с половцами двинулись на противника, киевский князь задержал свои полки, так как был в ссоре с Мстиславом.

Произошло кровопролитное сражение. Половцы не выдержали удара, отступили и внесли расстройство в русские ряды[4].

Поэтому последние «не успеша бо исполчитися противу» татар. Бой был отчаянный: «И бысть сеча зла и люта». Но силы были неравными, ибо киевский князь Мстислав так и не вступил в бой: он укрепился на горе над Калкой и оставался безучастным зрителем разгрома русских дружин. Русские полки были разбиты, убито шесть князей, из простых воинов вернулся лишь каждый десятый[5].

---

1 ПСРЛ, т. II, стб. 741.

2 НПЛ, стр. 62; ПСРЛ, т. II, стб. 741.

3 См. *К. В. Кудряшов.* О местоположении реки Калки — «Вопросы истории» № 9, 1954 г., стр. 118—119.

4 НПЛ, стр. 63.

5 Там же.

Разбив главное войско, враги окружили лагерь незадачливого киевского князя и в течение трёх дней осаждали его. Наконец, Мстислав вынужден был сдаться, положившись на обещание отпустить его с войском домой. Однако враги нарушили обещание: всё русское войско было истреблено, а князья зверски убиты.

Так жестоким поражением закончилась первая встреча объединённых русских войск и половцев с татаро-монгольскими захватчиками. «И погыбе много бещисла людей, — писал новгородский летописец, — и бысть вопль, и плачь и печяль по городом и по селом... Татары же возвратишаяся от реки Днепра; и не сведаем, откуда суть пришли и где ся деша опять»[1]. Татаро-монгольские отряды было двинулись вверх по Днепру, но, не доходя Переяславля, повернули обратно — их силы были подорваны битвой на Калке.

На обратном пути они потерпели серьёзное поражение от волжских болгар. Об этом поражении молчат официальные монгольские хроники, но арабский историк Ибн-ал-Асир сообщает, что жители Болгара, узнав о приближении монголов, «в нескольких местах устроили им засады» и перебили множество врагов, из которых уцелели «только немногие»[2]. Через степи нынешнего Казахстана татаро-монголы вернулись в «коренной юрт», т. е. в Монголию.

Весть о вторжении монгольских войск и о битве на Калке быстро распространилась по Европе; о ней сообщается и в персидских и арабских хрониках. Это событие получило отражение и в китайской летописи Юань-ши, где говорится, что Субэдей дошёл с войском «до реки А-ли-ги, где встретился с старшим и младшим Ми-чи-сы-лао [Мстиславами] и одним боем заставил их сдаться»[3]. В памяти нашего народа битва на Калке осталась как событие, после которого «Руская земля седить невесела»[4]. Наш народный эпос именно с этой битвой связал

---

[1] НПЛ, стр. 63.

[2] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. I, стр. 27.

[3] См. *А. И. Иванов.* Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши — «Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества», т. III, Пгр. 1914, стр. 19.

[4] Воинские повести Древней Руси, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М. — Л. 1949, стр. 33.

гибель русских богатырей, когда могучие витязи после долгой и кровопролитной битвы впервые отступили и решили укрыться от врага. Они

«Побежали в каменные горы,
В темные пещеры:
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет»... [1]

[1] См. *Н. П. Дашкевич.* Былина об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей, Киев 1883; *В. М. Миллер.* К былине о Камском побоище — ИОРЯС АН, т. VII, кн. 2, СПБ 1902, стр. 19.

Глава четвёртая

ПАДЕНИЕ ТАРТУ (ЮРЬЕВА) И БОРЬБА С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Немецкие захватчики в Риге рассчитывали, что уничтожение отборных русских войск позволит рыцарям продвинуться далее на восток[1].

Наступал решающий этап борьбы с немецкими феодалами в стране эстов. Понимая это, немецкие и датские феодалы объединяли свои силы. Ещё в 1222 г. германский император Фридрих II признал «права» Ордена на земли вне Ливонии, а в 1223 г. датский король Вальдемар вернул епископу и Ордену «права» на Саккалу и Уганди, «с тем однако, чтобы они всегда были верны ему и не отказывали его людям в помощи против русских и против язычников»[2].

В 20-х годах землю эстов вновь охватило восстание против крестоносных поработителей. Инициатива исходила от жителей острова Сааремаа, где датский король соорудил свой замок. Сааремаасцы разрушили его и направили послов во все земли эстов с призывом «сбросить с себя иго датчан». Они «учили людей строить осадные машины... и прочие военные орудия. И пришла беда в страну», — горестно заключает немецкий хронист.

Поднялись приморские области Ляанемаа, Гаррия, а также Саккала, Вирумаа, Ярвамаа и Уганди. «По всей Эстонии и Эзелю (Сааремаа) прошел тогда призыв

[1] См. *Генрих.* Хроника, XXVI, 1.

[2] Там же, XXVI, 2.

на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей, — признаёт немецкий хронист. — Русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили — некоторых в Дорпате (Юрьеве), некоторых в Вилиендэ (Вильянди), а других в других замках, чтобы сражаться против тевтонов...» При этом эсты «разделили с ними (русскими) коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили» [1]. «И начались вновь войны на всем пространстве Эстонии» [2].

Русско-эстонские силы нападали на немецкие укрепления. Так, под руководством русских были опустошены немецкие опорные пункты в землях Метсеполе, Турайда и других к северо-востоку от Риги [3]. Крестоносцы, подтянув свежие силы из Германии, а также заставив идти в поход отряды ливов и латгалов, направились в землю эстов. Пользуясь техническим превосходством закованного в железо рыцарского войска, ливонцы разбили эстонское войско на реке Имере, и хотя «эсты сопротивлялись весьма храбро», им пришлось отступить и укрыться в Вильянди. Рыцари окружили эту крепость и осаждали её в течение 15 дней, неся большие потери от крепостных метательных орудий, но недостаток воды заставил осаждённых прекратить сопротивление. Гарнизон крепости был беспощадно истреблён, «что касается русских, бывших в замке..., то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским» [4].

Угроза свободе эстонской земли продолжала возрастать. Тогда старейшины из Саккалы были посланы «в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян». Наиболее значительными силами в то время располагал владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович, укрепивший своё влияние и в Новгороде. Защита новгородских политических и торговых интересов в Прибалтике входила в круг его внешнеполитических задач.

---

1 *Генрих.* Хроника, XXVI, 8.
2 Там же, XXVI, 11.
3 См. там же, XXVII, 1.
4 Там же, XXVII, 3.

В 1223 г. он отправил во главе с Ярославом Всеволодовичем своё войско, к которому присоединились новгородские и псковские полки [1].

Немецкий хронист уточняет, что князь Ярослав из Руси пришёл к Юрьеву, где жители поднесли ему «большие дары» и передали «братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, балисты и многое другое, прося помощи против латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Уганди и во всей Эстонии» [2]. То же сделал он в Отепяа. Затем 20-тысячное русское войско вместе с отрядами эстов, собравшихся из разных частей страны, двинулось на Ревель.

В течение месяца русско-эстонские войска осаждали Ревель, повсеместно уничтожая немецких захватчиков. Занять крепость не удалось, и русское войско вернулось в свою землю. Этот наиболее крупный поход, организованный после битвы на Калке, вновь показал, что для успешной борьбы с немецко-датской агрессией требуется объединение значительно больших сил.

В том же году новгородское правительство и владимиро-суздальский князь послали в Юрьев князя Вячеслава (который когда-то правил в Кокнесе), дав «ему денег и двести человек [лучников] с собой, поручив господство в Юрьеве и других областях...». Юрьевцы, по словам немецкой хроники, приняли его «с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей» [3]. Князь Вячко (Вячеслав) управлял областями Уганди, Вайга, Вирумаа, Ярвамаа, Саккала, т. е. большей частью земли эстов. Очевидно, были восстановлены русско-эстонские отношения, имевшие место до вторжения немецких захватчиков в землю эстов.

В 1224 г. немецкие феодалы предприняли большое наступление с целью уничтожить власть Новгорода над землёй эстов и поработить её. Походу предшествовала очередная поездка Альберта в Германию, откуда он, как всегда, прибыл «со многими пилигримами» [4]. Тогда же епископ вновь урегулировал споры с рыцарями о том, как

[1] *Генрих.* Хроника, XXVII, 3; ср. НПЛ, стр. 61.
[2] *Генрих.* Хроника, XXVII, 3.
[3] Там же, XXVII, 5.
[4] Там же, XXVIII, 1.

делить завоёванные земли эстов. По новому соглашению треть земель поступала Альберту, треть — епископу Эстонии и треть — Ордену [1]. Захватчики совершали такого рода сделки до походов; этому их научил предшествующий опыт взаимных ссор, драк и измен.

Большое немецкое войско, подкреплённое отрядами ливов, разоряя Эстонию, наступало на Юрьев. Князю Вячко рыцари «предлагали свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел...», но русские воины не покинули союзников в беде. Началась осада Юрьева, который плечом к плечу героически защищали русские и эсты. Немецкий хронист оставил подробное её описание.

Осаждавшие построили осадные машины, поставили поверх рва осадную башню и начали вести подкоп. Когда вал над подкопом обрушивался, башню продвигали вперёд, к стенам крепости. Русские и эсты из луков, баллист и метательных машин осыпали немцев стрелами и камнями, нанося им большой урон. Крестоносцы в свою очередь метали в город камни, огненные горшки. Осаждённые «построили свои машины и патерэллы против» немецких орудий, «а против стрел христиан (немцев) направили своих лучников и балистариев». И так бились много дней.

Ливонцы не давали осаждённым ни минуты отдыха. «Днем бились, ночью устраивали игры с криками... тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна» [2]. Когда немецкая башня приблизилась к крепостной стене, осаждённые в замке «зажгли большие огни, открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров»; немцы сбивали пламя и в свою очередь подожгли мост.

Воспользовавшись тем, что «русские все сбежались к воротам для отпора», ливонцы бросились на крепостную стену, тесня оставшихся там эстов мечами и копьями. Так враг ворвался в Юрьев. Русские воины, обо-

---

[1] Liv-Est und Kurländisches Urkundenbuch, ed. F. G. Bunge, Reval 1853 (далее — LU), Bd I, № 61, 62, 63.
[2] *Генрих*. Хроника, XXVIII, 5.

ронявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены; они во главе с князем Вячко укрылись в детинце (центральное внутрикрепостное укрепление), где и пали в жестоком бою [1]. Немецкие захватчики «тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого...», как свидетельствует сам немецкий хронист. Город Юрьев был сожжён.

В том же 1224 г. Новгород и Псков заключили мир с Ригой, по которому отношения в Эстонии оставались неурегулированными, но крестоносцы должны были признать права русских на землю латгалов, «а подать, которую те (русские) собирали в Талаве, возвратили им» [2]. Таким образом, падение Юрьева внесло существенные перемены в положение земли эстов: оно дало известный перевес немецким феодалам, получившим возможность жестоко подавить сопротивление эстов.

Папская курия организовала уже в 1224 г. «дерптское епископство», а новый епископ в том же году поспешил признать себя и вассалом германского императора, который взял под свою «защиту» всех «вновь обращенных» в Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Земгалии [3]. Тогда же папская курия обратилась с воззванием «ко всем русским», нагло требуя от них оказания помощи ливонскому епископу в завоевании Прибалтики [4].

В следующем, 1225 г., под руководством папского легата (уполномоченного) Вильгельма Моденского крестоносцы организовали поход 20-тысячного войска из Риги и Готланда по льду на остров Сааремаа; они взяли замки Линнусе (на острове Муху) и Вальяла (на острове Сааремаа), истребили сопротивлявшихся, а всё население острова принудили к крещению и обложили тяжёлыми повинностями. По возвращении легата из Ливонии папа Гонорий III в 1227 г. обратился «ко всем королям Руссии», склоняя их подчиниться его власти и прекратить борьбу с немецкими захватчиками, угрожая при этом вторжением [5].

---

[1] *Генрих.* Хроника, XXVIII, 5—6.
[2] Там же, XXVIII, 9.
[3] См. *В. Т. Пашуто.* О политике папской курии на Руси (XIII век) — «Вопросы истории» № 5, 1949 г., стр. 56, примечание.
[4] LU, Bd I, № 76.
[5] «Historica Russiae Monumenta», t. I, № 21.

Руси, всем русским княжествам, их независимости, культуре, угрожала смертельная опасность. На востоке татаро-монголы готовили новый удар, с запада Русь теснили немецкие и датские захватчики, которых поддерживали Германия, папская курия, Швеция.

В то же время в Юго-западной, Галицко-Волынской, Руси продолжалась напряжённая борьба с постоянными вторжениями венгерских королей и польских князей, которые находили опору в галицкой боярской знати и стремились подчинить и поделить между собой галицко-волынские земли. Папская курия энергично поддерживала Венгрию и Польшу; освящая их войну с русскими «схизматиками», она жаждала взвалить новое ярмо на плечи русского народа, отнять у него земли, разорить его «десятиной» в пользу церкви, уничтожить самобытную культуру Руси, а русский язык насильственно заменить латинским. Грозные годы переживала Русская земля. Положение осложнялось тем, что далеко не все князья и правители на Руси сознавали нависшую над Родиной опасность. Это в первую очередь относится к боярским правителям Новгородской и Псковской республик.

В 1226 г. по приглашению бояр князь Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, в третий раз занял новгородский стол. После успешных походов в земли литовцев (1226) и финской еми (1227, 1228) князь принял меры к усилению своей власти в Новгороде.

В то же время князь намеревался предпринять решительное наступление на немецких захватчиков. Он привёл полки из Переяславля и заявил боярам: «Хочу идти на Ригу». Шатры княжеских полков раскинулись под Новгородом, а часть войск стала на постой в городе. Бояре же решили использовать поход для того, чтобы избавиться от энергичного князя. Тогда же их собратья в Пскове фактически порвали отношения с Ярославом и заключили мирный договор с Ригой [1]. Договор даже предусматривал оказание взаимной помощи. Рыцари должны были «защищать» Псков от... Новгорода, а для гарантии союза псковские бояре послали им 40 мужей в залог.

Псковские изменники, предав интересы русских земель, самовольно «уступили» немецким захватчикам «права» на земли эстов, латгалов и ливов.

---

[1] НПЛ, стр. 66.

Пытаясь оправдать эту измену, псковские бояре и купцы ссылались на неудачи предыдущих походов против немецких рыцарей, на то, что они не привели к миру, а Псковская земля и торговля вследствие этого терпели ущерб. Как видим, отсутствие твёрдой власти в Новгороде и Пскове и чёткой военно-политической программы не только ослабили позиции Руси в прибалтийских землях, но и породили возможность для изменнических действий среди части боярства и купечества.

Воспользовавшись отказом псковских бояр принять участие в походе на Ригу, новгородские правители в свою очередь заявили князю: «Мы без своих братьев без псковичей не пойдем на Ригу». Князь Ярослав долго спорил с боярами, но один не решился выступать и отправил свои полки домой.

Так распри псковских и новгородских боярских правителей с великокняжеской властью подрывали военно-политическую мощь Руси.

В создавшихся условиях князь Ярослав покинул Новгород и уехал в Переяславль, оставив в Новгороде своих сыновей — Фёдора и Александра, будущего великого князя. Этим Ярослав давал новгородским боярам возможность пересмотреть принятое ими решение. После отъезда князя новгородское боярство сумело лживыми посулами увлечь за собой новгородскую бедноту. Оно «воздвиже» новгородскую «простую чадь» и разгромило княжеских сторонников. Но движение стихийно разрослось, приняло характер антибоярского восстания. Княжеский ставленник — архиепископ был выгнан «в шию». К новому архиепископу были приставлены от горожан два соправителя — Якун Моисеевич и Микифор Щитник; второй, видимо, выходец из ремесленной среды. Вооружённые горожане разгромили дворы тысяцкого, стольника при прежнем архиепископе и других сторонников князя. И «бысть мятеж в городе велик», заключает летописец.

Едва сладив с восстанием, поставив нового тысяцкого и подтвердив свою независимость от князя, бояре отправили к нему послов с предложением вернуться в Новгород «на всей воле» боярской. Но эти условия не устраивали князя, и он отозвал своих сыновей из Новгорода.

Порвав с владимирским князем, горожане пригласили черниговского князя Михаила Всеволодовича, который

прибыл в Новгород и принял власть «на всей воле новгородской».

Политическая атмосфера в республике была так накалена, что необходимо было принять срочные меры для успокоения масс. Летописец говорит о том, что всё больше крестьян и бедноты бежало из пределов республики: «...полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр...» [1]

Князь, видя массовое бегство крестьянства и городской бедноты (результат правления новгородских бояр), был вынужден распорядиться, чтобы крестьяне, бежавшие из пределов республики, в случае их возвращения освобождались на пять лет от «даней» в пользу бояр. С другой стороны, он вновь запретил крестьянам, которые остались на месте, отказываться от уплаты дани [2]. Это сочетание вынужденных льгот с угрозами по адресу волновавшегося крестьянства, конечно, имело целью упрочить власть боярства. Был поставлен новый посадник, а также архиепископ.

Итак, за короткий срок вторично, на этот раз с помощью черниговского князя, новгородское боярство сделало попытку выйти из-под влияния владимиро-суздальских князей. Но это ему не удалось: князь Ярослав имел значительные силы; он занял и продолжал удерживать Волок и некоторые другие новгородские земли, блокируя новгородскую торговлю с Поволжьем.

Черниговский князь в 1230 г. ушёл из Новгорода, оставив там своего сына. Уход Михаила и установленная суздальским князем торговая блокада, которая совпала с неурожаем, не замедлили сказаться на политической жизни республики. Это активизировало сторонников Ярослава.

Вскоре произошёл переворот. Под руководством сторонника суздальского князя Степана Твердиславича городская и сельская беднота поднялась на разгром имений черниговской партии бояр. Были разорены «двор и села» посадника, тысяцкого и др. Князь и его сторонники бежали в Чернигов. Новый посадник и тысяцкий поделили разграбленное имущество своих противников между жителями по сотням, городским и сельским.

---

[1] НПЛ, стр. 69

[2] Там же, стр. 68.

В четвёртый раз в город был приглашён князь Ярослав. Тогда же и псковские бояре приняли княжеского наместника. Правда, вскоре Ярославу пришлось уехать в Переяславль, где собирался княжеский съезд по вопросу о Новгороде. Под угрозой выступления владимиро-суздальского войска черниговский князь отказался от притязаний на Новгород. Уезжая в Переяславль, Ярослав вновь оставил в Новгороде своих сыновей.

Между тем в Новгороде продолжал свирепствовать голод: в тот год по всей Руси был неурожай. В Новгороде народ громил дома бояр и купцов, которые спекулировали зерном; «простая чадь» «почаша добрых людий домы зажигати, где чююче рожь, и тако разграбливахуть имение их...»; голодные бедняки, доведённые до отчаяния, «резаху люди живыя и ядяху» [1]. Страшные дни стояли в городе, когда «сусед суседу не уламляше хлеба», когда дети городской бедноты умирали с голоду и «бяше туга и печаль, на уличи скорбь друг с другом, дома тоска, зряще детий плачюще [прося] хлеба, а другая умирающа». Бедняки продавали богатым купцам своих детей в рабство. Положение изменилось, когда в Новгород прибыли иноземные корабли с зерном. В 1232 г. в Новгород возвратился князь Ярослав.

За время его отсутствия большая группа бояр, противников сближения с великими князьями владимирскими, захватила власть во Пскове. Отдельные выступления против князя происходили и в самом Новгороде. Прибывший князь Ярослав Всеволодович блокировал торговлю Пскова, арестовал находившихся в Новгороде псковичей и принудил псковские власти принять княжеского наместника [2].

Характерно, что руководители враждебного князю новгородского и псковского боярства ушли за рубеж. Так боярская оппозиция в Новгороде сомкнулась с немецкими захватчиками, подобно тому как в Галицко-Волынской земле она смыкалась с силами враждебных Руси венгерских и польских правителей. Пользуясь удобным моментом, немецкие захватчики начали нападения на собственно Русскую землю. Требовались срочные контр-

---

[1] НПЛ, стр. 70—71.
[2] Там же, стр. 71—72.

меры. Они и были приняты князем Ярославом Всеволодовичем.

В 1234 г. он привёл «множество своих полков» и двинул их, а также новгородские силы в поход на Юрьев. Русское войско подошло к городу. Тогда немцы выступили из Юрьева, а также из Отепяа и, столкнувшись с русскими дозорами, сражались с ними до подхода основных русских сил. Русские опрокинули немецкое войско, убили «лучьших немець (рыцарей) неколико», загнали остальных на лёд реки Эмайыги (Эмбах), и, рассказывает летописец, «ту обломишася [лед], истопе их много, а ини язвьни (раненые) вобегоша» в Юрьев, а другие — в Отепяа. В результате похода крестоносцы «поклонишася» Ярославу Всеволодовичу, и он «взя с ними мир на вьсей правде своей» [1].

Походы русских войск способствовали сохранению прав Новгорода или Пскова на сбор дани в Талаве, Латгалии, в отдельных землях эстов, но немецкая оккупация части этих территорий, повидимому, сохранялась. Успешный поход русских в 1234 г. на несколько лет упрочил на этих землях русско-немецкую границу.

Ярослав Всеволодович находился в Новгороде до 1236 г. В этом году, уходя княжить в Киев, он «в Новегороде посади сына своего Олександра» [2].

Немецкие феодалы, продвигаясь по Восточной Прибалтике, стремились обосноваться и на латышских землях.

Но здесь захватчики также встретили упорное сопротивление. Пример тому — борьба земгалов и куршей. Стремясь овладеть путями по рекам Лиелупе и Венте, немецкие власти использовали предательство части восточноземгальской знати и заняли в 1219 г. замок Межоте [3]. Западные земгалы (из области Тервете) во главе с правителем Виестардом в союзе с куршами и литовцами и при поддержке жителей Восточной Земгалии изгнали рыцарей и освободили крепость.

В начале 1220 г. большое немецкое войско двинулось в поход на Межоте и окружило крепость. Осада продолжалась много дней; немцы применили осадную башню

---

[1] НПЛ, стр. 73.
[2] Там же, стр. 74.
[3] См. *Генрих.* Хроника, XXIII, 3.

и стенобитные машины. Жители замка и собравшиеся в нём крестьяне из окрестных деревень оказали врагу героическое сопротивление[1]. Даже немецкий хронист вынужден признать, что хотя многие из земгалов были убиты и ранены камнями и стрелами, «упорные люди не прекращали сопротивления»[2], отбивая приступы рыцарей. Однако силы были не равны; подрытый врагами крепостной вал рухнул, и замок пал.

Рыцари подчинили на побережье часть земель куршей и земгалов, в прошлом тесно связанных с Литвой; крестоносцы понимали, что, пока Литва остаётся независимой, они не могут считать свои позиции здесь прочными. Поэтому немецкие феодалы начали готовить поход на Литву.

В 1236 г. в Ригу прибыло много рыцарей, предпринявших затем большой поход на Литву. Поход окончился полным поражением; немецкие захватчики в битве под Шавлями (Шауляй) были разбиты наголову. В этой битве были убиты магистр Волквин, предводитель крестоносцев из Северной Германии Газельдорф и много других знатных рыцарей. Успеху боя способствовал переход приведённых рыцарями земгальских войск на сторону литовцев.

Шауляйская битва — крупная веха в борьбе литовского народа и всех народов Восточной Прибалтики против немецкой агрессии. В результате поражения ливонцы к западу от Двины оказались отброшенными едва ли не к границам 1208 г., а литовский великий князь Миндовг восстановил своё влияние в Курсе и Земгалии.

В связи с тем, что в начале XIII в. возросла мощь Литвы, участились набеги дружин литовских князей, а также пруссов на соседние польские земли — Хельминскую область, Мазовию и Куявию. Весьма страдали от литовских набегов владения польского (мазовецкого) князя Конрада. В 30-х годах, пользуясь тем, что волынские князья были заняты борьбой за галицкие и киевские земли, мазовецкий князь попытался выйти из-под их влияния и отказался от союза с ними. Тогда же, стремясь обезопасить свои владения от литовских набегов, Конрад допустил роковой политический просчёт: он пригласил

---

[1] См. *Генрих.* Хроника, XXIII, 8.

[2] Там же.

на помощь против Литвы и Руси немецких рыцарей Тевтонского ордена.

Этот духовно-рыцарский Орден был основан немцами-крестоносцами в 1198 г. в Палестине, где они сражались в составе войска крестоносцев. Предвидя, однако, неудачный исход этой ближневосточной авантюры правителей феодальной Европы, «доблестные» рыцари с магистром Германом фон Зальца во главе постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент. Тевтоны обзавелись землями в Германии и Шлёнске, а затем по приглашению венгерского короля и при содействии папы Гонория III обосновались в Семиградье, посулив королю нести охрану восточных границ от половцев. Однако венгерский король, убедившись вскоре, что крестоносцев больше интересует венгерская земля, чем войны с кочевниками, отказался от услуг наёмников и изгнал их в 20-х годах из страны.

Вскоре после этого Конрад мазовецкий и обратился к магистру Герману, предлагая его Ордену поселиться на Висле и воевать против пруссов и Литвы с тем условием, что Ордену отойдут захваченные земли. Герман Зальца ловко воспользовался удобным случаем: он немедленно добился утверждения папой и императором «пожалования» князя Конрада и стал действовать в Хельминской земле и в земле пруссов самостоятельно, на правах имперского князя. Так обосновались на польской земле злейшие враги польского народа — немецкие крестоносцы. В 1230 г. Зальца послал в Хельминскую область отряд рыцарей Ордена во главе с ландмейстером Германом Бальке, и началось кровавое завоевание ими земли пруссов, длившееся более полустолетия. Крестоносцы сумели обеспечить себя достаточно широким притоком людских резервов из Германии; кроме того, они неоднократно использовали разногласия в среде славянских князей.

В 1231—1232 гг. на Висле были сооружены опорные пункты крестоносцев — замки Торн (Торунь) и Кульм (Хельмно). В 1233 г. был построен замок Мариенвердер (Квидзынь) на земле пруссов, расположенной ниже по Висле. В том же году папская курия объявила крестовый поход в помощь тевтонам. Пользуясь своей властью, курия сумела привлечь к походу польских князей и тесно связанных с ними князей поморских. Не-

смотря на мужественное сопротивление, местные пруссы были разбиты. Крестоносцам удалось продвинуться к Вислинскому заливу и по его побережью до реки Прегола. Здесь были построены крепости Эльбинг (Эльблонг), Бальга (Балк), Христбург (Кишпорк) и др. К началу 40-х годов крестоносцы довольно прочно укрепились на побережье Южной и Западной Пруссии.

В конце 30-х годов Конрад мазовецкий попытался использовать тевтонов и для борьбы с галицко-волынскими князьями, которые попрежнему сохраняли союз с Литвой и имели устойчивые позиции в земле ятвягов (судовов). Ещё в XII в. польские князья стремились утвердиться в области прусского Полесья, а заодно и овладеть центром русской торговли и колонизации — Дорогичином. Сюда и направил Конрад мазовецкий отряд добжинских рыцарей под предводительством Бруно; князь «пожаловал» им русский город Дорогичин, которым сам не владел [1].

Однако волынский князь Даниил Романович решительно пресёк попытку тевтонов продвинуться на юго-восток в русские земли. По словам волынского летописца, он заявил: «Не лепо есть держати нашее отчины крижевникомь (крестоносцам)... и поидоста на не (них) в силе тяжьце» [2]. Русские войска разгромили тевтонов и захватили в плен самого Бруно. Это произошло в марте 1237 г.

Итак, немецкое вторжение в Восточную Европу охватывало всю Прибалтику, Литву, угрожало Северо-западной и даже Юго-западной Руси. Конечно, такие операции Ливонского и Прусского (Тевтонского) орденов были возможны только потому, что они получали непрерывную и всё возраставшую поддержку крупнейших политических сил тогдашней Западной Европы — Германской империи и папства.

Поражения, которые немецкие крестоносцы потерпели на Эмайыги (1234), при Шауляй (1236), в Дорогичине (1237), а также новые задачи, которые они себе ставили, готовясь продолжать захватнические войны и намереваясь вторгнуться в Русь и Литовское великое княжество, вызвали объединение сил агрессоров.

---

[1] «Preussisches Urkundenbuch (Politische Abteilung)», ed Philippi, t. I, 1, Königsberg 1882, № 126.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

В результате длительных переговоров при деятельном участии папской курии в 1237 г. было достигнуто объединение Ордена меченосцев с Прусским орденом. Магистр меченосцев стал ландмейстером Тевтонского ордена.

Наступление на Русь привело также к объединению сил немецких и датских феодалов-крестоносцев. При содействии папской курии в 1238 г. в Стенби было заключено соглашение, определившее немецкие и датские владения, захваченные в Эстонии[1].

Из Германии и Дании прибывали свежие пополнения в Ригу и Ревель. Готовилось новое наступление на Русь, само существование которой порождало постоянную тревогу у обосновавшихся на её границах крестоносных грабителей.

История Руси сложилась так, что именно в эти годы Русской земле был нанесён второй страшный удар с востока, со стороны татаро-монгольских захватчиков.

---

[1] LU, Bd I, № 160; см. *И. П. Шаскольский.* Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси — «Исторические записки» № 37, 1951, стр. 181—186.

Глава пятая

БОРЬБА НАРОДОВ КАВКАЗА С ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Готовя наступление на Русь, на Европу, монгольские правители задались целью овладеть землями Кавказа. После пережитого в 20-х годах монгольского нашествия народы Кавказа не знали мира: здесь происходили междоусобные войны, вызванные вторжением остатков войск хорезмийских феодалов, которые захватили Южный Азербайджан и грабили соседние земли. Эти разорительные войны вызывали народный протест, который ярче всего проявился в восстании горожан Ганджи (1231). Ганджийцы под руководством Бендара (или Бондара) уничтожили хорезмийский гарнизон. Это восстание было подавлено. Распри и войны феодалов продолжались [1].

Используя выгодную обстановку, монгольские захватчики начали в 1229 г. свои грабительские набеги в Закавказье. Монгольские войска были расположены в Иране; они находились в прямом подчинении у великого хана. В 1231 г. рати воеводы Джурмагуна вторглись в Южный Азербайджан, где нанесли поражение войскам хорезмийских феодалов. Местная знать не оказала сопротивления врагу. Крупнейший город Тебриз был сдан без боя. На город был наложен огромный выкуп шёлковыми тканями и деньгами; ежегодная подать тяжёлым бременем легла на простых горожан. Но азербайджанский народ не покорился врагу и, так же как и другие братские народы Кавказа — армяне и грузины, поднялся на борьбу.

[1] См. *И. П. Петрушевский.* Указ. соч., стр. 31 и сл.

Полчища Джурмагуна вступили в Северный Азербайджан (Арран и Ширван) лишь в 1235 г.; они осадили богатейший из местных городов — Ганджу. Мужественные горожане вновь встали на защиту независимости родины. Оборона Ганджи — одна из наиболее славных страниц в истории азербайджанского народа. Враги обложили город, опустошили окрестности, вырубили все виноградники. Их осадные машины, несмотря на мужественное противодействие ганджийцев, разрушили стены города. О том, что происходило далее, летописец Киракос Гандзакеци пишет: «...Они (монголы) свалили городские стены, но не тотчас вошли в город, а в полном вооружении блокировали его в течение недели», видимо опасаясь тяжёлых уличных боёв. «Тогда жители, видя город во власти неприятеля, частью сожгли себя вместе со своими жилищами, чтоб не попасть в руки неприятелей; частью сожгли все, что можно было сжечь, и остались только сами». В происшедшей последней схватке враги «перерезали всех жителей, не различая ни мужчин, ни женщин, ни детей» [1]. Лишь один отряд смельчаков пробился сквозь кольцо врагов.

Монгольские войска начали осаду и некоторых других крепостей. В хрониках отразилась оборона Шамхора, азербайджанского города, бывшего под властью грузинских царей. Правитель города предписал горожанам «не оказывать сопротивления» [2], но горожане не исполнили этого распоряжения. Когда татаро-монгольское войско завалило городской ров деревьями, горожане подожгли их и отбили приступ. Тогда враги засыпали ров землёй, взяли город, разорили его и перебили жителей. После тяжёлой борьбы пали крепости Тавуш, Ергеванк, Мацнаберд и др. Близ Тавуша в плен попал упомянутый летописец Киракос. Он пишет: «...Вели нас татары пешком, босых, в нужде и лишениях в течение многих дней... и даже воды нельзя было напиться: так гнали они нас» [3].

Борьба народа стоила захватчикам тяжёлых потерь; некоторые крепости, в том числе Гардман, Хаханаберд и крепость города Баку, они не смогли взять. Монголы сражались обычно с весны до поздней осени, а на зиму

[1] *К. П. Патканов.* История монголов по армянским источникам, вып. II, СПБ 1874, стр. 16—17.
[2] Там же, стр. 21.
[3] Там же, стр. 26.

откочёвывали в плодородную Муганскую степь. Воюя таким образом, они лишь к 1239 г. достигли Дербента, который был ими занят и также разорён.

Столь же мужественно сражались тогда армянский и грузинский народы. Крупный армянский город Ани отказался признать монгольскую власть; когда в город прибыли послы — лазутчики, то «чернь (простой народ) умертвила посланных», как пишет Киракос. Город пал после жестокой осады [1]. Захватив Ани, враги приказали жителям «выйти из города, обещаясь не причинять им никакого зла. Но как только толпа вышла из города, татары разделили их между собою и без всякой пощады умертвили всех мечом, оставив в живых только небольшое число женщин, детей и ремесленников, которых увели в плен»; они «захватили все имущество и богатство жителей, ограбили церкви, разорили весь город...» [2]. Та же судьба после двухмесячной осады постигла Карин (Эрзерум).

В годы монгольского нашествия пали многие армянские и грузинские города: Карс, Тбилиси, Дманиси, Самшвилде и др. Борьбу с врагом вели также и народы Северного Кавказа. Отряд Субэдея совершил поход «в страну асов» (осетин) в 1236 г.; затем отряды Менгу-хана и Кадана ходили на черкесов [3]. Народы Северного Кавказа ещё долго вели освободительную борьбу с татаро-монгольскими захватчиками.

Земли Кавказа были страшно опустошены. «Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать» [4], — писал Киракос. Оборона народами Кавказа своей родной земли — яркий пример мужества и патриотизма.

---

[1] *К. П. Патканов.* Указ. соч., стр. 35.

[2] Там же, стр. 36.

[3] См. *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды (извлечения из персидских сочинений), т. II, М. — Л. 1941, стр. 35; Очерки истории СССР (IX—XV вв.), ч. II, М. 1953, стр. 739.

[4] *К. П. Патканов.* Указ. соч., стр. 12.

Глава шестая

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ. БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

После битвы на Калке и поражения на Волге монгольские феодалы не оставили своих планов продвинуться на запад. На курултаях 1229 и 1235 гг. в Каракоруме монгольская знать обсуждала этот вопрос. Перенесение ставки в низовья Яика, завоевание земель Закавказья должны были способствовать успеху похода на Европу. Той же цели служила широкая военно-дипломатическая разведка, проводившаяся в восточноевропейских странах. О дипломатической подготовке войны было известно и русским князьям, так как, например, князь Юрий Всеволодович пересылал захваченное им у татаро-монгольских послов письмо венгерскому королю Беле IV, от которого монгольские ханы требовали покорности [1].

В 1229 г. имел место разведывательный набег монгольских отрядов, которые, продвинувшись на Яик, разбили здесь половцев, саксинов и болгарские дозоры. Болгары сознавали опасность монгольского наступления и заключили мир с Владимиро-Суздальским княжеством [2]. В 1232 г. крупное монгольское войско вышло к болгарской границе [3], но, видимо, оказалось не в силах продви-

[1] См. *С. А. Аннинский*. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе — «Исторический архив», т. III, 1940, стр. 88—89.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 453; т. X, СПБ 1885, стр. 98.

[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 138.

нуться далее, встретив отпор со стороны болгар. Таким образом, болгары в течение нескольких лет мужественно противостояли набегам монгольских ратей [1].

В 1235 г. монгольская знать приняла решение о походе для завоевания Европы. Было собрано огромное войско, в которое входили отряды от всех улусов. Во главе войска был поставлен внук Чингис-хана, Батый (Бату). В 1236 г. татаро-монголы вышли на Каму. Болгары смело встретили вражеские полчища; в упорных боях захватчики полностью разорили землю болгар: «И взяша славный великый город болгарьскый (Болгар) и избиша оружьем от старца и до уного и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша» [2].

В результате длительных раскопок советских археологов под руководством А. П. Смирнова восстановлены важные страницы истории Болгара и, в частности, его обороны от монгольских полчищ. Найдены и братские могилы павших защитников города. Они были погребены, когда население, которое успело скрыться от врага, возвратилось в город и занялось его восстановлением [3].

Были опустошены также мордовские и буртасские земли [4]. Зимой 1237 г. захватчики вступили в Рязанское княжество: «Того же лета на зиму придоша от восточьные страны на Рязаньскую землю лесом безбожнии татари и почаша воевати Рязаньскую землю и пленоваху и (ее)...» [5]. Враги дошли до города Пронска. Отсюда они отправили послов к рязанским князьям, требуя у них десятую часть всего, чем те владели: «Просяче у них десятины во всемь: и в людех, и в князех, и в коних, во всяком десятое» [6].

Рязанские князья во главе с великим князем Юрием Игоревичем собрались на совет и ответили послам: «Аще нас всех не будеть, то все ваше будеть». Юрий Игоревич

---

[1] См. *А. П. Смирнов.* Волжские булгары, М. 1951, стр. 49—50.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 460.

[3] См. *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 42, М. 1954, стр. 315—316; ср. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана, М. 1954, стр. 41.

[4] См. *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. II, стр. 36.

[5] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 460.

[6] НПЛ, стр. 74.

послал за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов. Но ни тот, ни другой не помогли рязанцам.

В таких условиях при огромном численном превосходстве татаро-монгольских войск рязанцам ничего не оставалось, как укрыться в своих крепостях. Рязань пять дней выдерживала осаду, а на шестой (21 декабря 1237 г.) город был взят, жители перебиты или сожжены; погибли все воины и воеводы во главе с князем Юрием Игоревичем: «Вси равно умроша...» [1]. Затем пали Пронск и другие города, и «ни един же от князей... не поиде друг ко другу на помощь...» [2]. Правда, из Владимира был прислан на рязанское пограничье дозорный отряд воеводы Еремея Глебовича, который, однако, вместе с рязанским полком был окружён в Коломне, где воины «бишася крепко». Но, в конце концов, войско было истреблено [3]. Рязанская земля была совершенно опустошена. О степени её разорения повествует древнее сказание: «...град... и земля Резанская изменися... и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел...» [4]. Хотя жизнь в Рязани и не заглохла, но город потерял прежнее значение. Ныне здесь ведутся в широких масштабах археологические раскопки под руководством А. Л. Монгайта. Раскрыто большое кладбище, на котором погребены останки защитников города от монгольских полчищ [5].

От Коломны в начале 1238 г. татаро-монголы подступили к Москве. Москвичи стойко оборонялись под руководством воеводы Филиппа Нянки, но были побеждены и перебиты «от старьца и до сущаго младенца» [6]. Город и окрестные сёла враги сожгли. Далее татаро-монгольские полчища направились к Владимиру. Князь Юрий Всеволодович с войском вышел из города в направлении к Ярославлю собирать дополнительные силы. 3 февраля 1238 г. враги осадили Владимир — столицу Северо-восточной Руси. Жители города начали «крепко боротися».

---

[1] «Воинские повести Древней Руси», стр. 11—12.
[2] Там же, стр. 24.
[3] НПЛ, стр. 75.
[4] «Воинские повести Древней Руси», стр. 15.
[5] См. *А. Л. Монгайт.* Топография старой Рязани — КСИИМК, вып. XLIV, 1952 г., стр. 104—115.
[6] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 460—461.

Оборона Владимира
(Миниатюра XVII в.)

Пока часть татаро-монгольского войска окружала город осадными машинами, подготавливая штурм, другие рати рассредоточились по всему княжеству: с боями захватили Ростов, Ярославль, Тверь, Юрьев, Дмитров и другие города, всего 14, не считая сёл и погостов[1]. Особый отряд занял и сжёг Суздаль, часть жителей захватчики убили, а остальных, и женщин и детей, «босых и беспокровных» по морозу сгоняли в свои станы.

---

[1] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 461.

Между тем за Владимир шла жестокая борьба. Татаро-монгольские воеводы решили во что бы то ни стало взять столицу княжества и бросали против неё всё новые массы войск. Наконец, им удалось разрушить городскую стену, город был подожжён, захватчики ворвались в жилые кварталы, и началось поголовное истребление жителей. Столица Владимиро-Суздальской Руси с её замечательными памятниками культуры 7 февраля подверглась разграблению.

Далее основная часть татаро-монгольского войска под командованием Бурундая двинулась на север против князя Юрия. 4 марта 1238 г. на берегу реки Сити владимирские полки во главе с князем Юрием были окружены огромным вражеским войском и честно сложили свои головы, защищая Русскую землю. Чтобы князь Юрий не мог получить помощи из Новгорода, в котором правил его племянник Александр Ярославич, татаро-монгольские воеводы предусмотрительно осадили Торжок, лежавший на восточной окраине Новгородской земли.

Две недели защищал простой народ этот небольшой город: татаро-монголы пустили в ход пороки (осадные машины), и в конце концов «изнемогошася людие во граде». Новгородские бояре не прислали им помощи. Враги взяли Торжок 5 марта 1238 г. и «исекоша вся от мужска полу и до женьска...». Путь татаро-монгольских войск лежал на Новгород; они доходили за сто вёрст до него, но далее на север не пошли [1]. Сказывалось истощение сил в результате ряда кровопролитных битв с русскими войсками, героически сопротивлявшимися захватчикам. Повернув обратно, враги прошли по восточным землям Смоленского и Черниговского княжеств. Здесь русские города также оказывали им ожесточённое сопротивление. Татаро-монголам даже не удалось осадить Смоленск: их отряды натолкнулись на мужественный отпор. Борьба смольнян против захватчиков отражена в «Повести о Меркурии Смоленском». По народному варианту повести, Меркурий — молодой смольнянин, связанный с городской Петровской сотней. Он успешно сражался с врагами в Долгомостье, за 30 вёрст от

---

[1] НПЛ, стр. 288—289.

Битва на Сити

(Миниатюра XVII в.)

города, и освободил часть русских пленных, которые затем укрылись в Смоленске[1].

Русский летописец особо отметил город Козельск, жители которого семь недель выдерживали осаду татаро-монгольского войска. Козельцы, говорит летописец, «ум крепкодушьный имели» и сражались до последнего человека на разрушенных стенах горящего города. Неоднократно бои переходили в рукопашные схватки, когда «козляне же ножи резахуся» с татаро-монголами. В бою пало немало врагов, в том числе «три сыны темничи», т. е. командующего «тьмой» — десятитысячным войском; во время вылазки горожане уничтожили монгольские осадные машины («исшедше из града и секоша пращи их»). Взяв, наконец, развалины Козельска, Батый буквально стёр город с лица земли и «изби вси... от отрочат до сосущих млеко». Таким образом, героический Козельск почти на два месяца задержал татаро-монгольские полчища, ослабленные в предшествующих кровопролитных боях.

Стойкая и мужественная оборона русских городов спутала расчёты монгольских завоевателей. Полки поредели, а впереди была ещё половина Руси, и татаро-монголы, повернув обратно, ушли в степь.

В начале 1239 г. монгольские войска вновь двинулись на Русь, теперь уже на Южную и Юго-западную. Лишь часть войск была послана в конце 1239 г. на север, где окончательно подчинила мордовскую землю и вышла к Мурому (на Оке), который и заняла. С боем «копьем» одна из ратей 3 марта заняла Переяславль Южный и разорила его. Затем пал Глухов. Был окружён Чернигов, который в октябре 1239 г. после жестоких боёв враги заняли и подожгли.

Монгольские рати нахлынули в Крым. Среди хроникальных записей, сохранившихся на полях древней церковной книги одного из сурожских монастырей, в заметке от 26 декабря 1239 г. читаем: «В тот же день пришли татары...»[2]. Власть монгольских ханов утвердилась в Крыму, который превратился затем в улус Золотой орды.

[1] См. *Ф. Буслаев.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПБ 1861, стр. 173—175; ср. *Л. Т. Белецкий.* Литературная история повести о Меркурии Смоленском — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XCIX, № 8, Пгр. 1922, стр. 43—49.

[2] «Записки Одесского Общества истории и древностей», т. V, 1863, стр. 597, заметка № 10.

Наталкиваясь на жестокое сопротивление и неся немалые потери, Батый и на этот раз был вынужден оттянуть свои рати в степи для нового пополнения.

Между тем Киев готовился дать отпор врагу, и горожане решительно отвергли предложения монгольских послов. Здесь обороной ведал воевода Дмитр, присланный с дружиной волынским князем Даниилом Романовичем. Поздней осенью 1240 г. Батый привёл под Киев огромное войско. По данным киевской разведки, в войске находились крупнейшие воеводы Субэдей, Бурундай, Гуюк и др. Летописец так описывает татаро-монгольское войско: не было слышно голоса человеческого «от гласа скрипания телег его, множества ревения верьблюд его, рьжания от гласа стад конь его» [1].

Киев был окружён множеством осадных машин, которые днём и ночью обстреливали город, ломали городские стены, но жители героически под обстрелом врага заделывали проломы. «И ту бяше видити лом копейны и щитом скепание, стрелы омрачиша свет...» [2] Горожане защищали Киев, борясь до конца. Наконец, враг прорвался в город через огромные проломы в городской стене, и 19 ноября 1240 г. Киев пал [3]. Как и в других городах, русские воины и жители подверглись массовому истреблению, тысячи людей были уведены в рабство. Самому воеводе Дмитру, захваченному в плен и израненному, Батый сохранил жизнь «мужества ради его». В огромном городе уцелело не более 200 домов.

Многолетние археологические раскопки в Киеве под руководством М. К. Каргера с изумительной наглядностью «раскрывают потрясающую по своему драматизму картину разгрома цветущего города»; они обнаруживают длительный период запустения «верхнего города» в результате монгольского нашествия [4]. Здесь найдены развалины жилища на территории Владимирова города (близ Десятинной церкви) с грудой скелетов людей из числа тех, что сражались за каждую улицу и каждый дом. Уцелевшие горожане укрепились в огромной Десятинной церкви, на её сводах, но стены этого старинного

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 784.
[2] Там же, стб. 785.
[3] По другим источникам Киев пал 6 декабря 1240 г.
[4] *М. К. Каргер* Археологические исследования древнего Киева, Киев 1951, стр. 7, 40—42, 191, 136, 120—121 и др.

храма рухнули, пробитые монгольскими осадными орудиями. Лопата археолога раскрыла картину гибели церкви и детали её драгоценного убранства. Здесь найден и тайник с останками укрывшихся в нём людей, засыпанных обвалом.

Разорив древний Киев, татаро-монгольские захватчики в конце 1240 г. устремились далее на запад, в Галицко-Волынскую Русь. В результате упорных боёв были заняты местные столичные города Галич и Владимир-Волынский, в которых монгольское войско уцелевших жителей «изби не щадя». Раскопки показали, что часть галицких горожан укрылась в Успенском соборе, который был совершенно разрушен [1]. Сожжён был и Колодяжин [2], захваченный монголами обманом после неудачного штурма с помощью 12 осадных машин. Также были разорены «инии грады мнози, им же несть числа».

Мужественно оборонялись и небольшие города. Раскопан небольшой городок, входивший в систему укреплённых городов (Бужск, Межибож, Котельница) на пограничье Киевской, Волынской и Галицкой земель. Городок был целиком разрушен и сожжён и ныне раскрыт со всем хозяйством и останками жителей, павших в бою [3]. Они лежат в воротах города, пронзённые стрелами, в воротах домов — с мечами, булавами и даже ножами в руках; найдены останки женщин, прижимающих к себе детей... Трагическая картина, вызывающая глубокое уважение к памяти наших отважных предков. Некоторые города в Юго-западной Руси отбили все приступы татаро-монголов, например Данилов, Кременец. Местные князья, а также население приграничных земель укрывалось за рубежом: князь Даниил, уезжая в Венгрию, «виде множество бежащих от безбожных татар».

Наступил 1241 год. Завоевание Руси татаро-монгольскими захватчиками произошло в 1237—1240 гг. Понеся значительные потери, монгольские войска вышли на западные рубежи Русской земли серьёзно ослабленными. Следовательно, говоря о борьбе народов с монгольскими

---

[1] *М. Брайчевський.* Археологічні пам'ятки часів боротьбы Русі проти монгольскої навали — «Вісник Академії наук УРСР», вып. 10, Київ 1951, стр. 69.

[2] *В. К. Гончаров.* Древний Колодяжин — КСИИМК, вып. XL, 1951 г., стр. 49—53.

[3] См. *В. К. Гончаров.* Райковецкое городище, Киев 1950, стр. 137; стр. 39, 41, 46—47 и др.

захватчиками, нельзя забывать о том сопротивлении, которое оказали врагу народы нашей страны, о тяжелых потерях, понесённых татаро-монголами в Центральной и Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье и особенно в кровопролитных сражениях четырёхлетней борьбы на Руси. Героическая оборона русским народом родной земли, родных городов явилась решающей причиной, благодаря которой сорвался план татаро-монгольских захватчиков завоевать всю Европу. Великое всемирно-историческое значение подвига русского народа состояло в том, что он подорвал силу монгольских войск. Русский народ защитил народы Западной Европы от надвигавшейся на них лавины татаро-монгольских полчищ и тем самым обеспечил для них возможность нормального экономического и культурного развития.

Чтобы правильно оценить события, связанные с походом монгольских феодалов на Европу, надо иметь в виду и ту партизанскую, освободительную борьбу, на которую поднялись народы, попавшие под власть иноземных захватчиков.

Несмотря на страшное разорение, русский народ вёл партизанскую борьбу. Сохранилось предание о рязанском богатыре Евпатии Коловрате, который собрал из уцелевших от побоища в Рязани дружину в 1700 «храбров» и нанёс немалый урон неприятелю в Суздальской земле: «Силныя полкы татарьскыя проеждяя, бьяше их нещадно». Воины Коловрата неожиданно появлялись там, где враг их не ждал, и наводили ужас на захватчиков, которые с суеверным страхом говорили: «Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти, тако крепко и мужествено ездя, бьяшеся: един с тысящею, а два со тмою» [1]. Борьба народа за независимость подрывала тыл монгольских захватчиков.

Эта борьба шла и в других землях. Уходя из пределов Руси на запад, монгольские воеводы решили обеспечить себе продовольствие в западном районе Киевской земли. Войдя в соглашение с боярством Болоховской земли, они не разорили здешних городов и сёл, но обязали местное население снабжать своё войско зерном: «...оставили бо их татарове, да им орють пшеницю и проса» [2]. Однако галицко-волынский князь Даниил,

[1] «Воинские повести Древней Руси», стр. 13—14.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 792.

возвратясь на Русь, предпринял поход против болоховских бояр-изменников. Княжеское войско «грады их огневи предасть и гребли (валы) их раскопа»[1], было уничтожено шесть болоховских городов и тем самым подорвано снабжение монгольских войск.

Боролись и жители Черниговской земли. В этой борьбе участвовали и простые люди, и, видимо, феодалы. Папский посол Плано Карпини сообщает, что в бытность его на Руси (по пути в Орду) черниговский князь Андрей «был обвинен пред Батыем в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и хотя это не было доказано, он все-таки был убит»[2]. Угон татарских коней стал широко распространённой формой борьбы со степными захватчиками.

Борьбу против поработителей вели и другие народы. К сожалению, сведений об этом сохранилось немного, и до нас они дошли во враждебной передаче. Например, Джувейни, который, как и многие другие персидские историки того времени, чьи труды уцелели, был на службе у монгольских правителей, сообщает о борьбе половцев против монгольских завоевателей. Среди половцев «оказался один по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удальцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было [постоянного] местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день [оказывался] на новом месте...». Его отряд действовал в Поволжье, где, видимо, встречал поддержку коренного населения. «Мало-помалу, — пишет Джувейни, — зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались». Отряд Бачмана умело вёл партизанскую борьбу с врагом, и «где бы войска [монгольские] не искали следов [его], нигде не находили его...»

Наконец, Менгу-хан и брат его Бучек «пошли облавой по обоим берегам реки», по которой на 200 судах двигалось 20-тысячное монгольское войско. Монголам удалось окружить отряд Бачмана на одном из островов. Отряд мужественно оборонялся; все воины погибли — враги «некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей...». Бачман также был схвачен и убит[3].

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 792.

[2] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 9.

[3] См. *В. Г. Тизенгаузен.* Указ соч., т. II, стр. 24, 35; ср. «Mediaeval Researches from the Eastern Asiatic Sources», ed. by E. Bretschneider, London 1887, v. I, p. 311—312. К сожалению, нашими востоковедами

Известно также, что восставали волжские болгары. Рашид-ад-Дин сообщает, что первоначально после разорения их земли «пришли тамошние вожди Баян и Джику, изъявили [монгольским] царевичам покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно, [но потом] опять возмутились». Для их усмирения вторично посылалось войско Субэдея [1].

Боролись и народы Средней Азии. В 1238 г. в Бухаре и её округе вспыхнуло восстание, которое возглавил ремесленник по выделке сит Махмуд Тараби [2]. Оно было направлено против монгольских властей и их приспешников из местной знати. Из сообщений Джувейни, с нескрываемой враждебностью описавшего это восстание, узнаём, что в Бухаре «все мужское население присоединилось к Махмуду», что «большую часть вельмож и людей именитых подверг он оскорблению и обесчестил; некоторых он убил, другая часть бежала. Простому народу и бродягам наоборот выказал расположение».

В речи к народу Махмуд призывал: «Пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин». Народ захватил в домах богатых палатки, шатры и т. п.

Эмиры и садры бежали в Кермине и «собрали всех монголов, которые находились в окрестности, там из всего, что у них имелось, они составили войско» и направились к Бухаре. Махмуд «вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны». Тараби и его сподвижник Махбуби, «ученый человек, известный и прославленный за свои качества», были «в первых рядах без оружия и кольчуг». Они пали в бою.

Восставший народ нанёс поражение врагу. Крестьянское «население окрестных рустаков вышло из своих деревень и, забрав с собой лопаты и топоры», присоединилось

ещё недостаточно проанализированы сообщения китайских, арабских и персидских источников о борьбе народов Европы и Азии с татаро-монгольским нашествием.

[1] См. *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. II, стр. 35. Не прекратили борьбы и саксины. (См. *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 36; *T. Lewicki.* Ze studiów nad źródłami arabskimi — «Slavia Antiqua», t. III, Poznań 1952).

[2] См. *А. Ю. Якубовский.* Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии) — «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XVII, М. — Л. 1936, стр. 121—125.

к восставшим. Они убивали «всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей». Восставшие дошли до Кермине. Было уничтожено свыше 10 тыс. монгольских воинов. Монгольские власти спешно двинули новое большое войско, которое разбило повстанцев и подавило движение.

Не покорились и другие народы. В 1254 г. вспыхнуло новое восстание киргизов, и монгольские ханы были вынуждены двинуть на Енисей 20-тысячное войско [1].

Фактически не подчинялись монгольским феодалам в это время и народы Северного Кавказа. В середине 40-х годов XIII в. Плано Карпини в числе земель, «доселе еще не подчинившихся татарам», называл и «некую часть аланов»; он же сообщал, что татаро-монголы уже в течение 12 лет ведут осаду «одной горы в земле аланов», которые, мужественно сопротивляясь, «убили многих татар и притом вельмож» [2]. Посол французского короля Рубруквис в 50-х годах отметил, что земля черкесов «не повинуется татарам», что лезги и аланы также не покорены татаро-монголами и что на борьбу с ними была отвлечена одна пятая часть войск хана Сартака [3].

Население Крыма также вело с захватчиками борьбу, которая завершилась их изгнанием из Сурожа и его окрестностей. Современник-сурожанин отметил это событие: «В тот же день (27 апреля 1249 г.) очищено от татар все... и счел севаст (правитель) народ... и праздновал торжественно» [4]. Вполне естественно предположить, что уход захватчиков был вызван народным восстанием [5]. В последующее время зависимость Сурожа от ханов ограничивалась уплатой дани.

Следовательно, в то время, когда монгольские феодалы осуществляли свой поход в Европу и позднее наступали в Передней Азии, в их тылу продолжали освободительную борьбу народы нашей страны; эта борьба пред-

---

[1] По следам древних культур. От Волги до Тихого океана, стр. 224.

[2] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 36, 42.

[3] См. *Вильгельм де Рубрук.* Указ. соч., стр. 66, 88—89, 169; ср. Очерки истории СССР (IX—XV вв.), ч. II, стр. 739.

[4] «Записки Одесского Общества истории и древностей», т. V, стр. 611, заметка № 104.

[5] См. *С. Секиринский.* Очерки истории Сурожа IX—XV веков, Симферополь 1955, стр. 21.

Битва под Легницей
(Миниатюра XV в.)

определила крах монгольского похода в Европу. Поэтому соседние нашей стране народы Восточной и Центральной Европы, хотя и испытали всю тяжесть монгольского нашествия, были избавлены от ещё более страшной опасности — многолетнего иноземного ига.

Татаро-монгольские полчища, которые после боёв на Руси вторглись на территорию других государств Восточной Европы, встретили мужественный отпор со стороны народов этих стран.

Напомним хорошо известные факты, которые не оставляют сомнений относительно героической борьбы народов Восточной и Центральной Европы. Польские историки полагают, что на Польшу были посланы примерно три тумена (30 тыс.) монгольских войск во главе с Байдаром и Орду[1]. С первых же шагов захватчики натолкнулись на сопротивление польского народа; об этом свидетельствует разорение врагом Люблина и

[1] *K. Pieradzka.* Bitwa pod Legnicą (1241), Warszawa 1948.

Завихоста, отказавшихся признать его власть. Затем пал Сандомир (13 февраля 1241 г.). Занятые города, как и на Руси, разорялись захватчиками; не успевшее скрыться население либо истреблялось, либо угонялось в рабство.

Прикрывая надвислянский путь к столице — Кракову, польские войска нанесли захватчикам удары под Хмельником (18 марта) и Торчком (19 марта), где сражались краковчане во главе с воеводой Владиславом Клеменсом и сандомирцы, предводительствуемые воеводой Пакославом и кастеляном Якубом Ратиборовичем. На пути к Кракову пали города Поланец и Вишлица. Горожане мужественно обороняли Краков. Краков пал 22 марта после кровопролитной битвы. Некоторые укрепления враги не смогли захватить: по преданию, устоял собор св. Андрея, в котором оборонялась горстка храбрецов. Этот собор, стоящий неподалеку от замка Вавеля, сохранился поныне.

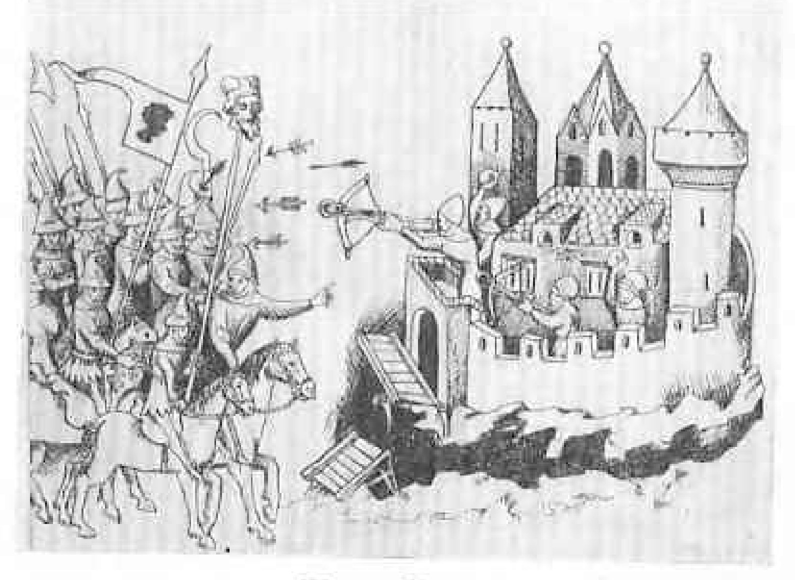
Разорение Малой Польши вызвало тревогу в других землях. Так, князь Генрих Благочестивый призвал жителей Шлёнской земли к обороне, — во Вроцлав начали стекаться со всех сторон рыцари (в их числе и небольшой отряд немецких), лучники, крестьяне, холопы. Князь обратился за помощью в Чехию. Чешский король Вацлав I обещал прислать войска. В ночь на 1 апреля силы монгольского воеводы Бахату подошли к Вроцлаву, но горожане оказали ему стойкое сопротивление [1]. Враг был вынужден оставить Вроцлав в своём тылу. Отдельные монгольские отряды проникли в Мазовию и Куявию.

Польское войско Генриха, двигавшееся на соединение с чешскими силами, 9 апреля приняло бой с захватчиками к югу от Легницы. Несмотря на отважное сопротивление, оно потерпело поражение. Погибло много воинов; в битве пал и князь Генрих.

Чешское войско, собранное со всей страны, насчитывало до 40 тыс. человек. Оно двигалось на соединение с польскими силами и 9 апреля находилось на расстоянии однодневного перехода от Легницы. В самой Чехии проводилась деятельная подготовка к обороне: укреплялись города, собирались запасы продовольствия. Однако далее на запад монгольские воеводы не пошли. Они по-

---

[1] Ныне на вроцлавском острове Тумском ведутся археологические раскопки; обнаружен слой золы огромного пожарища.

Оборона Легницы

(Миниатюра XV в.)

пытались взять Легницу, но горожане не пали духом, узнав об исходе битвы под городом, и отразили натиск врага. Захватчики отошли к Одмухову. Пробыв в Нижнем Шлёнске две недели, они отправились под Ратибож, жители которого также отбили их приступ. По распоряжению Батыя, который с главными силами находился в Венгрии, монгольская рать была оттянута из Польши и в начале мая 1241 г. вторглась в Моравию.

Польский народ, героически защищавший свою землю, сумел отстоять некоторые крупные города и нанёс врагу немалый урон. Из числа татаро-монголов, двинувшихся вглубь Европы, «многие были убиты в Польше и Венгрии» [1], сообщал папский посол Плано Карпини.

Венгерский король Бела IV был хорошо осведомлён о положении к востоку от границ его страны. Русские князья, узнав о наступлении монгольских войск, не раз

[1] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 25.

предлагали ему заключить военный союз, но он отверг предложения и черниговского князя Михаила [1] и галицко-волынского князя Даниила [2]. Так распри правителей затрудняли народам борьбу за независимость.

Впрочем, не меньше мешали распри феодалов внутри страны. В Венгрии это сказалось с полной силой. Король, ища средств обуздать непокорную знать, дал убежище 40-тысячному половецкому войску хана Котяна, ушедшему от татаро-монголов. Позднее, когда Венгрия попала под удар врага, местная знать с помощью заговора добилась убийства Котяна и его приближённых; мятеж возмущённых половцев, ушедших за Дунай, ослабил оборону страны.

На венгерской земле враг также сразу встретил мужественное сопротивление: в начале марта в проходах Карпат погибли вооружённые заставы венгров и русинов, преградившие путь захватчикам. Монгольские рати хлынули в Венгрию, летучие отряды жгли селения, убивали народ. По всей стране был объявлен сбор войска.

Король, собирая силы из разных городов — Секешфехерваара, Эстергома и др., двинулся к Пешту; сюда же привёл хорватское войско герцог Коломан. Монгольские рати, встретив ожесточённое сопротивление горожан, разорили Ерлау и Кёвешд. В начале апреля 60-тысячное войско Белы IV выступило из Пешта. Передовые монгольские рати отступили. Королевское войско подошло к реке Сайо, где встретилось с неприятелем и встало укреплённым лагерем. Двинутые Батыем рати с севера (Шибана и Бахату) и с юга (Бурундая и Субэдея) не смогли нанести внезапного удара: русский перебежчик из монгольского лагеря известил венгров об опасности. Венгерские силы, предводительствуемые хорватским герцогом Коломаном, мужественно отразили первый натиск врага и упорно сопротивлялись в двухчасовом сражении к северу от лагеря. Однако нестойкость венгерской знати, враждебной королю, была одной из важнейших причин поражения венгерского войска в происшедшей 11 апреля 1241 г. битве при Сайо [3]. Но всё же часть венгерского

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 783.

[2] Там же, стб. 787.

[3] См. *Thomas* arhidiaconus. Historia Salonitana в книге Monumenta spectantia Historiam Slavorum Meridionalium, vol. XXVI; Scriptores, vol. III, ed. F. Rački, Zagrabiae 1894, p. 159, 160, 161—163.

Столкновение татаро-монгольских войск с венгерскими
(Миниатюра)

войска сумела вырваться из окружения. После этой битвы двухдневный путь отступления венгерских войск к Пешту был, по словам хрониста, устлан телами убитых [1].

И в Венгрии происходило то же, что и в других странах: простой народ защищал свои города даже вопреки распоряжениям правителей. Коломан, отступавший с войсками через Пешт, советовал горожанам не сопротивляться. Однако народ решил обороняться. Строительство укреплений не было завершено, когда враг осадил Пешт, но горожане три дня защищали город, который пал после жестокого штурма и подвергся варварскому разорению. О нём с ужасом сообщают тогдашние хронисты, приводя свидетельства очевидцев массовых убийств горожан.

После упорных боёв войскам Кадана удалось захватить Варадин, Арад, Перг, Егрес, Темешваар. О борьбе

---

[1] Rogerii Carmen miserabile super destructione regni Hungariae etc. в книге Scriptores Rerum Hungaricarum, ed. E. Szentpétery, vol. II, Budapestini 1938, p. 569—571, 576—580.

венгерского народа сохранились многие местные предания и легенды. Одна из таких легенд связана с обороной города Варадина, который был разрушен захватчиками. По преданию, под этим городом якобы погиб сам Бату. Это предание около середины XV в. стало известно русским книжникам и отразилось в широко распространённой на Руси «Повести об убиении Батыя» [1].

Завоевание татаро-монгольскими войсками Руси, опустошение Польши, Венгрии и других земель вызвало панику в Европе; страшные вести о монгольском разорении проникли через Германию во Францию и Англию. Германский император Фридрих II писал английскому королю Генриху III о падении Киева — столицы «благородной страны». По сообщению английского хрониста Матвея Парижского, из страха перед монголами на время прервалась даже торговля Англии с континентом.

Некоторые зарубежные историки пытаются утверждать, что западноевропейские правители, включая папу, в трогательном единодушии, прилагали немалые усилия, чтобы помочь государствам, попавшим под удар монгольских захватчиков.

Факты, однако, говорят об ином.

Например, венгерский король неоднократно обращался с призывом о помощи к западноевропейским государствам и папской курии [2]. Ближайшие соседи — Венеция и Австрия — не помогли ему. Более того, венецианский хронист Андрей Дондоло писал: «Лишь принимая во внимание христианскую веру, венецианцы не причинили тогда королю вреда, хотя очень многое могли против него предпринять». Помощи отсюда ждать не приходилось. Другого соседа Венгрии — австрийского герцога Фридриха — не смутила и «христианская вера»: в разгар монгольского нашествия (в апреле 1241 г.) он двинул свои войска против Венгрии, намереваясь захватить часть её территории (Рааб и др.); однако, это предприятие кончилось неудачей: восставшее венгерское население прогнало захватчиков.

---

[1] См. *С. П. Розанов.* Повесть об убиении Батыя — ИОРЯС АН, т. XXI, кн. 1, Пгр. 1916, стр. 109—142.

[2] См. *E. Ledererová.* Úloha cirkvi v Uhorsku za Arpádovcov — сб. «Kapitoly z uhorských dejín», Bratislava 1952, str. 53—54.

Папская курия и германский император Фридрих II много толковали о важности борьбы с монгольским нашествием и общего мира в Европе, но сами продолжали кровопролитную междоусобную войну и активно поддерживали государства (Орден, Швецию, Данию), грозившие независимости Руси, Польши, Восточной Прибалтики. Не случайно Плано Карпини следующим образом объяснял причину, по которой он старался предотвратить тогда присылку монгольских послов в Европу: «...Мы опасались, — пишет он, — что, при виде существовавших между нами раздоров и войн, они (монголы) еще более воодушевятся к походу против нас» [1].

В апреле 1241 г. монгольские рати с кровопролитными боями прошли левобережную Венгрию. Отряды татаро-монголов опустошили земли Буковины, Молдавии, Румынии. Была разорена Словакия, находившаяся под властью Венгрии; пали горные города Банска Штявница, Пуканец, Крупина. Но словацкие горожане и окрестные крестьяне сумели отстоять от врага Братиславу, Комарно, Тренчин, Нитру.

Продолжались сражения в Чехии, куда враг отошёл из Польши в начале мая. Здесь после упорных боёв пали города Опава, Бенешев, Пржеров, Литовел, Евичко, были разорены Градищенский и Оломоуцкий монастыри. Но чешский народ тоже нанёс врагу тяжёлые удары и отстоял такие города, как Оломоуц, Брно, Уничев и др. [2] Неся большие потери и видя, что в этом районе продвинуться на запад также не удастся, Батый распорядился оттянуть войско из Чехии, чтобы собрать все силы в Венгрии, где татаро-монголы зимой 1241 г. перешли Дунай. Вскоре они осадили Гран — столицу государства. Город был хорошо укреплён стенами и башнями, в нём стоял сильный гарнизон и укрылось много окрестных жителей. Монгольские воеводы согнали пленных засыпать ров песком, и из 20 осадных машин днём и ночью метали камни, разрушая укрепления. Горожане сопротивлялись

---

[1] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 59.

[2] *F. Palacký.* Dějiny Národu Českého, Praha 1907, str. 145—146 (Poznámky, Praha 1908, str. 53—54); ср. *V. Novotný.* České Dějiny, Praha 1928, str. 715—748, 1005—1009. Не входя в рассмотрение аргументации автора, отмечу лишь, что его исходные позиции не представляются мне правильными.

до конца, а когда падение города стало неизбежным, решили ничего не дать врагу: сожгли товары, зарыли драгоценности, перебили лошадей. После уличных боёв и уничтожения отрядов, оборонявшихся в храмах, город пал, а защитники его были перебиты. Монгольским войскам, несмотря на их многочисленность, не удалось захватить Секешфехерваар, монастырь св. Мартина и некоторые другие крепости.

Монгольские воеводы пытались превратить венгерскую равнину, подобно Муганской степи, в кормовую базу своей конницы в Европе, но из этого ничего не получилось: под ударами со всех сторон слабело монгольское войско.

Венгерский народ непреклонно боролся с монгольскими захватчиками. Скрываясь в лесах и пещерах, крестьяне вели партизанскую войну. Сохранилось известие о крестьянском отряде в Чернхазе, который возглавляла девушка по прозванию Прекрасная Ланка. Когда весь её отряд был перебит, она, чтобы не попасть в руки врагов, бросилась на остриё меча. Мстя крестьянам, захватчики уничтожили все их сёла. Не имевшие оружия крестьяне преграждали путь монгольской коннице, втыкая в землю косы остриём вверх. Сохранились сведения о мужественной борьбе крестьян и горожан в разных частях страны [1].

На венгерской земле татаро-монголы понесли большие потери. Папский посол Плано Карпини видел в ставке великого хана Гуюка особое кладбище, «на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие» [2].

Неся разорение, захватчики продвигались далее, но всё чаще они оказывались бессильны перед сопротивлением народов. Правда, в Хорватии им удалось разорить Загреб, на побережье — Свач, Дривасто (близ города Скадар), сжечь часть Катарро. Известно однако, что горожане Клисса отбили натиск войск Кадана, сбрасывая на врага каменные глыбы; захватчики не рискнули напасть на хорошо укреплённый Спалато; неприступным

---

[1] См. *М. А. Павлушкова.* Аннотация на статью Э. Ледерер. Международные отношения в период татарского нашествия — «Средние века», т. V, 1954, стр. 408.

[2] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 12.

для них оказался и Трава (март 1242 г.), устояла Рагуза [1].

И в Хорватии, и в Словении, и на Далматинском побережье, а также в Боснии, Сербии и Болгарии враг постоянно сталкивался с ожесточённой борьбой народов (тяжёлые удары были нанесены ему в Приморье, в словенских горах, в Болгарии) как во время продвижения вперёд, так и после начавшегося весной 1242 г. поспешного отступления.

Наступление, начатое от Нижнего Поволжья, окончательно захлебнулось на Далматинском побережье, у границ Италии. Поход на Европу сорвался.

Факты красноречиво свидетельствуют о том патриотическом вкладе, который внесли народы Восточной и Центральной Европы в общее дело борьбы с монгольским нашествием, в защиту европейской культуры.

Только пренебрегая истиной, можно говорить, что монгольские захватчики не угрожали европейской цивилизации в целом.

Земли Восточной Европы, особенно польская и венгерская, тяжело пострадали от монгольского нашествия: погибло множество людей, были сожжены и разрушены многие крупные города, сёла и деревни, монастыри и храмы. В суровой борьбе народы отстояли свою независимость.

Многие жители стран Восточной Европы были угнаны в монгольское рабство. Плано Карпини видел в ставке великого хана «многих русских и венгров» [2]. Рубруквис свидетельствует, что в Каракоруме было «большое количество (пленных) христиан: венгерцев, аланов, русских, георгианов (грузин) и армян» [3]; там же он встретил простую женщину по имени Пакетта, захваченную в плен в Венгрии. В Каракоруме она вышла замуж за русского плотника. «Эта женщина рассказала нам, — пишет Рубруквис, — про неслыханные лишения», которые вынесла раньше, чем попала в далёкий Каракорум [4].

---

[1] См. *I. Kukuljević — Sakcinski.* Op. cit., str. 10—53; *L. Szalay.* Geschichte Ungarns, Bd II, Pest 1869, S. 46, 48, 60; *C. Jireček.* Geschichte der Serben, Bd I, Gotha 1911, S. 308; см. также Историја народа Југославије, кн. 1, Београд 1953, стр. 338, 633.

[2] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 57.

[3] *Вильгельм де Рубрук.* Указ. соч., стр. 142.

[4] Там же, стр. 122.

Характерно, что даже пленные рабы разных национальностей вели стихийную борьбу с врагом. Рубруквис сообщает, что когда он ехал из ставки Сартака в ставку Батыя за Волгой, то узнал, что «русские, венгры и аланы, рабы их (татар), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днём они скрываются, а, когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть» [1]. Красноречивое свидетельство!

Завоёванные народы не покорились, и вскоре их восстания потрясли мощь Монгольской державы.

---

[1] *Вильгельм де Рубрук.* Указ. соч., стр. 95.

Глава седьмая

РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ РУССКОГО НАРОДА НАД ШВЕДСКИМИ И НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ (1240, 1242 гг.)

Положение в Северо-западной Руси было тревожное. Русскую землю опустошали татаро-монголы, а на северо-западные границы Новгородско-Псковской земли стягивались силы немецких, шведских и датских феодалов. В то же время Литовское великое княжество пыталось захватить уцелевшие от татаро-монгольского разорения земли Полоцко-Минской Руси и Смоленска.

В этот трудный момент новгородский князь Александр и его отец Ярослав Всеволодович, ставший после гибели князя Юрия на Сити владимиро-суздальским князем, приняли ряд срочных мер по укреплению западных границ Руси. Прежде всего нужно было защитить Смоленск, где обосновался литовский князь. В 1239 г. он был изгнан русскими войсками, и смоленский княжеский стол занял суздальский ставленник [1].

Тогда же по распоряжению князя Александра новгородцы соорудили укрепления на рѐке Шелони [2], вдоль которой проходил в Новгород путь с запада.

Наконец, были упрочены политические связи Владимиро-Суздальской земли с Полоцком. Выражением их явился брак князя Александра Ярославича с дочерью полоцкого князя; политическое значение этого брака было подчёркнуто тем, что он был отпразднован в

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 144; ср. НПЛ, стр. 67.
[2] НПЛ, стр. 77.

Торопце — опорном пункте обороны от литовских феодалов. Все эти военные и дипломатические меры принесли свои результаты: в течение ближайших лет войска Литовского княжества не нарушали русских границ.

Иначе сложились дела на северо-западной границе. Немецкие крестоносцы готовили решительное вторжение на Русскую землю. Опасность особенно усугублялась тем, что на этот раз в походе участвовала также и Швеция. Шведские феодалы первыми двинулись в наступление на Русь.

Видимо, в эти годы новгородское правительство приняло некоторые меры по восстановлению своих позиций в земле еми, а также и в земле суми. Такой вывод можно сделать из содержания буллы папы Григория IX, отправленной в 1237 г. главе шведской церкви архиепископу упсальскому. «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма, — писал папа, — народ, называемый тавастами (т. е. финнами), который когда-то большим трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей снова обращен к заблуждению старой веры и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола, совершенно уничтожает молодое насаждение церкви божией в Тавастии»[1]. Григорий IX призывал шведских феодалов с оружием в руках выступить против финнов. «Яростью этих язычников, — писал папа, — владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи бога и апостолического престола». Очевидно, восстание в финской земле приобрело широкий размах, привело к изгнанию шведских феодалов и к восстановлению политических связей еми с Новгородом.

Из этой буллы следует, что неудачи шведских феодалов в земле финнов папа объяснял вмешательством русских («близких соседей»), причём неудачи эти были так велики, что папская курия провозгласила крестовый поход и против финнов и против русских. Как видим, положение здесь было сходно с положением в земле лат-

[1] «Finland Medeltidsurkunder, t. I, Helsingfors 1910, № 82; *И. П. Шаскольский.* Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой — «Военно-исторический журнал» № 7, 1940 г., стр. 94.

галов и эстов. Папская булла, поскольку она основана на информации из Швеции, правильно передаёт сложившееся при королевском дворе убеждение, что шведские позиции в земле финнов и в Финском заливе не могут быть упрочены до тех пор, пока не будет подчинена не только земля еми, но и сама Новгородская Русь. Активным проводником агрессивной политики папской курии на финской земле был английский доминиканец, упсальский каноник (священник) епископ Томас.

Следовательно, папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь не только с запада, где она в 1237 г. содействовала объединению сил ливонских, прусских и датских крестоносцев, но и с севера, поддерживая организацию крупного наступления шведских феодалов [1]. Шведское правительство решило направить экспедицию не столько против еми, сколько против Новгородской Руси. Целью похода был захват Невы и Ладоги, а в случае полной удачи — Новгорода и всей Новгородской земли. Захватом Невы и Ладоги можно было достигнуть сразу двух целей: во-первых, финские земли отрезались от Руси, а, лишённые русской поддержки, они легко могли стать добычей шведских феодалов; во-вторых, с захватом Невы в руках Швеции оказывался единственный для Новгорода (и для всей Руси) выход к Балтийскому морю, т. е. вся внешняя торговля Руси на северо-западе должна была попасть под шведский контроль.

Едва ли можно сомневаться в том, что выступление шведских феодалов было согласовано с действиями ливонских феодалов, которые в 1240 г. предприняли наступление на Изборск и Псков, причём вопреки традиции не зимой, а летом.

Для похода на Русь шведское правительство короля Эриха Картавого выделило значительное войско под предводительством ярла (князя) Ульфа Фаси [2] и зятя короля — Биргера. Охотников поживиться русскими

---

[1] *В. Т. Пашуто.* О политике папской курии на Руси (XIII век), стр. 52—76; *И. П. Шаскольский.* Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси, стр. 169—188.

[2] Ср. *И. П. Шаскольский.* Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь — «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии», т. VIII, № 3, 1951 г., стр. 267—276.

землями, уцелевшими после нашествия татаро-монголов, нашлось немало: шли шведские духовные и светские рыцари-феодалы, искавшие в грабительском походе средств поправить свои дела, спешившие туда, где, казалось, можно было поживиться без особого риска. Грабительский смысл похода прикрывался разговорами о необходимости распространить среди русских «истинное христианство» — католичество. К походу были привлечены также вспомогательные финские отряды из покорённых частей земель еми и суми.

Князь Александр Ярославич ещё в 1239 г. позаботился об охране не только западных, но и северных границ, установив тщательную охрану залива и Невы. Здесь были низменные, сырые лесистые земли, места были труднопроходимые, и пути шли только вдоль рек. В районе Невы, к югу от неё, между Вотьской (с запада) и Лопской (с востока) новгородскими волостями находилась Ижорская земля. Здесь жил небольшой народ — ижоряне, его социальная верхушка уже владела землёй и приняла христианство, тогда как основная масса населения оставалась языческой [1]. В частности «старейшина в земле Ижерьской» по имени Пелгусий крестился, приняв имя Филиппа. В Ижорской земле имелся специальный тиун, поставленный Новгородом [2]. Старейшине Пелгусию князь Александр поручил «стражу морскую», т. е. охрану путей к Новгороду с моря; видимо, охрана стояла по обоим берегам залива.

Описание прихода шведских войск и их разгрома составил современник, вероятно дружинник, князя Александра. Позднее митрополит Кирилл включил это описание в «Житие» Александра Невского [3].

О себе автор говорил как о «самовидце» событий, включённых в описание. Кроме того, он использовал факты, которые слышал «от отець своих». Вот что узнаём мы из его рассказа.

Однажды на рассвете июльского дня 1240 г., когда Пелгусий был в дозоре на берегу Финского залива, он вдруг увидел шведские корабли «многы зело», посланные

---

[1] НПЛ, стр. 292.

[2] См. *И. Е. Андреевский.* Указ. соч., стр. 23, прим. 80.

[3] Ср. *Д. С. Лихачев.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского — «Труды отдела древнерусской литературы», V, стр. 36—56.

в поход королём, который собрал множество воинов: шведских рыцарей с князем и епископами своими, «мурманов» и финнов. Пелгусий спешно направился в Новгород и сообщил князю о виденном. Шведская флотилия тем временем прошла по Неве до устья Ижоры. Здесь было решено сделать временную остановку; очевидно, часть судов вошла в устье Ижоры, а большая часть причалила к берегу Невы, вдоль которого предстояло плыть.

С причаливших судов были переброшены мостки, на берег сошла шведская знать, в том числе Биргер и Ульф Фаси в сопровождении епископов, среди которых был Томас; за ними высадились рыцари. Слуги Биргера раскинули для него большой шитый золотом шатёр. Биргер не сомневался в успехе. В самом деле, положение Новгорода было тяжёлое: помощи ждать было неоткуда, татаро-монгольские захватчики опустошили Северо-восточную Русь. Шведский полководец, «шатаяся (кичась) безумием своим, хотяще восприяти Ладогу, такоже и Новоград и всю область Новгородскую», отправил посла в Новгород, веля передать князю: «Аще можеши противитися мне, королеве, то се уже есмь зде и пленю землю твою». Видимо, он не ждал сопротивления, считая, что без владимирских полков Новгород ему не страшен. Однако Биргер просчитался.

Князь Александр собрал на Софийской площади в Новгороде свою дружину, «укрепил» её речью [1] и принял решение быстро выступить на врага. Кроме дружины он успел взять в поход лишь часть ополчения новгородцев-горожан: «Мнози новгородци не совокупилеся бяху, понеже ускоре князь поити» [2]. Войско выступило из Новгорода и двинулось к Ижоре; шли вдоль Волхова до Ладоги, где присоединился отряд ладожан [3]. Вполне вероятно, что и ижоряне участвовали в походе. К утру 15 июля всё войско подошло к Ижоре.

То, что Александр Ярославич ускорил выступление войск, объясняется, конечно, желанием, во-первых, нанести удар шведским феодалам неожиданно и, во-вторых, именно на Ижоре и Неве. Из описания подвигов

---

[1] НПЛ, стр. 291.
[2] Там же, стр. 292.
[3] Там же, стр. 77.

русских воинов складывается общее представление о ходе битвы. Нужен был внезапный удар, потому что шведское войско было значительно многочисленнее русского; князь же имел небольшую дружину: «...иде на них в мале дружине» [1].

Александр исходил из того, что бóльшая часть неприятельских судов стояла у высокого и крутого берега Невы, значительная часть войска находилась на судах (остановка была временная), а рыцарская, наиболее боеспособная часть войска была на берегу. Конная дружина князя Александра, вероятно, должна была ударить вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно «пешь» новгородец по имени Миша (видимо, из простых людей, так как летописец не приводит его отчества), со своей дружиной [2] должен был наступать вдоль Невы и, тесня врагов, уничтожать мостки, соединявшие корабли с сушей, отрезая рыцарям, опрокинутым неожиданным ударом конницы, путь к отступлению и лишая их возможности получить помощь.

В случае успеха этого плана численное соотношение войск на суше должно было серьёзно измениться в пользу русских: двойным ударом вдоль Невы и Ижоры важнейшая часть вражеского войска оказывалась зажатой в угол, образуемый реками, в ходе боя пешая и конная русские рати, соединившись, должны были оттеснить врага к реке и сбросить его в воду.

Русские войска внезапно обрушились на шведский лагерь [3]. Летописец не оставил описания хода боя, но сообщил о наиболее выдающихся подвигах русских людей. Так, он говорит о важном эпизоде боя, когда князь Александр, пробившись в центр расположения шведских войск, сразился с Биргером и тяжело ранил его копьём: «...возложи [ему] печать на лице острым своим копием». Летописец сообщает, что молодой дружинник Савва «наихав шатор великый и златоверхый [и] подсече столп шатерный...». Падение шатра воодушевило русских воинов: русские полки «видеша падение шатра, и возрадовашася».

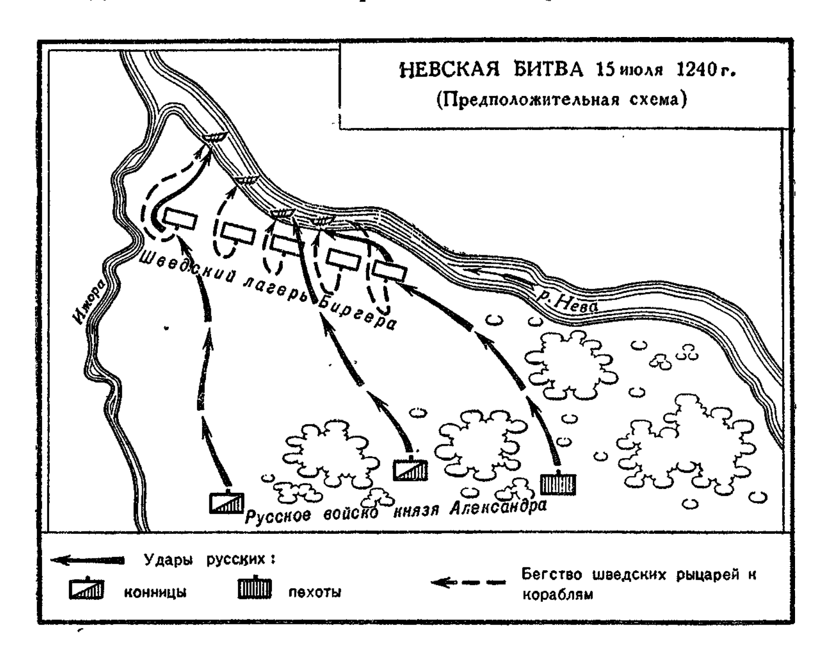
Говорит очевидец и об успешных действиях новгородского пешего ополчения, которое, продвигаясь вдоль бе-

---

[1] НПЛ, стр. 291.
[2] Там же, стр. 293.
[3] Там же.

рега Невы, не только рубило мостки, отбиваясь от шведов с суши и реки, но даже захватило и уничтожило три шнеки: «наскочи, погуби три корабли...».

Дружинник Гаврила Олексич, преследуя бежавших шведского епископа и королевича, которые «втекоша пред

ним в корабль», ворвался на коне вслед за ними по сходням: «изоиха по д[о]ске до самого корабля, по ней же схожаху». Произошёл беспримерный бой. Шведам удалось сбросить Гаврилу Олексича в воду («свергоша его с конем с д[о]ске в море»), но он сумел быстро выбраться «и опять наиха и бися крепко с самым воеводою посреде полку их». Он убил шведского воеводу и епископа.

Бой шёл жестокий. Русские воины были «страшны в ярости мужества своего», а талантливый полководец Александр Ярославич сумел уверенно направить их на врага, «и бе мужство их с княземь крепко».

Автор отметил подвиги ещё нескольких воинов: новгородца Сбыслава Якуновича, который «наихавше [на шведов] многажды биашеся единым топором, не имея

страха в сердци; и паде неколико от рукы его»; княжеского ловчего, полоцкого уроженца Якова, который «наихав на [шведский] полк с мечем, и мужествовав много, и похвали его князь»; княжеского слуги Ратмира, который «бися пешь, и оступиша его мнози [шведы]» и после яростного боя «от многых ран падшю, и тако скончася».

Так геройски сражались мужественные русские люди на рубеже Родины, отстаивая от врага Северо-западную Русь, уцелевшую от татарских полчищ, в то время как на большей части Русской земли дымились развалины городов, сёл и слобод.

Бой, проведённый в стремительном темпе, принёс блестящую победу русскому войску. Бесславно, в панике бежали шведские захватчики («посрамлени отъидоша») «и множество много их паде». Русские войска, собрав трупы наиболее знатных рыцарей, «накладше корабля два» и «пустиша и [их] к морю...» и «потопишася [они] на море»; прочих же, что навеки остались на русском берегу, «ископавше яму, вметаша [их] в ню бещисла».

Руководство талантливого и храброго полководца Александра Ярославича в сочетании с изумительным геройством и самоотверженностью простых русских воинов обеспечили быструю и славную победу при наименьших потерях со стороны русских. Новгородцев и ладожан пало около 20 человек. За мужество, проявленное в битве, народ прозвал князя Александра Ярославича «Невским».

Борьба за устье Невы была борьбой Руси за сохранение выхода к морю. Русский народ на пути своего развития в великую нацию не мог быть изолированным от морей. Борьба за свободный выход России к Балтийскому морю в форме решительных военных столкновений началась именно в XIII в. [1]

Невская битва была важным этапом этой борьбы. Победа русского войска, предводительствуемого нашим великим предком Александром Невским, предотвратила потерю берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси, не дала прервать её торговый обмен с другими странами и тем самым облегчила дальнейшую борьбу русского народа за независимость, за свержение татаро-монгольского ига.

---

[1] См. *М. Н. Тихомиров.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв., М. 1941.

Наш народ до начала XVII в. успешно оборонял Неву. Временный захват её Швецией кончился для последней крахом. Разбитая Россией при Петре I, Швеция потеряла значение крупной державы. Считая себя прямым продолжателем дела Александра Невского, Пётр I приказал перевезти прах Александра Ярославича в основанный им Петербург.

Победа над шведскими захватчиками была, однако, лишь частью великого дела обороны Родины. В том же 1240 г. немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии, в том числе и из Отепяа, Тарту, Вильянди, а также датские рыцари из Ревеля[1] захватили русскую крепость Изборск. Когда об этом стало известно в Пскове, местное ополчение, в которое вошли «всии до души» боеспособные псковичи, выступило против рыцарей; однако псковичи были разбиты превосходящими силами противника. В неравном бою пал и княжеский воевода во Пскове.

Ливонцы же «пригонивше под город (Псков), и зажгоша посад в[е]сь; и много зла бысть: и погореша церк[в]ы и честныя иконы и книгы... и много сел попустиша» близ города. Немецкие войска целую неделю осаждали Псков, однако взять силой его не смогли. Если бы не бояре-изменники, захватчики так и не взяли бы город, который в своей истории выдержал 26 осад и ни разу не открыл ворот врагу[2]. Даже немецкий хронист, сам человек военный, считал, что псковская крепость, при условии единства её защитников, неприступна[3]. Пронемецкая группировка среди псковских бояр существовала давно. Она отмечена в летописи ещё в 1228 г., когда бояреизменники заключили союз с Ригой, но затем эта группа держалась в тени, имея в числе своих сторонников и посадника Твердилу Иванковича. После поражения псковских войск и гибели княжеского воеводы эти бояре, что «перевет держаче с немци», сперва добились того, что Псков выдал крестоносцам в залог детей местной знати, затем некоторое время прошло «без мира», и, наконец, боярин Твердило и другие «подвели» рыцарей во Псков.

Опираясь на немецкий гарнизон, изменник Твердило «сам поча владети Пльсковомь с немци...»[4]. Власть его

---

[1] LR, S. 48.
[2] См. *С. А. Тараканова.* Древний Псков, М.—Л. 1946, стр. 28.
[3] LR, S. 177.
[4] НПЛ, стр. 77.

была только видимостью, на деле весь государственный аппарат прибрали к рукам немцы, которыми, в частности, «тиуни (т. е. фогты — судьи) у них (псковичей) посажени [были] судить»[1]. Бояре, не согласившиеся на измену, бежали с жёнами и детьми в Новгород. Твердило и его сторонники помогали немецким захватчикам, «воюя села новгородьская». Таким образом, они предали Русскую землю врагу, а русских людей, трудящийся народ, населявший города и сёла, подвергли ограблению и разорению, надев на него ярмо немецкого феодального гнёта.

Положение сложилось опасное, и меры для обороны нужны были срочные и решительные. Князь Александр Ярославич, не рассчитывая на большую помощь из недавно разорённой татаро-монголами Владимиро-Суздальской Руси, вероятно, возложил на новгородское боярство крупные расходы по подготовке к войне и постарался (после Невской победы) упрочить свою власть в республике. Новгородское боярство, ставя собственные интересы выше интересов Родины, вступило с князем в конфликт, в результате которого зимой 1240 г. он с семьёй и двором уехал к отцу в Переяславль.

В начале 1241 г. рыцари начали всё чаще вторгаться в новгородские владения. Так, они вместе со вспомогательными отрядами эстов напали на землю води и обложили её данью; часть местной знати перешла на их сторону.

Крестоносцы поставили целью захватить не только землю води, но также побережье Невы и Карелию. Папская курия даже «передала» все эти земли под юрисдикцию эзельского епископа.

Тогда же захватчики построили в Копорском погосте укреплённый город. Летописец, сообщив об этом, добавляет, что «и не то бысть зло, но и Тесов (на реке Оредеж) взяша, и за 30 верст до Новгорода гоняшаяся, гость (купцов) биюче». Рыцари доходили также до Сабельского погоста, который лежал в 40 верстах от Новгорода. Следовательно, враг захватил обширную территорию в районе Изборск — Псков — Сабель — Тесов — Копорье. Видимо, в это время, когда в город из всех окрестных сёл и погостов сбегалось спасавшееся от грабителей население, в городе вспыхнуло народное движение, поддер-

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пгр. 1915, стр. 228; ср. LR, S. 50—51.

живавшее сторонников союза с владимиро-суздальскими князьями. Массы новгородских горожан, не желавшие в угоду корыстному боярству становиться рабами тевтонов, требовали организовать им отпор.

Новгородское вече отправило послов к Ярославу Всеволодовичу, и он отпустил к ним княжить своего сына Андрея. Но Андрей, не отличавшийся особыми способностями, не подходил для столь ответственного дела. Поэтому новгородцы, собравшись на вече и «сдумавше», послали к Ярославу Всеволодовичу епископа «с мужи» просить к себе Александра Ярославича. В это время немцы, собрав полки, а также кое-какие отряды из эстов и литовцев, продвигались вперёд. Они «поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати (пахать) по селом и нечимь...» [1]. Об этом сообщили послы Ярославу, и он удовлетворил их просьбу.

Приезду мужественного князя «ради быша новгородци» [2]. В том же году князь Александр, собрав войско из новгородцев, ладожан, а также карел и ижорян, выступил против крестоносцев. Неожиданным ударом русское войско выбило врага из Копорья [3]. Тогда же была освобождена от врагов земля води. Захваченных изменников из числа води и эстов, перешедших на службу к немецким феодалам, князь приказал казнить.

Решительные действия и мужество русских и союзных им полков принесли первый успех, но главное было впереди. Известие об успешных действиях русских войск против немецких захватчиков вызвало новый взрыв народных движений в земле эстов: в 1241 г. вспыхнуло восстание героических жителей Сааремаа [4]. Подготавливая контрнаступление на врага, Александр Невский обратился за помощью во Владимир, и князь Ярослав Всеволодович отправил ему на помощь свои вновь сформированные после татаро-монгольского погрома владимиро-суздальские «низовские» полки [5].

Со всеми объединёнными силами, которыми тогда располагала Русь, князь Александр Ярославич вступил

[1] НПЛ, стр. 78.

[2] Там же.

[3] См. «Житие Александра Невского», стр. 190.

[4] См. *Hermanni Wartberge.* Chronicon Livoniae — «Scriptores Rerum Prussicarum», t. II, Lpz. 1863, p. 38.

[5] НПЛ, стр. 78. Немецкая хроника сообщает, что Александр «приготовил свой народ» к борьбе, см. LR, S. 51.

в землю эстов; от действий его войска зависела судьба Русской земли. Начав наступление на землю эстов, Александр вдруг свернул ко Пскову. Неожиданно «изгоном» его полки освободили от захватчиков и предателей-бояр этот древний русский город. Пленных рыцарей и эстов князь «сковав» отправил в Новгород; псковские предатели, вероятно, разделили судьбу копорских. После освобождения Пскова Александр Ярославич повёл своё войско в землю эстов.

В это время, когда русское войско находилось на западном берегу Чудского озера, здесь, в районе селения Моосте, дозорный отряд во главе с Домашем Твердиславичем и Кербетом (один из «низовских» тверских воевод) разведал расположение основной массы немецких войск, завязал с ними бой, но был разбит; при этом враги убили «мужа честна» Домаша «и инех с нимь..., а инех руками изоимаша», остальные же «к князю прибегоша в полк» [1]. Приближалась решительная битва, которой искало русское войско и о которой с тревогой и надеждой думал народ и в Новгороде, и во Пскове, и в Ладоге, и в Москве, и в Твери, и во Владимире.

Что же сделал князь Александр? Он приказал своему войску отступить на лёд Чудского озера: «...князь же воспятися на озеро...» [2]. Чтобы понять этот шаг выдающегося полководца, необходимо сказать несколько слов о военной организации Ордена.

В средние века ядро армии состояло из феодалов-рыцарей, которые сражались каждый в одиночку и в любой момент, из страха или в погоне за добычей, могли оставить поле боя. Крестовые походы достаточно ясно обнаружили слабость рыцарских войск; нужда в постоянном войске для осуществления непрерывных захватов привела к созданию рыцарских орденов.

Орден являлся более или менее стройной военной организацией, с известной дисциплиной и т. п. Вступая в орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Уставы орденов — тевтонов, темплиеров и иоаннитов — тщательно регламентировали поведение рыцарей в походе и бою: орденские заправилы слишком хорошо знали своих «братьев», которые и в составе ордена

---

[1] НПЛ, стр. 78.
[2] Там же.

Войско Александра Невского на льду Чудского озера
(Миниатюра XVI в.)

мало чем отличались от разбойников. Организаторам Ордена меченосцев удалось создать по тому времени достаточно дисциплинированное, отлично вооружённое войско.

Учёные полагают, что конные рыцари применяли особый строй войска в виде клина или трапеции; этот строй наши летописи называли «свиньёй».

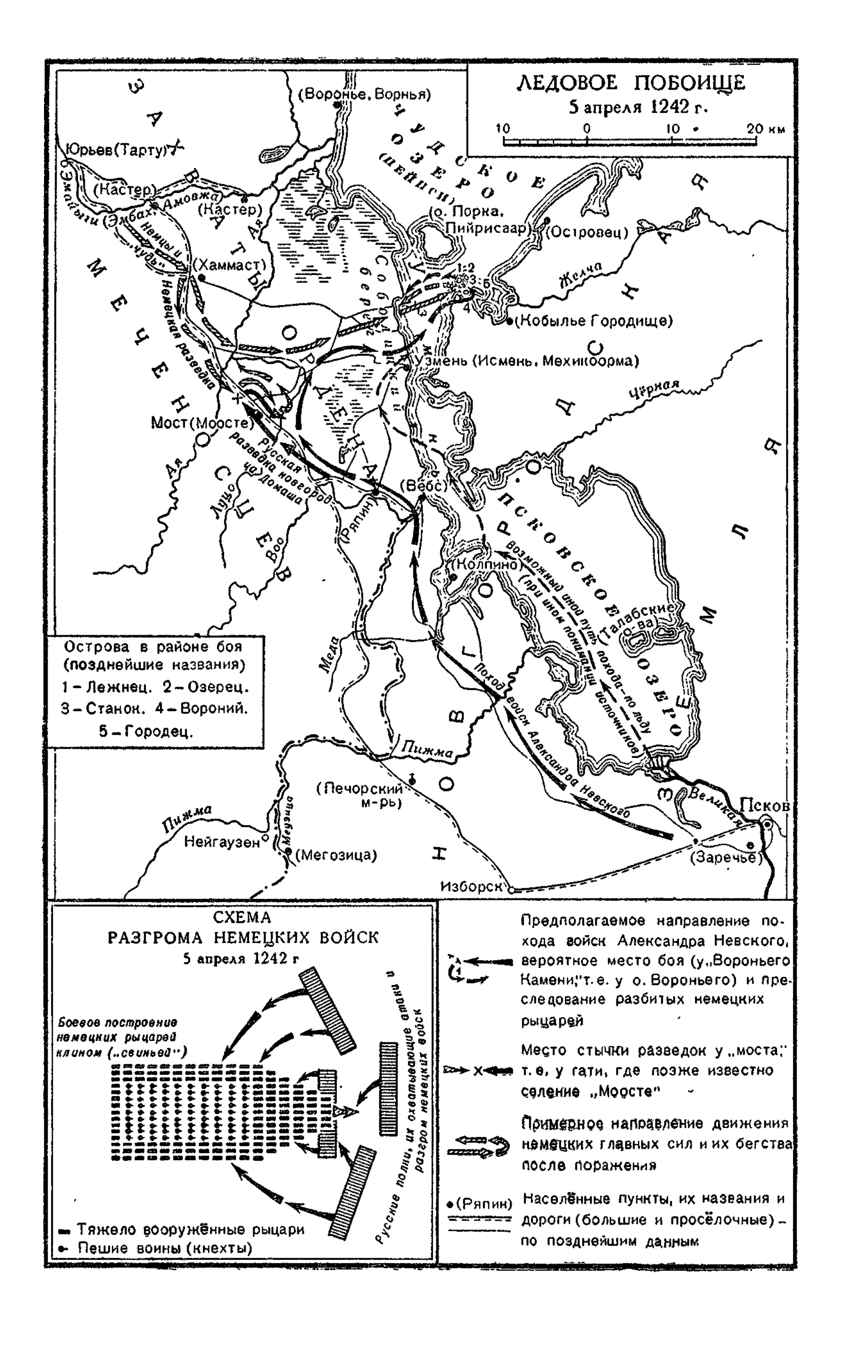
Пешими в бой шли слуги. Главной целью пехоты была помощь рыцарям. У тевтонов пехота состояла из горожан-колонистов, отрядов, выставляемых покорёнными народами, и т. п. Первыми в бой вступали рыцари, а пехота стояла под отдельным знаменем. Если в бой вводили и пехоту (что, видимо, имело место в Чудской битве), то её строй, вероятно, замыкался рядом рыцарей, так как пехота указанного выше состава была ненадёжна.

Задача клина сводилась к раздроблению центральной, наиболее сильной части войска противника. Применяя такое построение, немецкие крестоносцы наносили поражения разрозненным отрядам ливов, латгалов, эстов. Но русские (а позднее и литовцы) нашли средства борьбы с закованной в панцыри «свиньёй».

Блестящим примером этого является битва на льду Чудского озера. Обычный боевой строй русских войск состоял из сильного центра, где стоял большой полк («чело»), и двух менее сильных флангов («крылы»). Это построение не было наилучшим в борьбе со «свиньёй» крестоносцев, и Александр Невский, смело сломав сложившуюся традицию, изменил тактику русских войск: он сосредоточил основные силы на флангах, что немало способствовало победе. Новая тактика и вызвала отступление русских на лёд озера. Как и следовало ожидать, «немци же и чудь поидоша по них». Князь Александр поставил полк у крутого восточного берега Чудского озера, у Вороньего Камня, против устья реки Желча[1]. Избранная позиция была выгодна тем, что враг, двигавшийся по открытому льду, был лишён возможности определить расположение, численность и состав русских войск.

---

[1] См. *М. Н. Тихомиров.* О месте Ледового побоища — «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии», т. VII, № 1, 1950 г., стр. 88—91. Ср. *Э. К. Паклар.* Где произошло Ледовое побоище? — «Исторические записки» № 37, 1951, стр. 304—316.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ
5 апреля 1242 г.
Острова в районе боя (позднейшие названия)
1 – Лежнец. 2 – Озерец.
3 – Станок. 4 – Вороний.
5 – Городец.
Юрьев (Тарту)
Чудское озеро (Пейпси)
Псковское озеро
Мост (Мосте)
Русская разведка новгородца Домаша
Немецкая разведка
Поход войск Александра Невского
Узмень (Исмень, Мехикоорма)
(Кобылье Городище)
(о. Порка, Пийрисаар)
(Островец)
(Хаммаст)
(Вебс)
(Ряпин)
(Колпино)
Талабские о-ва
Изборск
Псков
(Заречье)
Нейгаузен
(Мегозица)
(Печорский м-рь)
СХЕМА
РАЗГРОМА НЕМЕЦКИХ ВОЙСК
5 апреля 1242 г
Боевое построение немецких рыцарей клином („свиньей")
Русские полки, их охватывающие атаки и разгром немецких войск
Тяжело вооружённые рыцари
Пешие воины (кнехты)
Предполагаемое направление похода войск Александра Невского, вероятное место боя (у „Вороньего Камени", т. е. у о. Вороньего) и преследование разбитых немецких рыцарей
Место стычки разведок у „моста", т. е. у гати, где позже известно селение „Мосте"
Примерное направление движения немецких главных сил и их бегства после поражения
Населённые пункты, их названия и дороги (большие и просёлочные) – по позднейшим данным

5 апреля 1242 г. вся масса немецких войск устремилась на русских, «наехаша на полк немци и чюдь и прошибошася свиньею сквозе полк...»[1]. Крестоносцы пробились сквозь русское войско и считали битву выигранной. Внезапно они были атакованы основными силами русских, сосредоточенными вопреки традиции на флангах, и «бысть сеча ту велика немцемь и чюди». Русские лучники с самострелами внесли полное расстройство в ряды окружённых рыцарей[2]. Русские сражались за справедливое дело, за Родину. Они «исполнишася духа ратна, и бяху бо сердца им, акы лвом». «Самовидец» битвы рассказывал, что «труск от копий ломлениа и звук от мечного сечениа» был такой, будто «морю померзошю двинутися и не бе видети леду: покрыто бо бе все кровию». Русские люди «кровь свою прольяша» не напрасно, ибо «немци ту падоша, а чудь (эсты) даша плеща», т. е. бежали.

Победа была решительная: русские яростно преследовали обратившегося в бегство врага по льду до Суболичьского берега. Было убито одних только рыцарей 400, кроме того 50 рыцарей русские «руками яша»; немало пало эстов. Посрамлённых пленных крестоносцев вели в Новгород, как сказано в Псковской летописи, «овы изби и овы связав босы, поведе по леду»[3]. Видимо, убегавшие крестоносцы сбрасывали тяжёлые доспехи и обувь.

«Возвратив же ся Александр со славною победою: бяше бо полона множество в полку его, и ведяху их подле конь, иже именуются божии ры́торе (Ritter — рыцарь)». Когда войско приблизилось к Пскову, то «стретоша его многи народ... и перед градом поюще славу» русскому войску и князю Александру.

Победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта победа спасла их от иноземного ига. Эта победа имела международное значение. Маркс высоко оценил эту битву, специально выделив её в «Хронологических выписках» из массы исторического материала: *«Александр Невский выступает против немецких рыцарей,* разбивает их на льду *Чудского озера»,* так что «прохвосты» были отброшены

---

[1] НПЛ, стр. 78.
[2] LR, S. 53.
[3] Псковские летописи, подг. к печати А. Н. Насонов, вып. 1, М. 1941, стр. 13.

Ледовое побоище

(Миниатюра XVI в.)

от русской границы [1]. Этой крупнейшей битвой раннего европейского средневековья впервые в истории был положен предел грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий. Не удалось крестоносным грабителям «укорить» «словеньскый язык ниже себе» [2].

Древний автор «Жития» нашего великого предка князя Александра правильно отметил, что с этой поры «нача слышати имя Олександрово по всем странам и до моря Хупожьскаго (Каспийского), и до гор Аравитьскых, и об ону страну моря Варяжьского (Балтийского), и до Рима» [3].

Ледовое побоище сыграло решающую роль и в борьбе литовского народа за независимость, оно отразилось и на положении других народов Прибалтики. На борьбу против крестоносцев вновь поднялись народы Прибалтики. Произошло восстание в земле куршей, где рыцари успели продвинуться после поражения у Шавлей, построив и заняв ряд замков, создавая угрозу южным землям жемайтов. Курши призвали на помощь литовского великого князя Миндовга, который, по словам немецкого хрониста, «очень ненавидел крестоносцев». 30-тысячное литовское войско развернуло операции в районе Эмбуте.

В том же 1242 г. князь Польского Поморья Святополк, женатый на сестре галицко-волынского князя Даниила Романовича, решительно порвал соглашение с прусскими крестоносцами и, вторгшись в их владения, возглавил восстание пруссов; помощь Святополку оказал князь Миндовг [4]. Немецкий хронист Пётр Дюсбург именует Святополка «сыном греха и погибели» [5] и говорит, что в то время «вся почти Пруссия была окрашена христианской (т. е. рыцарской) кровью» [6]. Войска Святополка опустошили Хельминскую землю и нанесли прусским рыцарям поражение у Рейзенского озера [7].

---

[1] См. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344.

[2] НПЛ, стр. 295.

[3] «Житие Александра Невского», стр. 191.

[4] См. *В. Т. Пашуто.* О политике папской курии на Руси (XIII в.), стр. 57.

[5] *P. Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae — «Scriptores Rerum Prussicarum», t. I, Lpz. 1861, III, 32, p. 67.

[6] Ibid., III, 35, p. 69.

[7] Ibid., III, 40, p. 73.

Так решающий удар, нанесённый крестоносцам русскими войсками, отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания немецкий Орден. Только вмешательство немецких правителей, папской курии, а также отсутствие единства среди славянских князей спасли захватчиков от полного разгрома. К 1253 г. восстание пруссов было жестоко подавлено и тогда же крестоносцы «основали» на побережье крепость Кёнигсберг, закрыв устье реки Преголы.

Что касается ливонских рыцарей, то в 1242 г. они «прислаша [послов] с поклоном» в Новгород. Послы заявили: «Что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечем, того ся всего отступаем, а что есмы изоимали мужий ваших, а теми ся розменим: мы ваши пустим, а вы наши пустите». На этих условиях новгородское правительство «умиришася» с Ливонским орденом.

Мирный договор был подписан в 1242 г. без князя Александра, видимо находившегося в это время во Владимиро-Суздальской Руси, где он замещал отца, которого в ту пору вызвали в Сарай, в ставку хана Золотой орды. Отношения Руси с татаро-монгольскими феодалами становились к этому времени государственным делом первостепенной важности.

Глава восьмая

РАЗГРОМ ВЕНГЕРСКО-ПОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ (1245 г.)

Татаро-монгольское нашествие привело к разорению и Юго-западной Руси, к резкому ухудшению положения крестьянства, к дезорганизации административного и хозяйственного аппарата государственной (великокняжеской) власти, к её политическому ослаблению, к усилению раздробленности. Светская и духовная землевладельческая знать поспешила вновь, как и в начале XIII в., захватить в свои руки политическую власть.

Создалось положение, при котором в большей части Юго-западной Руси бояре князя Даниила Романовича «князем собе називаху, а сами всю землю держаху».

Но это правление бояр не могло быть прочным. С новой силой вспыхнула феодальная война. Теперь княжеская власть значительно активнее осуществляла карательную политику в отношении землевладельческой знати, организуя «уставление» всех земель и статей доходов, проводя как перераспределение земельных владений и держаний боярства, так и пересмотр повинностей крестьянства. К этому её принудила волна крестьянских движений, направленных против феодального сословия в целом. Проводилось также спешное формирование нового войска, в котором князь, опираясь на «служащее» (главным образом среднее и мелкое) боярство, широко использовал массы зависимых «смердов-пешцев» [1].

[1] См. *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 224.

Воспользовавшись ссорой между боярскими правителями в Галицкой земле, князь сумел их «изоимати». Вступив в Галич, Даниил Романович отправил войско во главе со своим печатником Кириллом занять Бакоту и Понизье и «исписати грабительства нечестивых бояр и утишити землю», в которой, очевидно, развивалось антифеодальное крестьянское движение. Кирилл занял Понизье и отбил наступление черниговского князя Ростислава, действовавшего в союзе с болоховским боярством. Кроме того, как указывалось, князь Даниил предпринял поход и на болоховских бояр. Решительные меры были приняты и против боярства Западной Галичины. Сюда был направлен с войском княжеский дворский Андрей, который занял Перемышль, где захватил местного епископа и разорил его богатый двор и владения. Пострадали и другие представители духовной знати: галицкий епископ Артемий был изгнан из страны; что касается угровского епископа Асафа, то он был «свержен» князем с митрополичьего стола, а угровская епископия была закрыта; тогда же князь Даниил назначил митрополитом Руси своего печатника Кирилла.

В эти же годы продолжалось энергичное восстановление хозяйства Юго-западной Руси, наблюдался значительный приток ремесленников и крестьянства из других русских земель, пострадавших от татаро-монгольского нашествия; это переселение поощрялось государственной властью. Напряжённым трудом эксплуатируемых крестьян и ремесленников хозяйство Галицко-Волынской Руси постепенно восстанавливалось.

Этому не смогли помешать возвращавшиеся из европейского похода татарские войска. На обратном пути они представляли значительно меньшую угрозу для населения: летопись отмечает лишь, что Батый выделил против Волыни два отряда (Маномана и Балая), которые проникли до Володавы, на Буге, севернее Угровска. После ухода монгольских войск на восток наступил последний, заключительный этап феодальной войны волынского князя против галицкого боярства, связанного с черниговскими князьями, а также с Венгрией и Польшей. Вытесненный из Галицкой земли, князь Ростислав Михайлович не ушёл в разорённый татаро-монгольским нашествием Чернигов, а направился в Венгрию, где заключил союз с королём Белой IV. Выступая в качестве пособ-

ника преследовавших корыстные цели венгерских феодалов, князь Ростислав стал готовить решительное наступление на Юго-западную Русь. К этому походу кроме венгерских сил были привлечены феодалы Малой Польши во главе с краковским князем Болеславом Стыдливым, который враждовал с мазовецким князем Конрадом, вступившим вновь в союз с Волынью. В ходе столкновений с малопольским князем волынские войска заняли Люблин (1244).

Широко задуманное наступление венгерских, польских, а также связанных с Ростиславом боярских войск представляло большую опасность для Юго-западной Руси. Это была попытка правителей Венгрии и Польши покончить с существованием Юго-западной Руси, ослабленной татаро-монгольским нашествием.

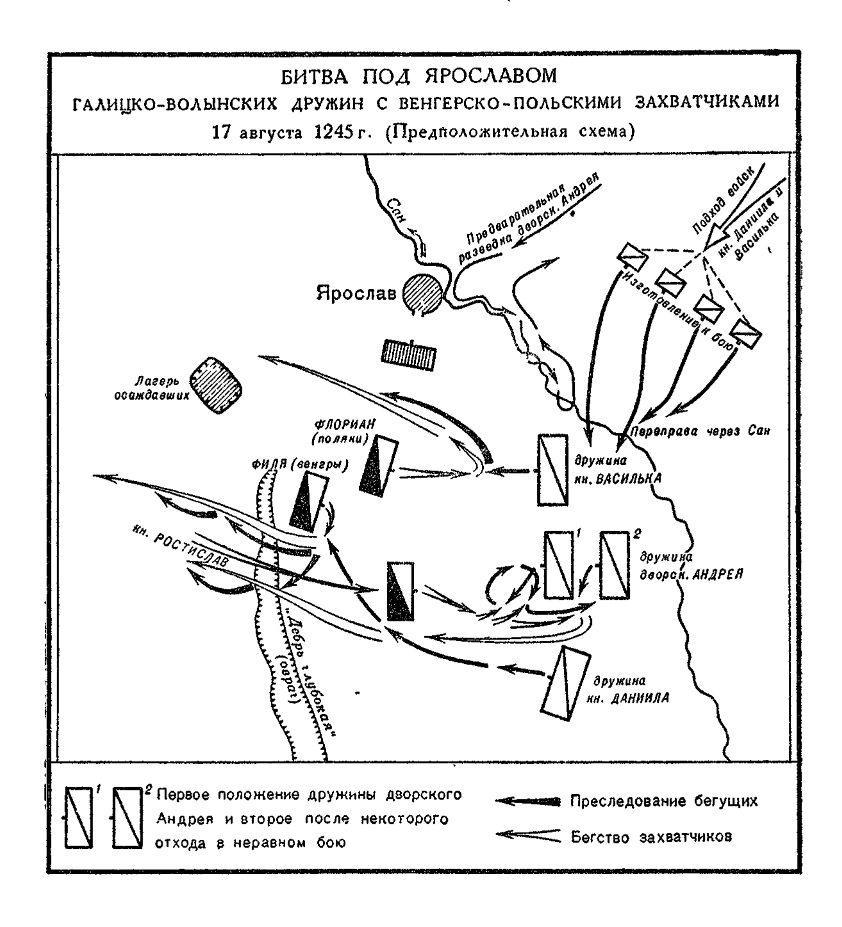
Летом 1245 г. по приказу короля Белы IV рыцарское венгерское войско, предводительствуемое зятем короля Ростиславом и старым венгерским полководцем (баном) Филей, в сопровождении польских феодальных дружин, возглавляемых Флорианом Войцеховичем Авданцем, двинулись в Галицкую землю — предмет давнишних вожделений венгерской и польской знати. Войска с боем заняли Перемышль и направились к Ярославу. То был «крепок град», и жители его дали врагу «бой велик перед градом», а затем укрылись за его стенами. Бан Филя, не ожидавший такого сопротивления, отправил отряд в Перемышль, поручив доставить «сосуды ратные и градные и пороки». Началась осада города. Горожане метали со стен камни и стрелы.

Враг был уверен в победе и не спешил со штурмом. Под стенами города осаждавшие устраивали рыцарские турниры.

Пока враги стояли, задержанные сопротивлением Ярослава, галицко-волынский князь, узнав про «ратное пришествие», стал собирать дружину и ополчение и «скоро собравше вои» свои, а также отряды половцев с Понизья. К союзным Волыни мазовецкому князю Конраду и литовскому великому князю Миндовгу были отправлены послы с просьбой о присылке вспомогательных войск; и польский и литовский князья обещали прислать подмогу.

Когда русское войско было готово к походу, вперёд был выслан дозорный отряд дворского Андрея с заданием

разведать силы врага, а также известить ярославцев о близкой помощи: «...да их (войска противника) видить и укрепить град, яко уже близ есть спасение их». Сам же

князь Даниил Романович повёл войско из Холма вслед за отрядом дворского Андрея к реке Сану. Не доходя до реки, русские полки остановились; из обоза было извлечено оружие и роздано войскам. Узнав от дворского о силах противника и их расположении, князь наметил место переправы.

Первым переправился отряд половцев, который подтвердил то, что сообщил и Андрей: «не бе бо страж их (венгров) у реки». Следом за половцами двинулось и всё русское войско. На другом берегу Сана князь «исполчивша же коньники с пешьци» и войска двинулись к лагерю врагов «с тихостью», но «сердце же ею (их) крепко бе... устремлено на брань».

Получив известие о том, что приближаются русские, Филя, Ростислав и Флориан, оставив пешее войско у «врат» Ярослава, чтобы горожане не ударили с тыла, с рыцарскими дружинами выступили навстречу русскому войску.

Князь Даниил расположил свой главный полк на левом фланге, центр приказал держать «малой дружине» дворского Андрея; на правом фланге против польских войск Флориана был поставлен полк князя Василька Романовича. 17 августа 1245 г. произошёл бой. Войска обстреляли друг друга, а затем князь Ростислав с главными силами атаковал дружину дворского Андрея. Дружинники приняли венгерских воинов в копья, в жаркой схватке «копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть». Битва была ожесточённой, с обеих сторон «мнози падше с коний и умроша», а «инии уязвени быша от крепости ударения копейного».

В то же время польская рать Флориана «крепко идуща» на полк князя Василька с криком, и «силен глас ревуще в полку их», пишет очевидец. Завязалось жаркое сражение.

Между тем воины дворского Андрея упорно сдерживали натиск противника и, «крепци боряшеся», медленно отходили к Сану. Князь Даниил, заинтересованный в том, чтобы бо́льшая часть сил противника была связана войском дворского Андрея, отрядил ему в помощь подкрепление [1].

Князь с основными силами через «дебрь глубокую» вышел в тыл наступавшим. Здесь стоял «задний полк» Фили; его рыцари должны были завершить битву победой. Развернув свои силы, князь Даниил выехал вперёд «ис полку» и стремительно обрушился на врага. Русские полки смяли венгерских рыцарей, опрокинули их и обратили в бегство.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 801—803.

Даниил Романович пробился к центру венгерского войска, где стояла хоругвь Фили; князь сорвал её и разорвал в клочья. Покинув поле боя, венгерские рыцари поспешно бежали. Тогда дрогнули дружины Ростислава и Флориана, они также «наворотишася на бег». Отряды дворского Андрея и Василька Романовича преследовали их: воевода Флориан попал в плен, бан Филя пытался скрыться, но был захвачен дворским Андреем, только Ростислав успел бежать в Краков.

Войска и освобождённые горожане Ярослава торжествовали победу, «угре (венгерские рыцари) же... мнози избьени быша и яти [в плен] быша». Князь Даниил распорядился казнить бана Филю, в прошлом жестоко угнетавшего Галицкую землю, и «инии угре мнози избьени быша за гнев» русских, не мало слёз и горя вынесших от неоднократных разбойничьих набегов венгерских феодалов. Осадные сооружения противника у стен Ярослава были сожжены.

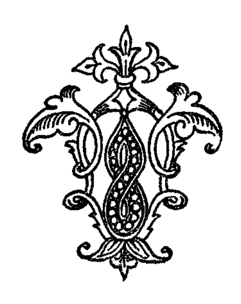
С наступлением темноты войско расположилось на ночлег. Отряды, преследовавшие остатки сил противника, постепенно возвращались в лагерь; они приводили новых пленных, взяли большую добычу («корысть многу»). Воины разыскивали однополчан, и «всее нощи клику не переста ищущим друг друга». Наутро с «колодныки многи» русские полки отправились в обратный путь. Им повстречались польские и литовские отряды, спешившие на помощь, но в них уже не было нужды. Так закончилась битва под Ярославом [1].

В ней вновь проявились высокие боевые качества русских пеших полков и конных дружин, а также незаурядное полководческое дарование князя Даниила и его воевод. Эта битва, подготовленная подчинением боярских центров, «уставлением» земель, реорганизацией войска, является крупнейшей вехой в истории Юго-западной Руси; ею завершается 40-летняя феодальная война, приведшая к восстановлению на некоторое время государственного единства Галицко-Волынской Руси. В этой битве, как и в Ледовом побоище, проявилось непоколебимое мужество свободолюбивого русского народа.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 804—805.

Но победа над венгерско-польскими феодалами была лишь частью дела обороны Юго-западной Руси. В том же году в Холм явился посол золотоордынского хана Батыя и потребовал от его имени передачи монгольским правителям Галицкой земли. Для Юго-западной, как и для всей остальной Руси первостепенное значение приобретали отношения с более сильным противником — Монгольским государством и прежде всего с Золотой ордой.

Часть третья

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НА РУСИ И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Глава первая

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НАД СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСЬЮ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА

Татаро-монгольское нашествие принесло неисчислимые бедствия русскому народу, потерявшему в борьбе за независимость многие тысячи своих сыновей и дочерей. Это нашествие привело к уничтожению и расхищению культурных ценностей и задержало развитие русской культуры на целые полтора столетия. Оно привело к установлению долголетнего ига татаро-монгольских феодалов над великим, свободолюбивым русским народом.

На основании работ советских археологов можно с полной ясностью представить, какой огромный ущерб был нанесён народному хозяйству Руси. Татаро-монгольские захватчики везде, где могли, уничтожали или разоряли крупнейшие города, забирали в плен ремесленников, в первую очередь городских, превращая их в рабов. «Дальновидные монголы хорошо понимали, что во время войны побеждает тот из противников, который располагает не только армией воинов, но и армией ремесленников, умеющих ковать оружие, строить города, создавать хитроумные машины» [1]; они вывозили из страны орудия производства и металлические изделия. Археологи находят значительное число типично русских изделий в самых различных районах татаро-монгольских кочевий. В то же

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 525.

время на Руси во второй половине XIII в. отмечается ухудшение или даже полное забвение сложной техники ряда производств (например, эмали, черни, зерни и даже скани), огрубение и опрощение ремесла. Огромный ущерб был нанесён и сельскому хозяйству, многие сёла запустели.

Почти прекратился рост городов и нарушилась связь городского ремесла с рынком. Серьёзно уменьшилось политическое значение городов. Изменился и сам облик городов. Сильно сократилось строительство каменных зданий, строили их значительно хуже, чем в XII и начале XIII в.; в Суздальской земле совершенно исчезла великолепная резьба по камню. В таких городах, как Новгород, Псков, Смоленск, Галич и др. менее пострадавших, продолжала развиваться русская культура, но и здесь её развитие было задержано татаро-монгольским владычеством. В целом же для Руси была характерна иная картина — срытые стены крепостей, развалины домов, опустевшие города[1]. Упадок городской культуры сопровождался резким усилением церковной идеологии, исказившей черты зарождавшегося гуманизма; так, например, многие светские повести превратились в церковные «жития».

Вот как характеризовал положение Руси современник, владимирский епископ Серапион: «Кровь и отець, и братья нашея, аки вода многа, землю напои; князий наших, воевод крепость ищезе.., мьножайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наши лядиною (молодым лесом) поростоша, и величество наше смерися; красота наша погыбе, богатство наше онемь в користь бысть; труд наш погании наследоваша; земля наша иноплеменникомь в достояние бысть...»[2].

Лишь поистине героическими усилиями народа, неуклонно восстанавливавшего хозяйство, Русь, собственно Великороссия, смогла оправиться от разорения. Но страна, своей освободительной борьбой защитившая цивилизацию Европы, надолго осталась экономически раздробленной.

Татаро-монгольское нашествие расшатало также административный и хозяйственный аппарат государственной власти. Ярослав Всеволодович, став великим князем Владимиро-Суздальской Руси (1238), после ухода из неё

[1] См. *Б. А. Рыбаков.* Указ соч., стр. 525—538.

[2] См. *Е. В. Петухов.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века, СПБ 1888, прилож., стр. 8.

татаро-монгольских войск поспешил принять меры к укреплению органов государственного управления, возрождению разорённого хозяйства и восстановлению военных сил.

По возвращении во Владимир он «поча ряды рядити» и «судити людем»[1]. Организуя восстановление разорённой Суздальской земли, князь прежде всего обеспечивал интересы светских и духовных феодалов. Достаточно красноречив тот факт, что уже в 1242 г. владимирский князь располагал значительными военными силами, часть которых была использована для обороны Новгородской земли.

Подобную же деятельность развил несколько позднее в Северо-западной Руси (на землях, освобождённых от немецких захватчиков) князь Александр Ярославич. С его именем некоторые историки связывают, например, появление древнейших статей так называемой «Псковской Судной грамоты»[2], которые составляли часть судебного закона, данного князем Пскову, когда князь «списал такову грамоту, по чему ходити». Сделал он это, вероятно, после освобождения Пскова и изгнания сидевших там около двух лет немецких судебных тиунов — фогтов.

В частности, князь Александр, укрепляя свои позиции среди горожан Псковской боярской республики, восстановил уничтоженный немцами старинный суд «братчин», т. е. право юрисдикции русских ремесленных цехов. Позднее, став владимирским князем, Александр Ярославич также принимал меры к упрочению великокняжеской власти. Князь, по словам автора его «Жития», «церкви воздвиже, град исполни, люди разбегшая собра в домы своя»[3].

Галицко-волынские князья также принимали меры к оживлению экономики своего края. Они старались использовать силы местных ремесленников, давали убежище тем, кто бежал из монгольского плена; привлекали и

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 467. То же происходило и в Рязани, где князь «очисти град», «обнови землю», «пришелцы утеши и люди собра», см. «Воинские повести Древней Руси», стр. 15, 19.

[2] См. «Псковская Судная грамота», СПБ 1914, ст. 109—120; *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, стр. 436 и сл.; ср. *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 764; ср. ПРП, вып. 2, стр. 328.

[3] НПЛ, стр. 305.

иноземных мастеров — польских, немецких и др. Положительные результаты не замедлили сказаться: строились новые города (Холм, Львов, Данилов, Угровеск), обновлялись старые [1]. Говоря о строительстве Холма, летописец заметил, что сюда «идяху день и во день, и уноты (подмастерья) и мастере всяции бежаху ис татар: седелници (шорники) и лучници, и тулницы (делавшие колчаны) и кузнице железу, меди и сребру: и бе жизнь и наполниша дворы окрест града, поле, села» [2]. Следовательно, оживление ремесла содействовало подъёму сельского хозяйства. Подобным же образом действовали и правители соседних стран, разорённых монгольским нашествием, — Венгрии, Польши и др. Повсюду труд крестьянина и ремесленника был основой возрождения страны.

Татаро-монгольские войска разорили ряд стран Восточной Европы, но более всех пострадала Русь, значительная часть которой вследствие этого попала затем в вассальную зависимость от монгольских ханов. По возвращении из европейского похода (1243) хан Батый и окружавшая его феодальная знать обосновались на Нижней Волге, где возникло новое государство — так называемая Золотая орда, со столицей в Сарае. Территория, подвластная Золотой орде, простиралась от Иртыша до Дуная, на северо-востоке она включала земли народов Поволжья и Приуралья, на юге — Крым и Северный Кавказ до Дербента. Земли Средней Азии обособились под властью сына Чингис-хана Чагатая. В особый улус выделилась (1256) территория, в состав которой вошли нынешний Туркменистан (до Аму-Дарьи), Закавказье, Персия, ближневосточные области до Евфрата. Во главе этого государства встал внук Чингис-хана Хулагу. Золотая орда, государство Хулагидов и Чагатайское государство некоторое время находились в номинальной зависимости от монгольского великого хана, пребывавшего в Каракоруме. Под личной властью великого хана, владевшего Китаем, оставались земли Центральной Азии, Юго-восточной Сибири и Дальнего Востока.

В Каракорум и Сарай свозились драгоценности, награбленные в покорённых странах; здесь в рабстве изнывали китайские, русские, армянские, грузинские и другие

---

[1] См. *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 164.

[2] ПСРЛ, т. II, стр. 843.

ремесленники[1]. Советскими археологами (под руководством С. В. Киселёва) были произведены раскопки Каракорума. В результате раскопок город предстал как значительный ремесленно-торговый центр: найдены остатки зданий, различных мастерских (гончарных, кузнечных, ювелирных и др.) и многочисленные изделия. Характерно, что все эти изделия, как местного изготовления, так и привезённые издалека, были произведены иноземными ремесленниками. Ханский дворец был возведён в традициях китайского зодчества; найдена китайская керамика, изделия из чугуна, посуда среднеазиатского и рязанского типов. Обнаружены клады иностранной монеты VI—IX вв., награбленной во время походов[2].

Выделение трёх улусов было первым шагом на пути распада Монгольского государства. Междоусобные распри правителей отдельных улусов и орд подрывали экономику, затрудняли укрепление связей между народами.

Многие народы нашей страны, Китая, Передней Азии, несмотря на своё мужественное сопротивление, попали под многолетнее владычество иноземных захватчиков. Но народы не покорились и в конце концов сбросили с себя ненавистное иноземное иго.

Нужно также подчеркнуть, что завоевательные походы Чингис-хана и его преемников ничего не дали монгольскому народу, оставшемуся в самой Монголии. Вся последующая история Монголии «говорит не о ее росте, а скорее всего об упадке. Население в Монголии уменьшилось, скота также стало значительно меньше, чем в самом начале XIII в., награбленное добро в завоеванных странах не оплодотворило производительных сил в самой Монголии, а разошлось по рукам членов Чингисовой династии и монгольского нойонства, как среди монголов, оставшихся в Средней Азии, Иране, Закавказье и в Юго-восточной Европе, так и тех, которые находились в самой Монголии»[3].

Монгольское нашествие и иго, в частности, произвол сборщиков даней и поборов различных ханов, кочевавших

[1] См. *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Указ. соч., стр. 143 и сл.

[2] Этими сведениями мы обязаны Н. Я. Мерперту, за что приносим ему глубокую благодарность.

[3] *А. Ю. Якубовский.* Из истории изучения монголов периода XI — XIII вв. — «Очерки по истории русского востоковедения», М. 1953, стр. 76.

с тюрко-монгольскими ордами в земледельческих районах Средней Азии и Кавказа, привели к длительному упадку не только городской культуры, но и земледелия. Крестьяне были лишены возможности восстанавливать разорённое хозяйство. Яркий пример подобного экономического упадка находим в Армении, которая от зрелых форм феодализма была отброшена к более примитивной технике земледелия, к полупатриархальным-полуфеодальным отношениям.

Золотоордынские ханы поставили в качестве одной из важнейших задачу подчинить все русские земли, как завоёванные ими, так и не завоёванные. Однако героическое сопротивление русского народа не позволяло им рассчитывать на быстрое и полное осуществление своих планов. Уровень государственной организации татаро-монголов был низок, кроме того, возникли противоречия между золотоордынскими и великими ханами из-за права обладания богатым «русским улусом».

Степень разорения и зависимости русских земель от монгольских феодалов до 1257 г. не была одинаковой. Если Северо-восточная Русь (за исключением, может быть, Ростовской земли) подверглась очень сильному разорению и вынуждена была поэтому подчиняться распоряжениям ханов, то Юго-западная Русь сумела достаточно быстро оправиться от последствий первого нашествия и попыталась отстоять своё независимое существование. Находилась она в отдалении, граничa со странами, которые не попали в орбиту татаро-монгольского властвования (Литва, Польша, Венгрия), хотя и испытали тяжесть татаро-монгольских нашествий. Наконец, Северо-западная Русь (Новгород, Псков, Полоцк, Минск, Витебск, Смоленск) в основном не знала ужасов нашествия и в это время не собиралась считаться с внешнеполитическими планами золотоордынских ханов.

Отсутствие политического единства Руси ослабляло её. В своей политике на Руси ханы учитывали существование различных княжеств, при этом ордынские политики опирались на вооружённую силу, широко используя заложничество, подкуп, убийства, обман.

В создавшихся условиях владимирским князьям нелегко было найти правильную политическую линию взаимоотношений с восточными победителями и западными соседями. Это было тем более затруднительно, что

подчинение русских земель татаро-монгольскими захватчиками началось с Владимиро-Суздальской Руси.

В 1243 г. Батый вызвал к себе в Сарай князя Ярослава Всеволодовича. Ярослав не решился ответить хану отказом. Вместе со своими боярами он двинулся в ханскую ставку, а одновременно отправил дары к великому хану в Каракорум. Батый, говорит владимирский придворный летописец, оказал Ярославу «великую честь», он утвердил его великим князем всей Руси, включая и Киевское княжество, в котором был посажен княжеский воевода. Батый не мог, разумеется, изменить политический строй, сложившийся на Руси ещё до татаро-монгольского нашествия, поэтому Ярослав Всеволодович оставался сильным князем и приобрёл при золотоордынском дворе большой вес.

Между тем в 1245 г. хан Батый вызвал из Руси князей Михаила и Даниила. Батый приказал умертвить оказавшего ему неповиновение черниговского князя Михаила Всеволодовича. Позднее был убит и другой черниговский князь — Андрей Мстиславич [1]. Галицко-волынский князь лишь за большую дань и ценой отказа от Киевского княжества и болоховских земель добился того, что хан признал его своим «мирником». В придворной летописи князя Даниила этот результат был оценён как «злая честь». Но в это время, время становления русско-монгольских отношений, непрочным оказалось и положение самого владимирского князя Ярослава, так как в великоханской ставке были недовольны назначением его великим князем.

В Каракоруме хотели иметь собственного ставленника на Руси. При дворе великого хана Гуюка тайно действовала придворная группа великой ханши, которая, отражая взгляды определённой части знати, не доверяла золотоордынскому хану Батыю. В 1246 г. князь Ярослав Всеволодович был с большой свитой отправлен из Сарая в далёкий Каракорум на утверждение великого хана. Добраться туда было нелегко, и в пути многие люди из княжеской свиты погибли.

При дворе великого хана князь Ярослав, по свидетельству современника, папского посла Иоанна Плано Карпини, не получил «никакого должного почета». Здесь было уже решено убить князя, «чтобы свободнее и окон-

---

[1] См. *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь, М. — Л. 1940, стр. 27.

чательнее завладеть его землей». Ярослав Всеволодович был отравлен и умер 30 сентября 1246 г. Убийство Ярослава, крупного государственного деятеля того времени, вызвало гневный отклик на Руси. Даже в летописи враждебного Ярославу галицко-волынского князя Даниила Романовича высказано осуждение татаро-монгольским правителям, которые владимирского князя «зельем умориша».

Отравив старого князя, ханша «поспешно отправила гонца» к Александру Ярославичу, зовя его под тем предлогом, что «хочет подарить ему землю отца (его)». Однако князь Александр «не пожелал поехать», тогда «все верили, что... она умертвит его или... подвергнет вечному плену» [1]. Между тем хан Батый принял брата убитого князя — Святослава и в соответствии с русской традицией назначил его великим князем. За Александром Ярославичем попрежнему остался Новгород. Однако в Каракоруме не признали назначения Святослава, исходившего от Батыя.

В том же 1247 г. князья Андрей и Александр Ярославичи, подчиняясь новому вызову ставки великих ханов, отправились через Сарай в Каракорум. Тем временем в татаро-монгольском правительстве произошли перемены. Умер великий хан Гуюк, и престолом завладела его вдова Огуль-Гамиш (1248—1251). Ханша назначила великим князем Андрея Ярославича, а новгородскому князю Александру дала «Кыев и всю Русьскую землю» [2], т. е. Киевское, Черниговское и Переяславское княжества. Этот результат, видимо, стоил князю Александру больших дипломатических усилий. Ханша же, решаясь на такой шаг, рассчитывала, с одной стороны, ослабить русских князей, а с другой — подорвать влияние Батыя на Руси.

В конце 1249 г. князья возвратились на Русь. Политическое положение на Руси отличалось крайней неустойчивостью. Князь Александр Ярославич сумел наметить линию, соответствующую политическим интересам Руси. Она заключалась в том, чтобы прежде всего поддерживать мирные отношения с ханами Золотой орды (для борьбы с ней разорённая Русь ещё не имела необходимых сил), предотвращать новые монгольские нашествия,

---

[1] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч., стр. 57.
[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 472.

объединяя при этом все русские земли, которые можно было объединить, и оказывать решительный вооружённый отпор крестоносным захватчикам.

Среди вопросов международного порядка, вставших в ту пору перед новгородским и киевским князем Александром Ярославичем, не случайно особенно важное место занял вопрос о взаимоотношениях с папской курией.

XIII век явился временем расцвета политического могущества папства, которое вело борьбу с германскими императорами, стремясь утвердить свою власть в Европе. В то же время папская курия развернула широкое наступление на страны Восточной Европы. Особое внимание курии (как, впрочем, и немецких феодалов) привлекала Русь, имевшая устойчивые позиции в Прибалтике, Карелии, в земле финнов и даже в Польше (Мазовия).

В это время в другой части Восточной Европы также произошли весьма значительные события. В 1204 г. пал захваченный латинскими крестоносцами Константинополь. Крупнейший политический и культурный центр того времени подвергся варварскому разгрому; византийское правительство и патриарх перебрались в Никею, где возникла Никейская империя. Действия крестоносцев в юго-восточной части Европы были хорошо известны на Руси.

Уже вскоре после захвата Константинополя латинскими рыцарями папа Иннокентий III обратился к русским князьям с посланием (1207), в котором, ссылаясь на то, что пал центр православной церкви, предлагал русским князьям принять католичество и подчиниться власти курии[1]. Таким образом, папа пытался расчистить путь разбойничьему наступлению крестоносцев.

Одновременно папа потребовал от правителей католических стран (Польши, Ордена, Швеции, Норвегии и др.) установления торговой блокады Руси и связанных с ней земель. Однако немецкая балтийская торговля не могла в то время существовать в отрыве от таких крупных центров, как Новгород, Полоцк, Смоленск и др. Немецкое купечество нарушало папское предписание и заключало торговые договоры с русскими городами. В те же

---

[1] См. *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 243.

годы папская курия засылала на Русь своих агентов — монахов. Но тогдашние русские князья хорошо представляли себе сущность крестоносного католицизма. Они не только отвергли папские домогательства, но и изгнали папских агентов из Киевской и Владимиро-Суздальской земель. Курия тем не менее не оставляла своих планов и пыталась осуществить их с помощью немецких, шведских и иных феодалов.

Татаро-монгольское нашествие, казалось, открывало перед курией новые возможности. Во-первых, в связи с тем, что татаро-монгольские феодалы установили власть над Русью, можно было попытаться склонить самих ханов к принятию католичества, а затем договориться с ними как с сюзеренами русских князей и получить из ханских рук признание за папством прав верховного управления русской церковью. Экономические и политические выгоды такого акта не вызывали сомнений, хотя уже самая попытка склонить татаро-монгольских правителей к принятию католичества оказалась явно фантастической, авантюрной. Во-вторых, опасаясь угрозы тем странам Восточной Европы, которые признали церковную власть папства (Венгрия, Польша, Чехия, отчасти Прибалтика), курия соглашением с монгольскими ханами надеялась обеспечить безопасность своих позиций в этих государствах. В-третьих, курия стремилась соглашением с татаро-монгольскими ханами устранить возможность их сближения с Никейской империей, которая и без того всё сильнее угрожала крестоносцам в Константинополе. Наконец, татаро-монголы интересовали курию как возможные союзники в борьбе с тюрками-сельджуками, которые успешно изгоняли крестоносцев с Ближнего Востока, ликвидируя их последние приобретения в «святой земле». Всё изложенное определило исключительную заинтересованность курии в урегулировании отношений с татаро-монгольскими правителями.

Наряду с военным наступлением папская курия в это время предприняла широкое дипломатическое наступление на Русь. Она обязала епископов Восточной Прибалтики временно оставить свои внутренние распри из-за земель и более энергично помогать рыцарям «советом и делом» [1].

---

[1] LU, Bd I, № 184.

Одновременно папа Иннокентий IV предпринял дипломатические шаги в самой Руси. Так, в 1248 г. он отправил ряд писем к русским князьям, в том числе к Александру Ярославичу и Даниилу Романовичу, предлагая им принять католичество, обещая за это своё покровительство и помощь против татаро-монголов. Позднее в Новгород к Александру Ярославичу с папским посланием прибыли два «хитрейших» кардинала, через которых, по словам княжеского «Жития», Иннокентий IV заявил: «Слышахом тя в земли нашей князя честна и дивна, паче же и земля твоя велика есть», и предложил князю ознакомиться с католическим учением: «послушаеши учениа [их]» [1].

Однако князь Александр понимал, что папа хочет толкнуть Русь на войну с Золотой ордой, чтобы прежде всего облегчить ливонским феодалам их кровавое дело. Поэтому он, посоветовавшись с приближёнными боярами, составил папе отрицательный письменный ответ и на словах решительно отклонил папские домогательства. «...Вся сиа добре сведаем, — сказал князь, — а от вас учениа не приимаем» [2].

Этот шаг князя Александра укреплял его позиции и в Золотой орде и внутри Руси, ибо русские духовные феодалы, опасаясь происков курии, поспешили заявить о своей полной поддержке политики Александра. Русский митрополит Кирилл, прежде находившийся при дворе галицко-волынского князя, после поездки в Никею к патриарху перебрался во Владимир и позднее тесно сотрудничал с князем Александром.

Несомненно также, что поддержка духовных феодалов облегчала князю Александру решение вопросов внутренней политики, в частности церковь идеологически обосновывала политику Александра Ярославича в отношении других князей, а также Новгородской и Псковской боярских республик.

В то же время папская курия приняла меры к установлению связей с татаро-монгольскими ханами. Созванный папой Иннокентием IV в 1245 г. Лионский собор уделил большое внимание этому вопросу. На соборе выступил с сообщением о татаро-монголах русский игумен

---

[1] НПЛ, стр. 305.
[2] Там же, стр. 306.

Пётр Акерович, присланный в Лион черниговским князем, который искал у курии помощи против Монгольского государства. Латинские прелаты настойчиво расспрашивали его о военных силах и дипломатических приёмах татаро-монгольских правителей [1].

В связи с обсуждением татарского вопроса папа отправил на Восток специальное посольство во главе с монахом-францисканцем Иоанном де Плано Карпини (1245). Целью его миссии была военно-политическая разведка в Сарае, Каракоруме и на Руси. Кроме того, он, с одной стороны, добивался привлечения монгольских ханов к союзу с курией, а с другой — устанавливал отношения с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем и владимиро-суздальским князем Ярославом, склоняя их к подчинению папской курии и суля им помощь со стороны западноевропейских правителей против татаро-монгольских ханов.

В 1247 г. папа направил второе посольство во главе с доминиканцем Асцелином с целью разведать военно-политические силы татаро-монголов в Передней Азии. В результате деятельности этих двух посольств завязались предварительные дипломатические переговоры курии с татаро-монгольскими ханами и ответные татарские посольства посетили папу. Русской земле угрожал военный союз татаро-монгольских захватчиков с папством.

Непосредственные происки папской курии на Руси не дали результатов. Князья Ярослав Всеволодович и Михаил Всеволодович были вскоре убиты в Орде. Что касается князя Александра Невского, то он, как мы видели, решительно отверг папские домогательства и не считал возможным вступать в конфликт с Золотой ордой.

Другие князья, однако, придерживались иного взгляда на отношения с ханами. В начале 50-х годов несколько крупнейших русских князей, в частности брат Александра Ярославича, великий князь Андрей владимиро-суздальский, Ярослав тверской и переяславский в союзе с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем, пришли к мысли создать оборонительный союз и выступить против власти золотоордынского хана.

---

[1] См. *В. Т. Пашуто.* Киевская летопись 1238 года — «Исторические записки» № 26, 1948, стр. 298—305.

Между тем при дворе великого хана татаро-монголов произошли новые перемены: великим ханом в 1252 г. сделался Менгке, ставленник золотоордынского хана Батыя, что не замедлило отразиться на русско-татарских отношениях. Положение великого князя Андрея Ярославича стало непрочным. Князь Александр Ярославич в 1252 г. был вызван в Сарай, откуда Батый отпустил его, «давше ему старейшиньство во всеи братьи его»[1], т. е. Александр был признан великим князем.

Вероятно, князья-союзники отказались признать власть Александра, и потому Батый двинул войско воеводы Неврюя против князя Андрея, который, как пишет придворный книжник князя Александра, «сдума[л]... с своими бояры бегати, нежели царем (ханам) служити». Спасаясь от татаро-монгольских войск, князь Андрей со своими боярами бежал к Переяславлю[2], затем на время скрылся за границу. Позднее князь Андрей признал правильность политики Александра Ярославича, возвратился на Русь и находился «под рукой» брата.

Другой князь — Ярослав Ярославич тверской и переяславский также был вынужден бежать из своего княжества. Он сделал попытку поднять против великокняжеской власти Новгородскую и Псковскую феодальные республики. В 1253 г. Ярослав был принят на княжеский стол во Псков, а в 1255 г. его пригласило к себе в качестве князя также и новгородское боярство. Сына же князя Александра «выгнаша вон»[3]. Владимирскому князю пришлось с оружием в руках принуждать новгородских и псковских бояр следовать новому политическому курсу. Эти события означали новый шаг к установлению определённых отношений между русскими феодальными республиками и Золотой ордой.

Александр Ярославич занял Торжок и двинулся на Новгород «со многыми полкы» и отрядом новоторжцев. Ярослав Ярославич бежал из Новгорода. В Новгороде, отстаивая городские «вольности», поднялась беднота: «меньшие» решили, говорит летописец, «...стати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородьскую, за свою отчину»[4], но при этом «меньшие» выступали

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 473.
[2] Там же.
[3] НПЛ, стр. 80.
[4] Там же, стр. 81.

обособленно от бояр и собирали своё вече у церкви Николы, а не на Ярославлем дворе. Посадник и тысяцкий были смещены в соответствии с требованием восставших.

Между тем городская знать («вятшие» люди), напуганная движением бедноты, заколебалась. Она устроила «с[о]вет зол, како побе[ди]ти меншии, а князя вовести на своей воли»[1]. На передний план вновь выступили бояре — сторонники Александра. Эта группа бояр подготавливала возвращение князя в Новгород.

Княжеские войска подступали к Новгороду. Его посол сообщил вечу, что князь требует выдачи нового посадника, грозя идти на город ратью. Двинув войска, Александр Ярославич три дня стоял под городом. За это время близкое ему боярство устранило от власти посадника и «поиде князь в город»; восстание было подавлено.

Итак, князь Александр вновь подчинил интересы правительств феодальных республик интересам великокняжеской государственной политики. В то же время он вооружённой силой решительно подавлял антифеодальные народные выступления. Расплата за боярскую крамолу всею тяжестью легла на простой народ. Посадником сделался княжеский ставленник, на княжеский стол возвратился сын Александра Василий.

Важно отметить, что Новгородско-Псковская земля избежала опустошительных набегов монгольских ратей. Гораздо больше пострадал простой народ во Владимиро-Суздальской земле от неврюевой рати, так как татаро-монгольские военные силы, шедшие против князей Андрея и Ярослава Ярославичей, «россунушася по земли... и людий бещисла [в плен] поведоша, да конь и скота, и много зла створше отъидоша»[2].

Хан Батый отправил 60-тысячное войско воеводы Куремсы и против союзника князя Андрея, галицко-волынского князя Даниила Романовича. Но войска галицко-волынского князя отбили наступление воеводы.

Владимиро-новгородский князь Александр Ярославич, ведя внешнюю политику, соответствовавшую интересам объединения Руси, сумел, опираясь на широкие слои служилых бояр и дворян, объединить в своих руках всю Се-

---

[1] НПЛ, стр. 81.
[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 473.

веро-восточную и Северо-западную Русь. Эта политика князя Александра оказалась настолько дальновидной, что впоследствии в новых, более благоприятных для великокняжеской власти условиях она надолго легла в основу действий Ивана Калиты и его преемников на московском столе.

Но если умелая политика Александра Ярославича позволила ему успешно решить внутриполитическую проблему междукняжеских отношений и значительно упрочить великокняжескую власть в стране, то международные задачи ещё ждали своего разрешения.

Папская курия не прекращала своих происков и, узнав о том, что титул великого хана перешёл к Менгке, предприняла очередной манёвр. В 1252 г. папа и его союзник, французский король Людовик IX, отправили в Золотую орду и в Монголию новое посольство во главе с Вильгельмом де Рубруквисом. Король предлагал Батыю и Менгке военный союз против тюрок-сельджуков и Никейской империи, предлагал принять католичество и оставить Рубруквиса в качестве постоянного дипломатического представителя курии в Сарае. Это было новое предложение о военном союзе татаро-монгольских правителей с крупнейшими державами Западной Европы, союзе, который таил в себе угрозу Руси. Однако происки западных правителей не встретили сочувствия у «кибитных политиков». Немалую роль в решении этого вопроса, видимо, сыграли русские дипломаты, находившиеся в Сарае. Татаро-монгольская знать решила, что нецелесообразно накануне проведения переписи на Руси посягать на экономические и политические позиции русских духовных феодалов.

Отклонив домогательства папской курии, татаро-монгольские правители, конечно, имели в виду прежде всего те выгоды, которые они могли бы получить от русских духовных феодалов при установлении своего господства над Русью, в чём и не ошиблись, так как часть церковников «верой и правдой» служила поработителям своей Родины, призывая народ к смирению.

В конце 50-х годов XIII в. татаро-монгольские правители решили ввести на Руси ту организацию властвования, которую они устанавливали во всех покорённых ими землях. В 1257 г. великий хан отправил на Русь своего родственника Китата с полномочиями проводить перепись,

собирать дань и доставлять её ко двору, а также с правом производить набор войск из местного населения. «Тое же зимы, — сказано во владимирской летописи, — приехаша численици, исщетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники, и идоша в Ворду»[1].

Численники переписывали население по домам («пишюче домы»), перепись устанавливала поборы в виде дани. Были использованы исконные русские единицы обложения — «соха», «плуг», «рало», к которым были добавлены подводная повинность и обязанность русских князей, как вассалов, служить своими вооружёнными силами хану-сюзерену в походах.

Устанавливая иго над Русью, монгольские феодалы в то же время постарались привлечь на свою сторону русских духовных феодалов. Их освободили от даней и поборов[2].

Татаро-монгольские численники создали на Руси баскаческую военно-политическую организацию. Принудительным путём они сформировали особые военные отряды, частью укомплектованные из местного населения, поставив во главе их татаро-монгольский командный состав. Эти отряды поступали в распоряжение баскаков, которые расположились по княжествам и были обязаны контролировать выполнение повинностей и вообще всю жизнь данного княжества. Баскаческие отряды были поставлены в землях Муромской, Рязанской, Суздальской, Тверской, Курской, Смоленской и др., а позднее и в землях Юго-западной Руси — Болоховской, Галицкой и др. Так как во Владимире находился великий князь, то состоявший при нём баскак считался главным — «великим», которому подчинялись другие. Баскаки и их отряды в сущности заменяли монгольские войска. Основное назначение баскаческой организации состояло в том, чтобы «держать в повиновении» Русь[3].

В том же 1257 г. золотоордынский хан потребовал также подчинения русских феодальных республик своей власти.

Однако проведение переписи в Новгородской земле натолкнулось на ожесточённое сопротивление простого на-

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 474—475.
[2] Там же, стб. 475.
[3] См. *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь, стр. 15—23.

рода. В новгородской летописи читаем, что в 1257 г. пришла злая весть, будто бы «хотять татарове тамгы (части торговых пошлин) и десятины (от других доходов) на Новегороде» [1].

Произошло выступление городской бедноты («и смятошася люди»). Волнения не прекращались в течение целого года. К зиме положение обострилось настолько, что во время одной из вспышек народного гнева был убит княжеский посадник. В самый разгар волнений в город прибыли татаро-монгольские послы, а с ними князь Александр; послы встретили здесь энергичный отпор. Новгородцы отказались подчиниться князю и допустить татаро-монгольских чиновников производить перепись; они только «даша дары» хану и «отпустиша» послов «с миром».

Но это был не мир, а лишь перемирие. Послы уехали, а князю надлежало подготовить подчинение Новгородской республики татаро-монгольской власти. Подтянув к городу войска, великий князь произвёл расправу с непокорными в Новгороде и Пскове. В частности, он предал казни наиболее инициативного руководителя движения — некоего Александра-новгородца, а также его сторонников («дружину»): «овому носа урезаша, а иному очи вынимаша...» [2]

Но эти жестокие меры не смогли подавить сопротивление новгородской бедноты — продолжались убийства представителей княжеской власти. Только зимой 1259 г., когда в Новгород возвратились новгородские послы из Владимира и заявили на вече, что в случае продолжения сопротивления переписи будут двинуты против Новгорода вооружённые силы, новгородцы смирились («и яшася новгородци по число»), о чём и послали известить великого князя.

Вскоре в Новгород прибыл князь Александр, а с ним с большим штатом «приехаша оканьнии (окаянные) татарове» — переписчики [3]. Но едва они приступили к переписи, как вновь и в городе и по сёлам вспыхнуло восстание: «И бысть мятежь велик в Новегороде и по волости...», восстали городская беднота и смерды. Татаро-

[1] НПЛ, стр. 82.
[2] Там же.
[3] Там же.

монгольских чиновников кое-где стали истреблять, в связи с чем они потребовали у князя выделить охрану: «Дай нам сторожи, ать не избьють нас». Князь приказал «стеречи их сыну посадничю и всем детем боярьскым по ночем».

Не добившись успеха, численники начали угрожать отъездом, за которым должен был последовать приход татаро-монгольских войск. Они заявили: «Дайте нам число или бежим проче». За это время новгородская знать успела столковаться с численниками, но простой народ «не хотеша дати числа». Говоря об этом, летописец отмечает, что новгородцы «издвоишася» на враждебные лагери. Одни («меншии») собрались на Торговой стороне и готовили удар через Волхов на Софийскую сторону. В свою очередь софийская знать собирала ладьи, подготовляя нападение на Торговую сторону.

Причиной этого «издвоения» и борьбы было то, что «вятшие» приказывали «меншим» подчиниться переписи, но «меншие» сопротивлялись, так как при определении норм обложения населения данью по переписи «творяху бо бояре собе легко, а меншим зло»[1]. Ясно, что «меншие», терпевшие гнёт боярской эксплуатации, выступали против попыток надеть им на шею ещё одно ярмо.

Наконец бояре подавили народное выступление, и тогда «почаша ездити оканьнии (монгольские переписчики) по улицам, пишюче домы...» Переписав население, численники собрали положенную дань и уехали. Следом покинул Новгород и князь Александр, оставив здесь наместником сына Дмитрия[2]. Так Новгородская боярская республика попала под власть татаро-монгольских ханов. Политика князя Александра в отношении Новгородской республики основывалась, повидимому, на том, что целесообразнее было сразу принять требование Орды, чем допустить опустошение монгольскими полчищами новгородско-псковских земель, разорение городов, уничтожение крепостей.

В те же годы (1257—1259) татаро-монгольские феодалы покончили и с независимостью Юго-западной (Галицко-Волынской) Руси.

---

[1] НПЛ, стр. 82.
[2] Там же, стр. 82—83.

Татаро-монгольское иго всею тяжестью легло на простых людей — крестьян и городскую бедноту, которые с той поры «в работе суще и в озлоблении зле»[1]. Часть князей, бояр и церковников сравнительно скоро нашла общий язык с татаро-монгольской властью. Но антагонизм между побеждённой страной, населённой свободолюбивым русским народом, и угнетателями — монгольскими феодалами непрерывно возрастал.

Весьма тягостной для Руси и русского народа была обязанность выставлять войско в помощь ханам. Татаро-монголы не составляли основной массы населения Золотой орды. Поэтому свою армию они в значительной мере формировали из войск всех покорённых народов. Среди татаро-монгольских правителей не было единства; обострялась борьба за владения великого хана. Эту борьбу хан Берке (1258—1266) использовал для ещё большего обособления Золотой орды и утверждения своей самостоятельности. Воюя с другими ханами, он решил использовать и русские войска. В 1262 г. князь Александр в четвёртый раз был вызван в Орду, где старался избавить Русь от участия в монгольских походах — «отмолить люди от беды»[2]. Видимо, эта миссия великого князя закончилась успешно, так как в источниках нет свидетельств о мобилизации русских полков в татаро-монгольское войско.

Эта поездка князя Александра Невского была последней. На обратном пути на Русь он заболел и умер в Городце 14 ноября 1263 г.[3] Летописцы глубоко скорбят по поводу смерти этого выдающегося русского государственного деятеля, который «перемогаяся»[4] с татаро-монголами, мужественно громил врагов, «за Новоград и за всю Рускую землю живот свой отдавая»[5].

Выдающееся значение Александра Невского — нашего великого предка — определяется в первую очередь тем, что он самоотверженно защищал Русь от внешних врагов и понимал решающую роль народа в этой защите.

---

[1] «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», кн. 2, М. 1890, отд. II, стр. 25.

[2] «Житие Александра Невского», стр. 192.

[3] Там же.

[4] *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись, М.—Л. 1950, стр. 328.

[5] НПЛ, стр. 313.

Татаро-монголы стояли много ниже Руси в социально-экономическом и культурном отношениях. Развитие России и Золотой орды пошло по-разному: в Золотой орде весьма заметно намечались элементы распада, особенно в связи с героической борьбой русского народа и других народов нашей страны за независимость. Среди русских княжеств через некоторое время вновь стал назревать процесс образования сильного единого государства. По мере углубления этого длительного процесса в русском народе крепла надежда на освобождение от власти золотоордынского хана [1].

Относительное политическое единство значительной части Руси (при сохранении экономической раздробленности), сложившееся в годы правления Александра Невского, после его смерти вновь сменилось феодальными усобицами, чему в немалой степени способствовала татаро-монгольская политика на Руси. Северо-восточная Русь оставалась феодально раздробленной, государственная власть находилась в руках феодалов отдельных княжеств, а номинальная — у великого князя владимирского.

Резкое ослабление власти владимирских великих князей было одним из последствий татаро-монгольского разорения. Это разорение серьёзно подорвало экономическую основу власти великого князя, его вооружённые силы, оно ослабило города — естественных союзников великого князя. И в дальнейшем ордынские политики всячески поддерживали силы, мешавшие упрочению в Северо-восточной Руси единой великокняжеской власти. В 60-х годах XIII в. власть владимирских князей была номинальной. Территория Владимирского великого княжества сократилась.

Как верховные сюзерены русских князей татаро-монгольские ханы присвоили себе право назначать великого князя, и наиболее сильные русские князья стремились получить великокняжеский стол. С ярлыком (ханской грамотой) на великое княжение князь получал особые полномочия, которые давали право в известных случаях распоряжаться силами других князей Северо-восточной Руси. Когда князь лишался великокняжеского ярлыка, он лишался и великокняжеских полномочий и великокняже-

---

[1] См. *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Указ. соч., стр. 247—258.

ской территории, в состав которой входили города Владимир, Переяславль, Кострома, позднее — Нижний-Новгород и Городец. Кроме того, великий князь, как правило, держал новгородский, а иногда и псковский княжеский стол.

Великокняжеский стол стал в руках ордынских политиков одним из сильнейших орудий разжигания феодальных распрей на Руси.

Политика ханов приносила свои губительные результаты. Вторая половина XIII в. характеризуется значительным упадком относительного политического единства Северо-восточной Руси. Из рук владимирских князей фактически ускользало руководство внешними отношениями, сношениями с Ордой и обороной границ: «знать Орду» стало самостоятельным правом отдельных князей. В самой Северо-восточной Руси, отрезанной от земель Руси Юго-западной и части земель Руси Северо-западной, продолжалось дальнейшее дробление на мелкие княжества: Московское, Ростовское, Тверское, Костромское, Ярославское, Белозерское, Можайское и т. п., правители которых постоянно враждовали между собой.

Русский народ сумел, однако, и в условиях тяжёлого ига, постоянных татаро-монгольских вторжений и военных поборов, под гнётом жестокой феодальной эксплуатации возродить хозяйство страны. Трудом крестьян и ремесленников были подняты из руин и укреплены Москва, Владимир, Тверь и десятки других городов, отстроены тысячи сёл и слобод; их трудом были вновь расчищены и засеяны поля и выковано оружие для русских полков, отразивших натиск врагов на севере и западе. Исконные связи Северо-восточной Руси с уцелевшими от нашествия городами Новгородско-Псковской и Полоцко-Минской земель содействовали её экономическому оживлению.

В то же время русский народ продолжал непрерывную борьбу и против феодальной эксплуатации. В княжеских и боярских летописях уцелели некоторые свидетельства об этой борьбе. Например, в 1291 г. в новгородской волости в результате мороза погиб урожай, падали кони, голодали крестьяне и городская беднота. «Коромолники», как именует бедноту летописец, «грабиша торг»; организаторы нападения на торг были схвачены, и бояре

добились решения веча об их казни и «свергоша два коромолника с мосту» в Волхов [1]. Антибоярское восстание 1304 г. в Костроме сопровождалось созывом веча и убийством одного из бояр [2]. Значительный социальный протест отмечен во Пскове в 1315 г. Зимой этого года «хлеб бяше дорог в Новегороде, а в Плескове почале бяху грабити недобрии людие села и дворы... и клети на городе». Псковские боярские власти применили оружие и «избиша их» [3].

Бывали и такие выступления, когда местные боярские власти не справлялись с движением «коромолников» и «недобрых людей». Тогда на помощь им приходил князь с татаро-монгольским войском. Такое восстание произошло, например, в Нижнем-Новгороде, где в 1305 г. «черные люди побили бояр», а пришедший из Орды князь «изби вечников» нижегородских [4].

Борьба трудящихся против феодальной кабалы и за освобождение от иноземного ига не затихала.

Уже в первые годы татаро-монгольского ига во Владимиро-Суздальской земле произошли весьма серьёзные и значительные события, ясно обнаружившие (как и новгородское восстание 1259—1260 гг.), что татаро-монгольское нашествие и иго не сломили и не могли сломить великого, свободолюбивого русского народа. В 1262 г., как сообщает владимирская летопись, в Северо-восточную Русь (в Ярославль) прибыл от великого хана Хубилая «зол» откупщик Титям (Титяк) [5]. Он, видимо, руководил деятельностью откупщиков, которые, беря на откуп у великого хана сбор русской дани «велику пагубу людям творили»; они же давали деньги в рост под проценты, а в случае неуплаты в срок уводили народ в рабство. Они, как говорит летопись, «многы души крестьянскыя» уводили в рабство в разные страны [6].

Не выдержав чинимых насилий, против откупщиков в 1262 г. поднялась городская беднота крупнейших городов — Ростова, Суздаля, Владимира, Ярославля и др.; «бысть вечье (вече) на бесермены по всем градом рус-

---

[1] НПЛ, стр. 327.
[2] См. *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва, М. 1947, стр. 132.
[3] НПЛ, стр. 335—336.
[4] ПСРЛ, т. XXV, стр. 393.
[5] См. *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 50—51.
[6] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 476.

ким, и побиша татар везде, не терпяще насилия от них...»[1].

В частности, в Ярославле был убит монах Зосима, который принял мусульманство и, действуя от имени ханского чиновника Титяка, творил «великую досаду» населению. Когда же произошло восстание и народ прямо с веча «на врагы своя двигшася» и когда одних «изгнаша, иных избиша, тогда и сего безаконного Зосиму убиша...»[2]. В Устюге, судя по преданию, занесённому в местную летопись, бывший здесь баскак в страхе перешёл в православие и таким образом избежал расправы[3]. В этой же летописи сохранилось и другое предание о том, что сам князь Александр Невский был причастен к организации восстания.

Во всех городах восстание сопровождалось созывом народного веча и массовым уничтожением или изгнанием татаро-монгольской администрации. Мы не знаем, как закончилось восстание, повидимому, ордынские власти нашли средства с помощью насилий и угроз (как они это уже делали в Новгородской Руси) локализовать и подавить движение.

В сложившихся исторических условиях русскому народу было чрезвычайно трудно вести борьбу за объединение и освобождение родной земли. И всё же народ такую борьбу вёл. Волна народных движений не спала после 1262 г.; с упадком Владимира центральный очаг сопротивления переместился в менее разорённую татаро-монголами Ростовскую землю. Здесь имели место вечевые выступления в 1289 г.: «Умножи же ся тогда татар в Ростове, и гражане створше вече и изгнаша их, а имение их разграбиша»[4]. Ещё больше таких выступлений отмечено в начале XIV в. Основной силой этих выступлений (в Ростове, Костроме, Ярославле, Твери) были «гражане», «чёрные люди»; в эти выступления вовлекалось и крестьянство окрестных сёл[5].

---

[1] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) (в дальнейшем — УЛС), под ред. К. Н. Сербиной, М. — Л. 1950, стр. 47; Материалы по истории СССР, II, М. 1955, стр. 295.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 476.

[3] УЛС, стр. 48.

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 179.

[5] См. *А. Н. Насонов* Монголы и Русь, стр. 55—57; Материалы по истории СССР, II, стр. 297.

Значение народных выступлений огромно. Они заставляли татаро-монгольских правителей искать иных форм управления Русью — одного террора уже было недостаточно. Об этом свидетельствуют факты, относящиеся к Курскому княжеству, где в конце XIII в. татаро-монгольский баскак Ахмат своей жестокой политикой вызвал всеобщее возмущение, приведшее к разгрому татаро-монгольских слобод. Хотя Ахмат и потопил в крови местное движение, но сам после этого «не сме жити в Руси... и поиде в орду, держася рати татарскыя»[1]. Именно волна народных восстаний нанесла первый удар по татаро-монгольскому владычеству, она смела существовавшую систему откупов, заставив в конце XIII в. золотоордынских ханов передать сбор «выхода» из рук «даньщиков»-откупщиков самим русским князьям, а в начале XIV в. — отказаться и от системы баскачества[2]. Таким образом, народные движения создавали условия, облегчавшие дальнейшую экономическую и политическую централизацию земель.

Политическая история Северо-восточной Руси характеризуется ожесточённой борьбой за великое княжение между сильнейшими князьями: тверскими, ростовскими и, наконец, московскими. В то время как русский народ вёл героическую борьбу с иноземным игом, отдельные русские князья и часть феодальной знати стремились договориться с татаро-монгольскими феодалами в ущерб интересам всей Руси. Это особенно ясно видно из политики ростовских (а также городецких и ярославских) князей[3], которые с момента татаро-монгольского нашествия сумели завязать особенно тесные отношения с золотоордынскими ханами.

Эти князья-перебежчики встречали презрение на Руси. Так, например, горожане Ярославля отказались выполнить указание ханского посла и принять князя, который нашёл поддержку у хана и пришёл из Орды с войском. Город был взят силой и горожане ограблены князем.

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, СПБ 1913, стр. 80.

[2] *А. А. Зимин.* Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-восточной Руси — «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. IX, № 1, 1952 г., стр. 61—65.

[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 146.

Разорение татаро-монгольскими войсками городов — наиболее сильных очагов сопротивления в Ростовской земле, приводило к бегству населения в более отдалённые от Орды тверские и московские земли. Летопись отмечает, что во время одного из разорений (1293) «злии татарове внезапу нападоша» на Углич и «начаша зорити его мечем и огнем, гражан истребляя, имения их емлюще, и... зело обогатишися»; часть жителей татары «в полон взяша». Но многие успели скрыться в лесах, а некоторые бежали в тверские земли.

Осложнилось и внешнеполитическое положение Северо-восточной Руси, так как наступило фактическое двоевластие. В 70-х годах XIII в. наряду с Золотой ордой в Поволжье возник второй военно-политический центр татаро-монгольских феодалов — орда Ногая, который был темником, самостоятельно правившим на обширной территории Северного Причерноморья, включавшей и галицкое Понизье и области Черниговской земли. Ногай держался независимо по отношению к золотоордынскому хану и претендовал на власть в «русском улусе». Например, курские князья считали себя вассалами Золотой орды, но в их области хозяйничал Ногай; аналогичное положение создалось и в землях Галицко-Волынской Руси.

Набеги татаро-монгольских войск постоянно угрожали Руси. В 1281 г. монгольские рати вторглись на Русь и «разсыпашася по земли»; они разорили город Муром («пуст створиша»), ограбили окрестности и посады городов Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Твери, доходили до Торжка; они многих «пограбища» и многих «поведоша в полон», притом «много душь от мраза изомроша». И тогда, говорит летописец, «прииде бо плачь велик и вопль мног, кождо бо плакахуся жены и детей, а друзии отца и матери, а друзии братьи и сестр, а друзии племени, роду и другов»[1]. В 1282 и 1285 гг. «нахожденья» повторялись.

Когда во главе Золотой орды встал сильный хан Тохта (1291—1313), страна подверглась новым разорениям. В 1293 г. на Русь двинулось большое татаро-монгольское войско воеводы Тудана.

Татаро-монгольские рати опустошили 14 крупнейших городов и «волостей»[2]. Население бежало в соседние

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 78; ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 170.
[2] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 82.

земли; так, например, опустели «все волости переяславьскыя», горожане-переяславцы, пережившие ряд нашествий, покинули город. Татаро-монголы хитростью въехали и в Москву, «обольстиша» (обманув) князя Даниила Александровича. Новгородские боярские правители лишь ценой крупного выкупа предотвратили разорение земель республики. Из больших городов уцелела только Тверь, где горожане энергично готовились к отпору. Но в том же году зимой и на Тверь было двинуто новое войско, которое учинило «много тягости людем» в Твери [1].

Но страна постепенно оправлялась от разгрома; вопреки монгольскому игу, восстанавливалось сельское хозяйство, города всё чаще напоминали о себе вечевой борьбой против феодальных распрей и монгольских вторжений.

Наибольших успехов в восстановлении хозяйства добилось Московское княжество; его значение неуклонно возрастало [2].

Политическое положение в Северо-восточной Руси делало невозможным для великих князей сохранение своих позиций в Руси Северо-западной: Полоцке, Витебске, Минске, Смоленске. Только в Новгородско-Псковской земле великие князья сохранили свою власть, продолжая при этом всё более энергичное политическое и экономическое наступление на привилегии местного боярства, начатое владимирскими князьями ещё в XII в.

Новгородские бояре сопротивлялись наступлению «низовских» князей, о чём свидетельствуют их договоры с князьями, в которых основное внимание уделено охране новгородских владений от покушений князей, их дворян и бояр. Но в этой борьбе за землю, за крестьян положение новгородских правителей становилось всё менее устойчивым. В новых условиях новгородские бояре уже не могли свободно маневрировать, сталкивая между собой, как прежде, сильных князей смоленских, киевских, владимирских. Сократилась территория Руси, с которой был связан Новгород, а над всеми князьями стояли золотоордынский хан и назначаемый им великий князь, правивший и в Новгороде. Возросшая внешняя угроза

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 483.

[2] Подробнее см. Очерки истории СССР (IX—XV вв.), ч. I, стр. 884 и сл.

с севера и запада вынуждала бояр искать помощи у князей.

По мере экономического оживления русских земель создавались условия для изменения отношений с Ордой. Вследствие этого московский князь Иван Калита получил возможность, поддерживая старую форму политических отношений с Ордой, использовать её в интересах своего княжества, нанести серьёзные удары своим противникам в феодальной войне, заложить основы могущества Москвы и упрочить позиции московских князей в Новгородской земле.

Глава вторая

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА ОХРАНУ СЕВЕРНЫХ И ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ РУСИ

В тяжёлые годы борьбы русского народа против татаро-монгольского ига на Руси не прекращалась также и борьба за охрану северных и западных рубежей страны, которые находились под постоянной угрозой со стороны Швеции, Дании, немецкого Ордена и Литвы.

После разгрома на Неве шведское правительство не отказалось от мысли овладеть землёй финнов. В начале 1248 г. ярлом (правителем) Швеции стал Биргер, зять короля: он управлял, как отмечали папские легаты, всей страной. Биргер и занялся подготовкой похода против финнов.

Политическое положение в земле финнов красноречиво характеризуется тем фактом, что епископ Томас — один из организаторов шведской агрессии против Руси, покинул в середине 40-х годов XIII в. Финляндию и отправился доживать свои дни на остров Готланд. По словам финской хроники, он поступил так «из страха перед русскими и карелами» [1], которых поддерживали финны.

В 1249 г. начался второй этап завоевания шведскими феодалами страны финнов и покорения основного её населения — еми. Биргер собрал большое рыцарское войско и, высадившись на южном берегу Нюландии [2], в крово-

[1] См. *И. П. Шаскольский.* Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50 годов XIII в. — «Исторические записки» № 43, 1953, стр. 185—186.

[2] Нюландия — одна из областей Финляндии.

пролитных боях разбил емь; население, отказывавшееся принять христианство, беспощадно истреблялось. К середине 1250 г. емь была завоёвана. Политическое положение Новгорода в то время не позволило ему оказать помощи финнам. По этому поводу автор одной из хроник заметил: «Ту страну, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял». Это известие ценно тем, что оно подтверждает факт существования длительных и прочных русско-финских связей в предшествовавшее время.

Биргер заложил в центре финской земли, на берегу озера Ваная, крепость Тавастгус и поселил здесь шведских феодалов-колонистов, раздав им финские земли; коренное население было обложено тяжёлыми поборами, в том числе и церковной десятиной. Однако шведским феодалам не удалось уничтожить русско-финские связи, что ясно обнаружилось в ближайшие годы. Окрылённые захватами в земле финнов и зная, что Новгороду грозило татарское иго, шведские феодалы рискнули провести в 1256 г. ещё одно наступление на Северо-западную Русь, на этот раз в союзе с датчанами, в частности с датским вассалом, правившим в Ревеле. В поход были двинуты также вспомогательные финские отряды.

Захватчики решили закрыть Руси выход в Финский залив, занять Вотьскую, Ижорскую и Карельскую земли; они обосновались на реке Нарове и начали строить город на её восточном, русском берегу. Папская курия широко поддерживала и эту агрессию набором крестоносцев и даже назначила специального епископа для этих земель. В это время войск Александра Ярославича не было в Новгороде, и новгородцы послали к нему во Владимир «по полкы», а сами «розослаша по своей волости, такоже копяще полкы». Шведские и датские феодалы не ожидали таких действий и, узнав о них, отступили («побегоша за море»).

Зимой того же года с полками из Владимира пришёл князь Александр. Он решил дать должный ответ шведскому правительству, организовав поход в землю финнов. Но новгородское боярство, либо признав уже потерю своих позиций в земле еми, либо, возможно, не рассчитывая, что подчинённая емь будет приносить доход именно Новгороду, а не князю, не поддержало этого похода [1].

[1] НПЛ, стр. 81, 309.

Пройдя по льду Финского залива в землю еми, русское войско опустошило здесь шведские владения. Поход в суровых зимних условиях был чрезвычайно трудным: «И бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи; и многым шестником (участникам похода) бысть пагуба»[1], — отметил летописец. Несмотря на то, что после жестокого шведского завоевания земля еми была ослаблена, вступление русского войска вызвало новое противошведское восстание. Об этом факте мы узнаём из послания папы Александра IV, который писал, что русские и карелы напали на шведское население в стране финнов и убили «многих из его (короля) верноподданных, пролили множество крови, много усадеб и земель предали огню..., многих, возрожденных благодатью священного источника, прискорбным образом привлекли на свою сторону...»[2].

Итак, насильственно крещённые и угнетаемые шведскими феодалами финны в большом числе присоединились к русским. Но финский народ был так ослаблен, что не смог помочь русскому войску закрепить победу, и владимиро-суздальским полкам пришлось ограничиться демонстративным разгромом шведских колоний. Хотя этот поход и не вернул емь под власть Новгорода, всё же он показал шведскому правительству, что татаро-монгольское нашествие не изменило отношения Руси к иноземным захватчикам.

По карельскому вопросу у Новгорода возник конфликт с другой северной страной — Норвегией. В древней саге исландца Стурла, сына Тарда, посвящённой норвежскому королю Хакону (1217—1263), читаем: «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трондхейме, прибыли с востока из Гардарики («страны городов», так именовали скандинавы Русь) послы Александра, конунга Хольмгарда (Новгорода). Звался Микьял (Михаил) и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники (сборщики дани) Хакона конунга и его сына на севере в Марке (Финмаркене, на окраине земли саамов) и восточные кирьялы (карелы), те, что платили дань конунгу Хольмгардов, потому что между ними постоянно было немирье, гра-

---

[1] НПЛ, стр. 81.

[2] См. *И. П. Шаскольский.* Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50 годов XIII в., стр. 196.

бежи и убийства. Были там совещания, и было решено, как этому положить конец. Им (русским послам) было также поручено повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгарда велел им узнать у Хакона конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга». «Хакон конунг, — повествует далее сага, — решил так: послал мужей из Трондхейма весной и поехали [они] на восток вместе с послами Александра конунга... Прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны (саамы); и продержалось это соглашение недолго.

В то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгарда. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда [1]. И после того, как они (норвежские послы) закончили порученное им дело, поехали они с востока с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике» [2].

Что же заставило Русь и Норвегию обменяться посольствами? За сотни вёрст от Новгорода русские данники-карелы в заполярной тундре столкнулись и вступили в борьбу с представителями чужеземного государства. Князь Александр Невский, придававший большое значение упрочению русских границ, серьёзно отнёсся к тому, что русская северная граница, прикрывавшая русские владения — Карелию (Прионежскую и Беломорскую) и значительную часть страны саамов (в первую очередь ближайшую к Новгороду часть — Кольский полуостров), до сих пор ещё не была определена, так как до той поры русско-норвежские пограничные отношения ни разу официально не оформлялись [3].

Следовательно, русская государственная власть даже в трудных условиях начала 50-х годов XIII в. продолжала проводить активную внешнюю политику. Сам факт

---

[1] *И. П. Шаскольский.* Договоры Новгорода с Норвегией — «Исторические записки» № 14, 1945, стр. 56.

[2] *И. П. Шаскольский.* Посольство Александра Невского в Норвегии — «Вопросы истории» № 1, 1945 г., стр. 113.

[3] См. *И. П. Шаскольский.* Договоры Новгорода с Норвегией, стр. 38—61.

сватовства Василия, сына Александра Ярославича, к дочери норвежского короля объясняется не только желанием русской дипломатии укрепить пограничные отношения, но и стремлением установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому. Правда, брак не состоялся, так как происшедшее в 1252 г. наступление татарского воеводы Неврюя приковало внимание Александра Ярославича к восточным делам, но норвежское посольство было пышно принято, а спорные вопросы успешно решены: Русь и Норвегия установили мир так, «чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны (саамы)».

Сохранился и древний текст этого выработанного при переговорах в Новгороде соглашения, оформленного в виде так называемой «Разграничительной грамоты». Она гласит: «Вот границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов по тому, что говорили старые люди и говорят теперь старые поселенцы и финны (саамы)»; далее следует географическое определение границ сбора дани с саамов норвежцами и карелами. Из перечня географических наименований вырисовывается весьма показательная картина политических отношений в стране саамов: выясняется, что Русь собирала дань до Ивгей-реки и Люнген-фьорда, т. е. до западной границы страны саамов, почти до пределов собственно норвежской территории[1].

В грамоте предусмотрено право норвежцев собирать дань также с той территории кочевников-саамов, которую освоили карелы; эта часть территории саамов определена как общий русско-норвежский округ по сбору дани. Отношения с Норвегией с той поры были поставлены на прочную основу государственных соглашений. Были определены и нормы сбора даней с этой территории саамов: «Брать в тех крайних границах не более пяти серых шкурок (беличьих) с каждого лука (охотника), или по старине, если они (жители) хотят, чтобы по старине было». Таким образом, были установлены нормальные, мирные отношения с Норвегией. Укрепление русских границ с владениями Швеции, Дании и Норвегии обеспечивало безопасность Новгородской земли на северо-западе.

---

[1] *И. П. Шаскольский.* Договоры Новгорода с Норвегией, стр. 52—53.

Значительно сложнее были отношения на западных рубежах.

В XIII в. Русь не раз выступала совместно с Литвой в борьбе против немецких захватчиков. В то же время соседние Литве русские земли неоднократно подвергались нападениям отдельных литовских князей. Значительная часть Русской земли попала в сферу их набегов. Эта часть может быть обозначена на карте следующими городами и укреплениями: Псков, Шелонь, Старая Руса, Селигер, Бежецк, Торжок, Зубцов, Смоленск, Витебск, Полоцк. В центре очерченной области оказываются Великие Луки, где стоял гарнизон, охранявший Новгородскую землю от неожиданных набегов; этот город называли «оплечьем» (оплотом) Новгорода.

Литва в течение ряда десятилетий поддерживала дружественные отношения с волынскими князьями Юго-западной Руси; что же касается Руси Северо-западной, то решающие победы русских войск над немецкими захватчиками на Чудском озере определили успешную борьбу с немецкими захватчиками за независимость также и литовского народа.

В конце 40-х годов XIII в. литовский великий князь Миндовг, пользуясь ослаблением нажима со стороны ливонцев, а также тем, что Русь разорена татаро-монгольскими войсками, попытался овладеть Смоленском. Тогда же литовские отряды стали проникать далее вглубь Руси: ими был занят Торопец и совершены набеги на Торжок и Бежецк у границ самой Владимиро-Суздальской земли.

Видимо, в 1248 г. русские соединённые силы из Новгорода, Твери, Дмитрова, Торжка и Москвы осадили литовцев в Торопце. Затем прибыл с владимирскими полками князь Александр; владимирские полки нанесли ряд поражений литовским князьям: они освободили Торопец и разбили литовские войска под Жижцем и у Восвята [1].

Великий князь Миндовг, натолкнувшись на сопротивление и галицко-волынского князя Даниила, очистил Смоленскую землю. Но в Полоцке оказался литовский князь Товтивил; позднее он перешёл под власть Александра Ярославича и участвовал в походах русских войск

[1] НПЛ, стр. 79; ср. ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 472.

против Ордена[1]. Это внедрение в западные русские города литовских феодалов, хотя и усваивавших более высокую русскую культуру и государственность, являлось подготовкой захвата западнорусских земель Литовским государством.

Большой заслугой великого князя Александра было осуществление им в 60-х годах XIII в. союза Руси с Литвой для совместной борьбы против немецких крестоносцев. Союз этот официально выразил неоднократно проявлявшуюся тенденцию к сближению русских и литовцев на основе защиты своей независимости от немецких феодалов. Опираясь на русскую помощь, литовцы отстаивали свою свободу от немецких поработителей. Оформлению русско-литовского союза предшествовали следующие события.

Ливонские феодалы в течение десятилетия не нарушали мирного договора 1242 г. Но в 1253 г. они совершили набег на псковский посад и подожгли его. Псковичи нанесли врагу немалый урон. В помощь псковичам пришли новгородцы и вспомогательный карельский отряд. Русское войско перешло реку Нарову и опустошило владения немецких рыцарей. Опасаясь новых ударов, ливонцы поспешили отправить послов в Новгород и подписали в том же 1253 г. договор о мире «на всей воли новгородьской и на пльсковьской»[2].

Новое поражение ливонских феодалов у русских границ не изменило их агрессивных стремлений. Папская курия также не теряла надежд на успех, призывая новые партии крестоносцев на борьбу против Руси. В Западной Европе ещё не перестали сомневаться в победе Ордена над Русью[3]. Но реальное соотношение сил было обратным тому, которое рисовалось западноевропейским политикам. Лучшим доказательством этого явились события 60-х годов XIII в.

Установив относительно мирные отношения с татаро-монгольскими ханами, князь Александр Ярославич выдвинул план уничтожения Ливонского ордена. Великий князь пришёл к этой мысли при таких обстоятельствах. Литовский великий князь Миндовг потерпел неудачу в

---

[1] НПЛ, стр. 84.
[2] Там же, стр. 80.
[3] См. *Вильгельм де Рубрук*. Указ. соч., стр. 86.

занятии русских западных земель; опасаясь в то же время наступления на Литву немецких рыцарей, он прибег к дипломатическому манёвру. В 1251 г. он согласился заключить мир с Орденом. Но соглашение не могло быть прочным, так как литовский народ продолжал борьбу с немецкими захватчиками. После восстаний в Жемайтии и Земгалии Миндовг порвал с Орденом, и в 1260 г. в битве у озера Дурбе литовские войска наголову разгромили немецких крестоносцев.

Тогда же Миндовг отправил послов на Русь к Александру Ярославичу, понимая, что только с помощью русских можно закрепить победу над крестоносцами; литовские послы, по словам немецкой рифмованной хроники, вернулись и сообщили, что на Руси «рады перемене чувств» Миндовга.

В 1262 г. князь Александр в свою очередь отправил посольство в Литву, обещая Миндовгу «большую помощь». Тогда же Александр Ярославич и Миндовг заключили союзный договор против немецких крестоносцев. Очевидно, Миндовг признал право Александра Ярославича на Полоцк. Был намечен совместный поход на Ригу, а жемайтскому князю Тройнату поручалось поднять восстание среди ливов и латгалов. Ливонским рыцарям грозило полное уничтожение.

Тройнат, видимо опасаясь усиления Миндовга, выступил преждевременно, и когда зимой 1262 г. литовские войска, разоряя немецкие замки, пришли под Цесис (Венден), русских там не оказалось, хотя хорошо известно, что они очень спешили [1].

Лишь когда Миндовг возвратился в Литву, русские полки вторглись в землю эстов. Русское войско вёл князь Дмитрий Александрович. Оно было весьма велико и включало княжеский «великий полк», новгородский сводный полк, витебский, тверской, полоцкий полки и литовскую дружину в 500 человек, которую вёл полоцкий князь Товтивил. Сам Александр в это время был отвлечён ордынскими делами [2]. Русские войска осадили Тарту (Юрьев), который был немцами укреплён «в 3 стены», и взяли его «одинымь приступлениемь» и «люди многы града тово овы побиша, а другы изоимаша живы... и

---

[1] LR, S. 152.

[2] См. «Житие Александра Невского», стр 192.

взяша товара бещисла и полона»[1]. Уцелел лишь замок на Тоомемяги. Заняв Юрьев, русские войска, однако, прекратили поход и возвратились в Новгород; возможно, что им стало известно об уходе литовских войск.

В том же году в Новгород прибыли немецкие послы из Риги, Любека и с Готланда — просить мира и возобновления торговли. Владимирский князь заключил с ними договор о мире и торговле.

Этот договор восстанавливал «старый мир», т. е. порядок русско-немецкой торговли, существовавший до немецкого вторжения в Восточную Прибалтику[2].

Победы русского оружия заставили немецких крестоносцев и рижских, любекских и готландских купцов не только отказаться от надежд овладеть Новгородом и Псковом, но даже изменить что-либо в прежнем порядке взаимной торговли, отказаться от попыток блокировать Русь. Вооружённой и дипломатической борьбой Русь на время упрочила свои рубежи с Орденом и Литвой.

Однако Русь утратила былые позиции не только в эстонских, но и в латвийских землях. Псковские данщики в Алысте (земля Атзеле) упоминаются в последний раз в 80-х годах XIII в., где их «избиша немцы»[3]. Земли Даугавпилская и Резекне в 60-х годах перешли, видимо, под власть Пскова, но ненадолго. В 1277 г. немецкие рыцари заняли Даугавпилс, который затем энергично осаждало русско-литовское войско князя Тройдена. Позднее крепость попала вновь под власть Литвы, но последняя не смогла её удержать, и около 1313 г. её окончательно захватили рыцари, таким образом овладевшие Подвиньем.

Курши после жестокой борьбы утратили независимость к 1267 г. Борьба земгалов продолжалась в течение нескольких десятилетий; она находила поддержку в Литве и ознаменовалась крупными восстаниями под руководством Шабиса[4] (1259) и Намейсиса (1279). Немецкие феодалы понесли немалый урон от земгалов, которые, обороняя свои замки — Тервете, Межоте, Добеле, Ракте и Сидрабе, сумели продержаться до 1290 г., когда

---

[1] НПЛ, стр. 83.

[2] ГВНиП, № 29, стр. 56—57.

[3] Псковские летописи, вып. II, под ред. А. Н. Насонова, М. 1955, стр. 88.

[4] Даже немецкий хронист называет его «доблестным героем», см. LR, S. 120.

пало последнее укрепление и остатки их сил ушли в Литву. Латвийский народ, так же как и эстонский, заставил врага дорого заплатить за захват своей земли.

Исторические условия сложились не в пользу латвийского и эстонского народов, которым пришлось сражаться разрозненными силами против немецких рыцарских войск, поддержанных постоянными подкреплениями из других европейских стран. Монгольское нашествие и тяжёлое иго лишили русский народ возможности помочь эстонскому и латвийскому народам.

Разбойничье завоевание немецкими феодалами земель Польского Поморья и Восточной Прибалтики, ничего не дав немецкому народу, привело к созданию здесь экономического оплота наиболее реакционной части немецкого господствующего сословия, породило очаг постоянных политических и национальных противоречий и войн, ослаблявших не только Польшу, Литву, Русь, но в конечном счёте и Германию.

В конце XIII — начале XIV в. внешнеполитическое положение Руси на северо-западе значительно ухудшилось. Феодальные усобицы внутри страны, неоднократные опустошительные вторжения татарских войск не позволяли восстановить прежние позиции Руси в Финляндии и Прибалтике; приходилось отстаивать Карелию, устье Невы, Ладогу, Псков.

В связи с этим немаловажное значение имели отношения со Швецией, возобновившей свою агрессию. Упорный характер носила борьба за Карелию. Карельский народ неоднократно выступал совместно с русским народом в борьбе и против шведских и против немецких захватчиков. В 1282—1283 гг. шведские рыцари вторгались через Неву в Ладожское озеро, но были отбиты новгородцами и ладожанами [1]. В это же время шведские феодалы развернули наступление на земли Западной Карелии. Несмотря на упорное сопротивление карел и новгородских войск [2], они захватили часть Западной Карелии и построили там в 1293 г. крепость Выборг. Попытка занять Выборг, предпринятая в следующем году войсками великого князя Андрея Александровича, не увенчалась успехом. Однако в 1295 г., когда шведский воевода Сиг

---

[1] НПЛ, стр. 325.

[2] Там же, стр. 327.

поставил ещё один город в Карельской земле, новгородцы город снесли, а воеводу убили[1]. В 1310 г. на месте старого укрепления новгородское правительство для охраны западного побережья Ладожского озера построило в Карелии крепость Корелу (Кексгольм, ныне Приозерск).

Видимо, Швеции всё же удалось удержать захваченные карельские земли, так как новгородские бояре в грамоте, адресованной князю Михаилу Ярославичу, жаловались, что княжеский наместник, которого Новгород «кормил» доходами с Карелии, эту «Корелу всю истерял и за немце (шведов) загонил»[2]. Борьба обострилась[3].

Одновременно с борьбой за Карелию Новгородской земле приходилось отстаивать от шведских захватчиков устье Невы — выход в море. Не ограничиваясь отдельными набегами, шведское правительство сделало попытку прочно обосноваться на Неве. В 1300 г. сюда на судах прибыли шведские рыцари «в силе велице», они привезли своих «мастеров», а также «от папы (Бонифация VIII) мастер приведоша нарочит» и построили здесь в устье реки Охты крепость Ландскрону («Венец земли»), установив в ней метательные орудия. Возглавлявший поход шведский воевода Торкель Кнутсон оставил в крепости «мужи нарочитыи с воеводою Стенем...»[4]. Таким образом, шведское правительство вновь попыталось закрыть выход в море Новгороду и всей Руси.

Но этот замысел шведского правительства не удался, ибо уже в следующем, 1301 г. низовские полки великого князя Андрея Александровича совместно с новгородскими и ладожскими силами «потягнуша (потрудились) крепко» и заняли Ландскрону. Из шведского гарнизона никому не удалось спастись: русские «овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша»[5]. В следующем году были приняты меры к укреплению Новгорода: было начато строительство городской каменной стены.

Наши источники отмечают крупное столкновение со Швецией в 1322 г., когда московский князь Юрий Данилович совместно с новгородцами предпринял новый по-

---

[1] НПЛ, стр. 328.
[2] ГВНиП, № 8, стр. 18.
[3] НПЛ, стр. 93, ср. стр. 94.
[4] НПЛ, стр. 91; ср. ГВНиП, № 33, стр. 62—63.
[5] НПЛ, стр. 91.

ход на Выборг[1], а затем для охраны пути в море распорядился построить город Орехов (ныне Петрокрепость), где, наконец, в 1323 г. был заключён со Швецией так называемый Ореховецкий договор о «вечном мире»[2]. Договор этот заключил на равных началах московский великий князь Юрий Данилович «с братом своим с князем свейским» Магнусом. По этому договору устье Невы оставалось за Новгородом с условием, что в Карелии ни шведы, ни русские не будут ставить новые крепости.

Несмотря на то, что этот договор был невыгоден Руси, утратившей право на земли еми и какой-то части Карелии, он всё же в известной мере обеспечивал свободу торговли Руси с другими странами Европы. Договором отмечено участие в его составлении и купцов «с Готского берега».

Кроме того, шведское правительство было обязано соблюдать нейтралитет в случае столкновения Руси с Данией, точнее с её вассалами в Ревельской земле. Таким образом, с помощью Московского княжества отношения Новгородской Руси со Швецией были урегулированы на длительное время. Впоследствии Ореховецкий договор лёг в основу соглашений со Швецией Новгорода, а в дальнейшем и Русского централизованного государства[3].

Несколько позднее, в 1326 г. в Новгороде был заключён русско-норвежский договор[4]. По этому договору восстанавливались старые русско-норвежские рубежи и обе стороны обязались взаимно отказаться от всех захваченных ими друг у друга земель[5]. Так были восстановлены границы, предусмотренные в «Разграничительной грамоте» договора 1251 г. Это был несомненный успех русской внешней политики в Северной Европе.

Новгородское правительство не напрасно добивалось шведского нейтралитета на случай своих столкновений с западными соседями: укрепление западной границы с датскими и немецкими крестоносцами требовало немалых усилий со стороны Руси. Ещё в 1268 г. новгородские

---

[1] НПЛ, стр. 96.

[2] ГВНиП, № 38, стр. 67—68; НПЛ, стр. 97.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв., стр. 43.

[4] ГВНиП, № 39, стр. 69—70.

[5] См. *И. П. Шаскольский.* Договоры Новгорода с Норвегией, стр. 45—46.

правители «под рукой» тверского великого князя Ярослава Ярославича предприняли большой поход на датских феодалов к Раквере (Раковору) в земле Вирумаа. Возглавлял поход переяславский князь Дмитрий Александрович; в походе участвовали, кроме новгородских, «низовские», смоленские и полоцкие полки [1]. Хотя походу предшествовало соглашение новгородского правительства с Орденом, обещавшим не помогать датским феодалам, немецкие крестоносцы нарушили соглашение и неожиданно напали на русских, успешно дошедших до Раквере. Здесь 17 февраля «бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни деди», — говорит летописец.

Обе стороны понесли большие потери, причём в русском войске пало «много добрых бояр, а иных черных людий бещисла; а иных без вести не бысть...». Однако на следующий день русские войска вновь вступили в бой и отогнали врага к Раквере, а затем три дня стояли «на костех» [2] в знак победы. В то же время псковский отряд князя Довмонта совершил опустошительный набег на немецкие владения вплоть «до моря» [3].

Во Пскове возникла особая «Повесть о князе Довмонте». Довмонт, родом литовец, бежал со своей дружиной из Литвы во Псков. Приняв православие и имя Тимофея, он был избран псковским вечем в князья (1266—1299), и с той поры этот «страшен ратоборец» верно служил Руси. Примечательно, что, говоря о битве на Двине (1266), автор повести отметил доблесть и русского воина Давыда Якуновича и его боевого соратника литвина Лувы (Луки) из дружины Довмонта. В повести восхваляется мужество псковичей, которые отбивали набеги литовских феодалов на русские земли (1266, 1271, 1272, 1299). Повесть содержит также яркий материал о борьбе псковичей против немецких захватчиков при Раквере и во время защиты Пскова от их набегов [4].

В дальнейшем у Новгорода не было столкновений с датскими крестоносцами до 1294 г., когда ревельский наместник вскоре после утверждения шведов в Выборге

---

[1] По немецким данным — более 30 тыс. воинов (LR, S. 174).

[2] НПЛ, стр. 86—87.

[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 148.

[4] Текст повести о Довмонте см. *Н. Серебрянский.* Древне-русские княжеские жития, М. 1915, стр. 138—156; ср. также Псковские летописи, вып. II, стр. 16—18, 82—87.

перешёл Нарову и на её русской стороне соорудил укрепление, а также захватил близлежащие земли. Новгородцы вскоре дали отпор этой вылазке [1]. Столкновения продолжались ряд лет и закончились русско-датским мирным договором, который новгородские послы «докончавше» в Дании в 1302 г. и привезли в Новгород [2]. Судя по Ореховецкому договору, датские феодалы нарушали условия этого договора.

Значительную и всё возраставшую угрозу землям Северо-западной Руси несло в эту пору Литовское великое княжество. Татаро-монгольское иго облегчило Литве захват западнорусских (полоцко-минских) земель и развёртывание наступления в сторону Пскова, Смоленска, Твери. Литовские князья неоднократно нарушали границы Новгородской Руси и совершали набеги даже на тверские волости [3].

Русь не раз наносила ответные удары (например, в 1285 г.). Неудачным был поход 1275 г., в котором русские князья «не успевше ничто же, возвратишася назад», причём татарские войска, принимавшие участие в походе по дороге в Литву (и «того злее» на обратном пути) разорили русские земли: «...по волостем, по селом дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили и облупивше нагого пустять...». Таким образом, татарские ханы, выдавая себя за помощников Руси, принесли ей только ущерб: «Творящеся на помощь пришедше, обретошася на пакость» [4].

Псковский князь Довмонт признавал власть Новгорода и великих князей; затем здесь можно отметить подвластных Руси князей — выходцев из Литвы [5]. Позднее уже в 1331 г. в Пскове оказался князь, посаженный «из литовскыя рукы» Гедимином [6]. Однако дальнейшее усиление великокняжеской власти на Руси, укрепление Московского княжества позволили отстоять Псковскую землю от притязаний литовской знати.

Что касается отношений Новгородской и Псковской земель с немецкими ливонскими феодалами, то последние

---

[1] НПЛ, стр. 328.
[2] Там же, стр. 91.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 483; т. XXV, стр. 81.
[4] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 74.
[5] НПЛ, стр. 89; ср. стр. 97—98; ср. ГВНиП, № 37, стр. 65—67.
[6] НПЛ, стр. 343.

неоднократно пытались нападать на Псков и всегда терпели неудачу. Таким образом, хотя в результате татаро-монгольского нашествия и наступления рыцарей-захватчиков Русь и потеряла свои позиции в Прибалтике, и русский народ был вынужден оборонять Северо-западную Русь в районах Карелии, Невы, Наровы и Пскова, эти новые рубежи он удерживал до тех пор, пока сложившееся под руководством Москвы Русское централизованное государство не поставило вопроса о восстановлении своих исторических прав в Прибалтике.

Глава третья

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НАД ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСЬЮ. ЗАХВАТ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЬСКИМИ И ЛИТОВСКИМИ ФЕОДАЛАМИ

Юго-западная Русь попала под власть татаро-монгольских ханов несколько позднее, чем Северо-восточная. Это в немалой степени объясняется как её географическим положением, так и политическим курсом местного княжеского двора. Прибывший в 1245 г. по требованию Батыя в Сарай галицко-волынский князь Даниил Романович в результате переговоров стал в номинальную зависимость от Золотой орды: «...поручена бысть земля его ему»[1]. Но полное подчинение Юго-западной Руси татаро-монгольским ханам было ещё впереди.

Победа в феодальной войне, разгром галицко-волынскими войсками венгерско-польских захватчиков, установление определённых взаимоотношений с татаро-монгольскими правителями вызвали у местного княжеского двора даже желание предъявить свои права на руководящее положение во всей Южной Руси, включая Киев, которым под властью золотоордынских ханов управляли суздальские князья. Местный княжеский двор сумел использовать внешнеполитические выгоды соглашения с татаро-монголами. В первую очередь требовали урегулирования отношения с Венгрией. Король Бела IV сам начал переговоры о мире, «бояше бо ся его (князя Даниила), яко был бе в Татарех [и] победою победи Ростислава (в битве под Ярославом) и угры его»[2]. Мирный договор был

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 808.
[2] Там же, стб. 809.

скреплён браком княжича Льва Даниловича с дочерью Белы IV.

В это же время усилились происки папской курии в Юго-западной Руси. Спекулируя на необходимости создать антитатарскую коалицию, папа Иннокентий IV в 1245 г. начал переговоры с галицко-волынским князем о военном союзе и церковной унии; эти переговоры привели к взаимному обмену посольствами и номинальному признанию курией суверенитета Галицко-Волынской Руси в её отношениях с Венгрией, Орденом и другими государствами. В связи с тем, что курия прежде всего стремилась к проведению в Юго-западной Руси унии, откладывая реализацию обещаний об организации вооружённой борьбы с татаро-монголами, длившиеся три года переговоры были прерваны в 1248 г. Галицко-волынский князь, не ожидая реальной помощи от курии и понимая сущность её захватнической политики в Восточной Европе, умело использовал эти переговоры для стабилизации западных границ своего княжества.

В 1252 г. по инициативе курии, при посредничестве короля Белы IV, который опасался сближения русского князя с Золотой ордой и писал, что «не пожалел труда», чтобы склонить Даниила Романовича к этому, переговоры возобновились. Миссия венгерского короля облегчалась тем, что в это время татаро-монгольские феодалы двинули к западным границам своих владений войска под командованием Куремсы. Князь Даниил решил не подчиняться татаро-монгольскому воеводе и поэтому, заинтересованный в спокойствии на своих западных границах, был готов возобновить переговоры с курией. Стремясь к дальнейшему укреплению позиций Юго-западной Руси в Восточной Европе, а также возобновлению старинных русских торговых связей на Дунае, князь Даниил счёл необходимым вмешаться в войну за австрийское наследство. Соглашение с курией могло и здесь оказаться полезным.

Заключив союзный договор с Белой IV, а также малопольским князем Болеславом Стыдливым, князь Даниил добился от них признания за своим сыном Романом герцогских прав на Австрию. В первой половине 1252 г. в замке Гимберг, южнее Вены, состоялась свадьба Романа Даниловича с наследницей австрийского престола Гертрудой Бабенберг.

Вскоре союзники пришли в столкновение с чешским королём Пржемыслом II, также претендовавшим на Австрию и нашедшим поддержку у папской курии. Из-за предательского поведения венгерского короля Роман Данилович был вынужден с небольшим гарнизоном выдерживать длительную осаду войск Пржемысла II. Попытка князя Даниила Романовича организовать русско-польское вторжение через Силезию в Моравию в 1253 г. не достигла цели: малопольские князья, опасаясь усиления русского князя, вели себя в походе пассивно, поэтому войска лишь разорили окрестности Опавы и Глубчицы, заняли Нассидель, подчинили крепость Фульштейн, взяли много пленных и оставили Моравию; вскоре и князь Роман Данилович покинул Австрию.

В малопольской столице Кракове папские послы поджидали возвращавшегося из чешского похода князя Даниила. Но князь, рассерженный на своих союзников, не пожелал вести переговоры вне своей страны и отказался принять послов Иннокентия IV. Он сказал им: «Не подобаеть ми видитися с вами [в]чюжей земли» [1]. Когда позднее, папское посольство прибыло в Дорогичин, то и здесь Даниил решился на принятие от папы короны и скипетра с большими сомнениями [2]. На коронации присутствовали и польские князья; это произошло около 1254 г.

Князь Даниил не случайно короновался именно в Дорогичине: этим он подчеркнул свои права на ятвяжские земли в глазах крестоносцев и Литвы, с которой лишь недавно успешно закончил войну. Миндовг должен был вернуть Даниилу в качестве лена Чёрную Русь; отошла к Волыни и Южная Судовия (часть ятвяжской земли). Этот пункт соглашения должны были признать и прусские крестоносцы.

Однако и новое соглашение с курией, выражавшее признание крупной роли Галицко-Волынской Руси в международных делах Восточной Европы, не привело ни к унии, ни к совместной борьбе с Золотой ордой. Используя временное спокойствие на Западе, войска князя Даниила в 1254 г. успешно отразили наступление монгольской рати Куремсы. Правда, Куремса завладел

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 826.
[2] Там же, стб. 826—827.

Понизьем [1]. Но галицко-волынский князь пошёл войной на врагов; его войска заняли и разорили район болоховских земель, где уничтожили «городы, седящия за татары» [2]. После занятия Возвягля, волынский князь даже подумывал продвинуться «оттуда и к Кыеву» [3]. Отбив татаро-монгольское наступление, князь Даниил и в дальнейшем «держаше рать» с Куремсой «и николи же не боуся» его [4].

Что касается отношений с курией, то холмский двор отказался допустить какое бы то ни было вмешательство папства в русские церковные дела. Папа сперва пытался угрожать князю «оружием верных» и даже предложил своим агентам развернуть в Чехии, Моравии, Польше и Австрии проповедь крестового похода против Руси, но в конце концов был вынужден освободить своего епископа от посещения русской «епархии» «по причине обширного протяжения (этой) земли, вероломства ее владетелей и злобы обитателей» [5]. Таким образом, происки папской курии в Юго-западной Руси потерпели не меньшую неудачу, чем в Северо-восточной Руси и в Литве.

В то время внешнеполитическое положение Юго-западной Руси определялось в первую очередь её взаимоотношениями с Золотой ордой. В 1258 г. Орда предприняла решительные действия для ликвидации независимости Галицко-Волынской Руси. Сюда был направлен опытный монгольский воевода Бурундай с большим войском. Имея основной целью поход в Литву, он потребовал у галицко-волынских князей выполнения их вассальных обязательств: участия в войне («оже еси мирен мне, поиде со мною») [6]. Князья не имели сил, чтобы противостоять новым полчищам монголов. Татаро-монгольские войска опустошили литовские земли. В то же время князь Даниил вторгся в Чёрную Русь, вновь захваченную литовскими князьями. Татаро-монгольское нашествие на ряд лет нарушило русско-литовские мирные отношения.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 829.

[2] Там же, стб. 838.

[3] Там же.

[4] Там же, стб. 846.

[5] *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 260—261.

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 846.

В следующем, 1259 г. воевода Бурундай, направив свои войска непосредственно через территорию Галицкой земли и Волыни, двинулся на Польшу, вновь потребовав от южнорусских князей участия в походе[1]. Во время наступления в Польше были разорены области Сандомирская, Краковская, Шлёнская (до города Бытом). Тогда же по приказу Бурундая в самой Юго-западной Руси были уничтожены оборонительные сооружения важнейших городов — Данилова, Стожеска, Львова, Кременца, Луцка, Владимира, лишь незадолго до этого вновь отстроенных и укреплённых экономических центров и пунктов обороны. Таким образом, вся Юго-западная Русь была включена в орбиту татаро-монгольского властвования.

Татаро-монгольское выступление сильно осложнило русско-польские отношения, для урегулирования которых в 1260 г. был созван специальный съезд русских и польских князей в Тернаве, на котором были разрешены все спорные вопросы и князья «положиша ряд межи собою о земле Рускую и Лядьску»[2]. Что касается русско-литовских отношений, то они оставались неурегулированными до самой смерти литовского великого князя Миндовга (1263), войска которого продолжали совершать набеги на Камень, Мельник, союзный Волыни Брянск и дружественную ей польскую землю Мазовию.

Со смертью в 1264 г. князя Даниила Романовича — выдающегося государственного деятеля, полководца и дипломата, с годами правления которого связано объединение Юго-западной Руси и её крупные хозяйственные, политические и культурные успехи, — Галицко-Волынская Русь вновь утратила политическое единство. Вначале она распалась на четыре княжества. Великим князем сделался младший сын Даниила — Шварн[3].

По смерти Шварна Даниловича (около 1269 г.) князь Лев Данилович завладел всей Галичиной и Забужьем, став великим князем[4], и к началу XIV в. вся Галицко-Волынская Русь вновь соединилась в его руках, а затем перешла к его сыну Юрию. Но это объединение оказалось также непрочным и недолговечным.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 849.
[2] Там же, стб. 858.
[3] Там же, стб. 870.
[4] Там же.

Установление татаро-монгольского ига не изменило существовавших до татар в Юго-западной Руси общественных отношений. Все местные князья находились «в воли в тотарьской»[1] и должны были признать татаро-монгольского хана своим сюзереном[2]. Понятно, что при этом все акты государственного значения должны были совершаться либо при «царех», т. е. ханах, либо при их «рядцех»[3] (послах). Став ханскими вассалами, галицко-волынские князья должны были платить «татарщину»[4] («выход»), ложившуюся тяжёлым бременем на народ, и по требованию ханов служить им своими вооружёнными силами[5].

Татаро-монгольская политика в отношении Юго-западной Руси характеризовалась большой активностью; сами золотоордынские и ногайские ханы неоднократно с крупными войсками проходили её территорию, совершая набеги на Литву, Польшу и Венгрию, например, в 1275, 1277, 1280, 1285, 1286, 1287 гг. Киевская земля также опустошалась татаро-монгольскими ханами. Например, в 1299 г. они жестоко разорили древнюю столицу. Сообщая о бегстве из города митрополита, летописец добавил: «Тогда же и весь Киев разбежася»[6].

Неоднократные вторжения войск татаро-монгольских ханов в Юго-западную Русь усугубляли тяжесть ига, подрывали сельское хозяйство, ремесло, торговлю и в конечном итоге предопределили общий политический упадок Галицко-Волынской Руси.

Хотя после установления татаро-монгольского ига в Галицко-Волынской Руси её внешнеполитическое положение серьёзно ухудшилось, она всё же некоторое время продолжала играть заметную роль в международных отношениях Восточной Европы, особенно Литвы, Польши, Венгрии, Чехии и германских земель. Князь Лев не порывал и общерусских политических связей (например, с Тверью)[7].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 872.
[2] Там же.
[3] Там же, стб. 898.
[4] Там же, стб. 904.
[5] Там же, стб. 893, 897 и др.
[6] ПСРЛ, т. VII, стр. 182.
[7] ПСРЛ, т. II, стб. 870.

Галицкий князь имел союзные отношения вначале с Венгрией [1], а затем с Чехией. Используя дружбу с Чехией, Лев Данилович, после смерти Болеслава Стыдливого (1279) вёл борьбу за краковский стол, а позднее поддерживал претензии на него союзного Юго-западной Руси мазовецкого князя [2].

Отношения Галицко-Волынской Руси с Литвой были весьма тесными в середине 60-х годов XIII в., когда после смерти Миндовга великий князь Шварн Данилович в качестве его зятя [3] правил в Литве, удерживая и Чёрную Русь. Шварн Данилович, однако, княжил «лет немного», а затем литовским князем стал Тройден. Он отверг союз со Львом Даниловичем и занял Чёрную Русь, воюя и с волынским и с галицким князьями.

В конце XIII в. активность политики литовских князей в отношении Юго-западной Руси всё нарастала, и в XIV в. в княжение Гедимина привела к захвату берестейско-дорогичинских земель великим княжеством Литовским.

Дальнейшая история Галицко-Волынской Руси освещена в источниках крайне скудно. По смерти князя Юрия Львовича (1308) здесь правили его сыновья Лев и Андрей. Власть галицкого князя распространялась и на некоторые молдавские земли (Коломыю), где сидел воеводой его стольник [4]. Князья поддерживали союзные отношения с Польшей и немецким Орденом, видимо стремясь таким образом ослабить свою зависимость от Золотой орды. При этом в Польше Галицко-Волынскую землю расценивали как «несокрушимую защиту от жестокого племени татар». Со смертью этих князей (около 1323 г.) Галицко-Волынская Русь вновь попала в руки боярской землевладельческой знати, которая и пригласила на княжение мазовецкого князя Болеслава Тройденовича, принявшего православие под именем Юрия.

---

[1] *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 300.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 830.

[3] Там же, стб. 874.

[4] См. *А. Соболевский.* Русское известие о последних галицких Рюриковичах — Сборник статей в честь М. К. Любавского, Пгр. 1917, стр. 214—215.

Он правил до 1340 г., когда в результате заговора части оппозиционного боярства был отравлен. Восстановление боярского самовластья привело к дальнейшему ослаблению военного и политического значения Галицко-Волынской Руси, к усилению вторжений иноземных войск с запада и востока и, наконец, к захвату галицких и волынских земель в середине XIV в. феодалами Польши и Литвы.

Захват и раздел Юго-западной Руси правителями соседних государств был облегчён татаро-монгольским нашествием, которое привело к значительному экономическому и политическому упадку Руси.

Глава четвёртая

ЗАХВАТ ПОЛОЦКО-МИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ЛИТОВСКИМИ ФЕОДАЛАМИ

Героическая борьба русского народа предотвратила разорение полоцко-минских земель — они не знали ужасов монгольского нашествия и не попали под иго татаро-монгольских ханов. Чёрная Русь (Новгородок, Слоним, Волковыйск), городенские, турово-пинские и берестейско-дорогичинские земли также не были завоёваны татаро-монгольскими феодалами. Внутренняя история западно-русских (будущих белорусских) земель этого времени нам почти неизвестна, так как местные летописи не сохранились и приходится довольствоваться скудными упоминаниями, содержащимися в волынской и новгородской летописях и в договорах. Если попытаться собрать все эти сведения, то можно получить самое общее представление и то лишь о политических судьбах этих земель в XIII — начале XIV в.

Татаро-монгольское нашествие ухудшило положение Полоцко-Минской Руси: потеряв в начале XIII в. большую часть своих позиций в литовских и латвийских землях, она сама попала теперь под удар немецкого Ордена и Литовского великого княжества. Временное укрепление внутреннего единства Владимиро-Суздальского и Галицко-Волынского княжеств позволило им оказать поддержку западнорусским землям в защите от иноземных захватчиков.

Тесная связь Северо-восточной Руси с Полоцкой землёй нашла своё выражение в том, что полочане участвовали вместе с суздальцами и новгородцами в борьбе

против немецко-шведской агрессии; среди героев Невской битвы упомянут полочанин Яков. Князь Александр Невский поддерживал союз Суздальской земли с Полоцком.

Укрепление Литвы вызвало перемены в положении западнорусских земель. В 40-х годах XIII в. литовский великий князь Миндовг, нарушив мир с Русью, двинул войска на смоленские[1], новгородские, а также полоцкие земли[2]; ранее литовские войска вторгались и в Черниговское княжество, где «велико убийство творяше»[3].

Литовская агрессия встретила отпор со стороны Владимиро-Суздальской Руси: мы видели, что войска Александра Невского выбили врага из русских городов, в том числе из Усвята, входившего в Полоцкое княжество; были приняты меры к укреплению обороны Витебска. Тогда же и войска галицко-волынского князя Даниила Романовича нанесли поражение литовским силам[4]. Встретив отпор, Миндовг был вынужден оставить Русскую землю; он заключил (около 1254 г.) мир с галицко-волынским князем, по которому вернул ему Чёрную Русь[5]. Тогда в Полоцке сел княжить племянник Миндовга литовский князь Товтивил. Местные бояре оказали ему поддержку. Он принял православие и сохранял союз с волынским князем.

Пребывание в Полоцке литовского князя привело вскоре к новому литовско-русскому конфликту: в 1258 г. Товтивил со своей дружиной и полочанами двинулся к Смоленску, разорил Войщину, а также Торжок[6]. Это привлекло внимание татаро-монгольских ханов, которые сами помышляли о захвате полоцко-минских земель; они послали многочисленную рать Бурундая, которая нанесла удар литовским землям с юга. В это время Литва, в союзе с которой действовал полоцкий князь, захватила у галицко-волынского князя Чёрную Русь и Городно[7]; князь удержал лишь Волковыйск[8].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 815, 819—820.
[2] НПЛ, стр. 79.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 840.
[4] Там же, стб. 822.
[5] Там же, стб. 838.
[6] НПЛ, стр. 82.
[7] ПСРЛ, т. II, стб. 847.
[8] Там же.

По союзному русско-литовскому договору 60-х годов XIII в. Полоцк, видимо, остался за Русью, чем и объясняется участие «добра князя» (как называет его новгородская летопись)[1] Товтивила с полочанами и литовской дружиной в походе русских войск на Юрьев (1262). Известно, что в этом походе участвовали и витебские войска, предводительствуемые русским князем.

Феодальная война в Литве после убийства великого князя Миндовга (1263) отразилась и на положении западнорусских земель. В Полоцке стал княжить другой литовский князь Ердень[2]; притом и Полоцк и Витебск попали под власть литовского великого князя Войшелка, правившего в Литве совместно с галицким князем Шварном.

От этого времени сохранился договор (около 1265—1266 гг.), заключённый между витебским князем Изяславом и немецким Орденом при посредничестве полоцкого князя Ерденя. Пользуясь подходящей обстановкой, немецкий Орден окончательно захватил владения полоцких князей в Латгалии. В договоре о Полоцке и Витебске сказано, что они находятся под властью литовского князя Войшелка[3]. По этому договору витебский князь должен был уступить немецкому Ордену Латгалию, взамен чего немецкие рыцари обязались не нарушать границ Полоцкой земли. За полочанами и витеблянами сохранилось право на вольную торговлю в Риге, на Готланде и в Любеке.

Дальнейшая судьба Полоцка и Витебска нам почти неизвестна. Возможно, что псковский князь Довмонт, удерживая часть Подвинья, некоторое время княжил и в Полоцке. В конце XIII в. в Полоцке правил епископ Яков, как-то связанный с Литвой[4]. В 1306 г. Орден нарушил прежний договор и захватил Полоцк; тогда литовский князь Витовт направил сюда свои войска, которые изгнали немецких рыцарей, и включил Полоцк в Литовское великое княжество.

---

[1] НПЛ, стр. 84.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 861; ср. НПЛ, стр. 84; ср. ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 234.

[3] Русско-ливонские акты, собр. К. Е. Напьерским, СПБ 1868, № XXV-а и XXV-в.

[4] Там же, № XXXVIII.

Из истории Витебска известно, что в конце XIII в. он некоторое время находился в зависимости от Смоленска [1], потом здесь были русские князья, а с 1320 г. стал княжить сын литовского великого князя Гедимина. В первой половине 20-х годов XIV в. власть Гедимина были вынуждены признать и минские князья [2]. Как видим, вначале здесь появлялись литовские князья со своими дружинами, вассальные Руси и защищавшие эти земли от немецкого Ордена. Затем, с дальнейшим ослаблением Руси, они оказывались уже вассалами Литвы, содействуя включению в её состав западнорусских земель.

Не менее сложной была судьба Чёрной Руси и соседних городенских, турово-пинских и берестейско-дорогичинских земель. В начале XIII в. Чёрная Русь вышла из-под власти галицко-волынских князей: новогородцы вместе с туровцами и пинянами выступали против них [3]. В это время литовские набеги часто тревожили Юго-западную Русь, задевая Пинск, Турийск, Червен и другие города [4]. Лишь русско-литовский договор 1219 г. несколько стабилизировал границу. Пользуясь феодальной войной в Галицко-Волынской Руси, и Польша, и Орден старались захватить западнорусские земли.

Укрепление единства Галицко-Волынской Руси сопровождалось освобождением западнорусских земель от польских феодалов [5], Дорогичина — от немецких (1237); приходилось также защищать Берестье от набегов ятвягов [6]. Подчинён был галицко-волынскими князьями и Пинск [7]. По мирному договору с Литвой (около 1254 г.) Чёрная Русь также перешла под их власть [8], но во время татаро-монгольского вторжения в 1258 г. литовские князья вновь захватили Чёрную Русь [9]. Под их власть попал, видимо, и Пинск [10]. В 60-х годах XIII в. Чёрная Русь опять перешла в руки галицкого князя Шварна [11].

---

[1] Русско-ливонские акты, № XXXIV.

[2] НПЛ, стр. 98.

[3] *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 208.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 720—721.

[5] Там же, стб. 732.

[6] Там же, стб. 751; ср. стб. 788.

[7] Там же, стб. 754.

[8] Там же, стб. 838.

[9] Там же, стб. 847.

[10] Там же, стб. 860.

[11] Там же, стб. 864.

Политическое дробление Галицко-Волынской Руси и укрепление Литовского великого княжества в годы княжения Тройдена (1270—1282) не замедлили отразиться на положении западнорусских земель. Власть Тройдена распространилась на Городно и почти на всю Чёрную Русь, которую он старался освоить, поселяя здесь (в районе Городно и Слонима) пруссов из Польского Поморья, искавших на Руси спасения от наступления немецкого Ордена [1]; захватил он и Дорогичин, принадлежавший галицкому князю Льву Даниловичу [2]. Волынский князь сумел удержать Слоним [3] и Турийск; под его властью оставался и важный торговый центр — Берестье [4]. Согласно уставной грамоте волынского князя Мстислава Даниловича берестейские горожане платили ему «ловчее» (вид налога) деньгами, а окрестные крестьяне — натурой: льном, хлебом, овсом, рожью, овцами, курами и мёдом [5].

Князья туровские и пинские были политически обособлены от Галицко-Волынской Руси; к этому времени они уже находились (так же как и брянские и смоленские) «в воле татарской», т. е. в зависимости от Орды [6]. С их помощью галицкий князь Лев Данилович вернул в 1275 г. Дорогичин [7], но Чёрная Русь осталась за Литвой; его попытка использовать силы Орды и вернуть Чёрную Русь не имела успеха [8]. Непрерывная и тяжёлая борьба с Орденом заставила литовских князей, преемников Тройдена, возвратить волынскому князю Волковыйск, «абы [он] с ними мир держал» [9].

Новые татаро-монгольские вторжения и политическое ослабление Галицко-Волынской Руси облегчили захват западнорусских земель литовскими феодалами. Турово-Пинская земля уже в начале XIV в. была вынуждена подчиниться власти Гедимина — в Пинске правил один

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 877; ср. стб. 874.
[2] Там же, стб. 870.
[3] Там же, стб. 874.
[4] Там же, стб. 875—876; ср. стб. 928, 931.
[5] Там же, стб. 932.
[6] Там же, стб. 872.
[7] Там же, стб. 872—874, 911.
[8] Там же, стб. 876—878.
[9] Там же, стб. 933.

из его сыновей; тогда же Литвой были захвачены и земли дорогичинско-берестейские [1].

Итак, при всей скудости материала, можно сделать вывод, что длительное время западнорусские земли находили защиту от немецкой, польской и литовской агрессии во Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси. Татаро-монгольское нашествие, экономический упадок и политическое дробление Руси облегчили литовским феодалам захват западнорусских земель. В дальнейшем, ведя борьбу за независимость, белорусский народ нашёл надёжную опору в братском русском народе, в крепнувшем централизованном Русском государстве.

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 165.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полчища иноземных захватчиков обрушились на Русь в то время, когда Русская земля была политически раздроблена.

Феодальная раздробленность была закономерным этапом в прогрессивном развитии нашей страны. Труд крестьян и ремесленников, труд народа, несмотря на все распри князей и иноземные вторжения, обеспечил дальнейший подъём производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле. На этой основе росло крупное феодальное землевладение — возобладала вотчина-сеньория; вместе с тем увеличивалось и служилое землевладение; наряду с барщиной по всей стране распространялся оброк. Относительно быстрый рост городов сопровождался усилением борьбы горожан за «вольности». Обострение классовой борьбы в деревне и городе вызывало неоднократные восстания крестьян и городских «чёрных» людей в Новгородской, Киевской, Владимирской, Галицкой и других землях. Значительно окрепли связи Русской земли с окрестными народами. Расцветала многообразная культура русского народа; лучшие произведения народного творчества были проникнуты идеями единства родной земли, идеями братства народов.

Постепенно созревали условия для формирования в будущем единого государства, несравнимо более прочного, чем Древнерусское. Политически это выражалось в упрочении великокняжеской власти. Эта власть распо-

лагала значительными земельными владениями; она опиралась на союз со «служащим» боярством и дворянством и на поддержку «мужей градских» — торгово-ремесленной верхушки городов.

Изучение истории феодально-раздробленной Руси XII—XIII вв. вновь и вновь убеждает в глубокой ошибочности взгляда дворянско-буржуазной историографии, которая считала этот период временем упадка Руси и отрицала органическую связь между так называемыми «киевским», «владимирским» и «московским» периодами [1]. На самом деле образование Русского централизованного государства было подготовлено в процессе внутреннего социально-экономического развития Руси предшествовавшей поры. Татаро-монгольское нашествие лишь осложнило и замедлило это развитие.

В зарубежной историографии и поныне встречаются, к сожалению, авторы, готовые искать объяснение причин образования Русского централизованного государства то в действии превратно понятого географического фактора, то в выдающихся качествах московских князей, а то и в благотворном влиянии на Русь ига иноземных захватчиков.

Борьба народов нашей страны с нашествием войск татаро-монгольских феодалов заняла более 30 лет. Монгольские правители залили кровью огромные территории Азии и Европы, разорили Пекин и Самарканд, Ургенч и Ганджу, Казвин и Багдад, Болгар и Киев, Краков, Пешт и Загреб; они сожгли и опустошили сотни других цветущих городов. Это был тяжёлый удар по культуре, цивилизации тогдашнего мира.

Народы многих стран, ставшие жертвами нашествия, героически защищали свои города и сёла, стоит лишь вспомнить воинов Тимур-мелика — героя Мавераннахра, москвичей во главе с воеводой Филиппом Нянкой, киевлян — с воеводой Дмитром, суздальские полки Юрия Всеволодовича, ополченцев и рыцарей польского князя Генриха Благочестивого и венгерского короля Белы IV.

Народы, не склонив головы перед сильным врагом, поднялись на партизанскую борьбу, в которой прославились отряды рязанца Евпатия Коловрата, половчанина Бачмана, венгерской крестьянки Ланки Прекрасной.

---

[1] См. Очерки истории СССР (IX—XV вв.), ч. 1, стр. 9—12, 309.

Народы поднимали восстания, с отчаянной решимостью истребляя угнетателей и их приспешников — вспомним действия Махмуда Тараби в Бухаре, Баяна и Джику в Болгаре, жителей Владимира, Ярославля, Ростова и многих других русских городов.

Великий русский народ принял на себя основной удар татаро-монгольских полчищ, шедших на Европу.

Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием имела всемирно-историческое значение, так как благодаря этой борьбе была подорвана сила татаро-монгольских войск. Русский народ сохранил возможности для последующего возрождения страны, было сорвано намеченное монгольскими ханами завоевание и подчинение всей Европы. В этой борьбе участвовали народы Азии, Восточной и Центральной Европы.

Русский народ вёл борьбу в особенно тяжёлых условиях, так как он должен был отражать натиск врагов и с востока, и с запада. История Руси в XIII в. — это история крайне напряжённой и исполненной героизма борьбы русского народа за свою независимость, одновременно и против татаро-монгольских, и против немецких, шведских, датских, венгерских, польских и литовских феодальных захватчиков.

В борьбе на западных рубежах, несмотря на все распри правителей, плечом к плечу с русским народом не раз выступали народы Прибалтики — эстонцы, латыши, литовцы, а также карелы, финны, ижоряне и др. Эта борьба ознаменовалась битвами, принесшими славу оружию народов, отстаивавших независимость, — битвами при Эмайыги (1234), при Шауляй (1236), под Дорогичином (1237) и др. Эта борьба привела к решающим победам на Неве (1240), на Чудском озере (1242), под Ярославом (1245); она выдвинула многих мужественных ратоборцев, таких как Вячко и Лембиту, Довмонт и Намейсис. Эту борьбу возглавили выдающиеся полководцы — наш великий предок Александр Невский, Даниил, князь галицко-волынский и Миндовг, князь литовский.

Победа русского народа над немецкими феодалами-крестоносцами и стоявшими за их спиной Германской империей и папством имела огромное значение в первую очередь для исторических судеб народов Восточной Европы, особенно славянских. Русская победа на Чудском озере впервые в мировой истории остановила

продолжавшееся в течение ряда столетий грабительское продвижение крестоносцев на восток. Именно в эти годы были заложены основы совместной борьбы великого русского народа и народов Прибалтики против многовековой немецкой и шведской феодальной экспансии. Эта победа сыграла решающую роль в борьбе литовского народа за свою независимость.

Несмотря на мужественную борьбу, великий русский народ и многие другие народы нашей страны, Китая, Передней Азии попали под долголетнее владычество татаро-монгольских захватчиков.

В тяжёлой борьбе с захватчиками отстаивал русский народ свободу своей Родины. Опустошённая и раздробленная на части, Русь во многом утратила былое международное значение; она потеряла свои позиции в Причерноморье и Поволжье (надолго прервались прежние связи с народами Средней Азии и Кавказа), а также и в Прибалтике (с трудом удерживалось устье Невы и защищалась Карелия). Отрезанные друг от друга, отдельные русские земли захватывались соседними государствами. Обособилась Юго-западная Русь (будущая Украина), и в середине XIV в. ею овладели правители Польши и Литвы. Литовское великое княжество захватило также земли Полоцко-Минской Руси (будущей Белоруссии) и Смоленска. Швеция оторвала от Руси часть Западной Карелии. Ценой больших жертв Северо-восточная Русь удерживала Псков, отбивая наступление немецкого Ордена.

В самой Северо-восточной Руси (Великороссии) на длительное время прервался процесс экономического и политического объединения. Захирели многие города. Окрепли мелкие князья и боярская знать. Ослабла великокняжеская власть. С новой силой вспыхнули феодальные распри, сознательно разжигавшиеся ордынскими правителями.

Однако и в этих невероятно трудных условиях великий русский народ продолжал борьбу за свободу. То там, то здесь вспыхивали народные движения, направленные против иноземных захватчиков и русских феодалов, и вскоре новая волна народных восстаний пробила первую брешь в татарском иге — смела систему баскачества, а неутомимый труд русского крестьянина и русского ремесленника заложил основы хозяйственного и политического укрепления Московского княжества.

Москва стала центром объединения народа в едином государстве. Под руководством Москвы великий русский народ при поддержке других народов вскоре нанёс татаро-монгольским захватчикам сокрушительный удар на Куликовом поле, положив начало освобождению своей Родины и земель соседних народов из-под тяжёлого иноземного ига.

Монгольская империя и Золотая орда, существовавшие за счёт грабежа захваченных земель, были разрушены борьбой подвластных им народов. Крушение владычества татаро-монгольских феодалов ознаменовалось их изгнанием из Ирана (1349), из Китая (1368), разгромом золотоордынских полчищ на Куликовом поле (1380).

Завоевательные походы монгольских и немецких феодалов ничего не дали ни монгольскому, ни немецкому народам, напротив, во многом затормозили их развитие.

Прошло семь веков. Советский народ, борясь за построение коммунистического общества, за процветание своего отечества с глубоким вниманием изучает своё славное прошлое, и среди величественных исторических дел народных древние летописи повествуют ему о суровых, исполненных героизма временах борьбы Руси за независимость в XIII в.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Сокращения: архиеп. — архиепископ, в. кн. — великий князь, в. хан — великий хан, дин. — династия, еп. — епископ, иг. — игумен, имп. — император, кн. — князь, кор. — король, митр. — митрополит.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сокращения: г. — город, н. п. — населённый пункт, обл. — область, оз. — озеро, о-в — остров, п-ов — полуостров, р. — река, с. — село, терр. — территория.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть третья

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НА РУСИ И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ И СХЕМ К КНИГЕ

(Составлены И. А. ГОЛУБЦОВЫМ)

I. Карты:

II. Схемы:

Отзывы и пожелания читателей
просим направлять по адресу:
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.
Госполитиздат, редакция исторической литературы.

ПАШУТО Владимир Терентьевич

Героическая борьба русского народа
за независимость (XIII век)

Редактор *Ю. Тихонов*

Технический редактор *М. Пиотрович*
Ответственный корректор *О. Скрылева*

Сдано в набор 7 сентября 1955 г. Подписано в печать 16/I 1956 г.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. $8^{3}/_{4}$ + (2 вклейки) $^{1}/_{2}$. Условн. печ. л. 16,195.
Учётно-изд. л. 14,32. Тираж 75000 экз. А-01311. Зак. № 379.
Цена 6 р. 60 к. 0-69

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.